

В. И. Косик

**«МОЛОДАЯ РОССИЯ»
Вариации на тему национализма
в маршах эпохи**

**Москва
2013**

«Ни белые, ни красные, а русские», «Царь и Советы», «Лицом к России» — под этими лозунгами выступала молодежь из «Молодой России», одной из самых крупных заграничных российских организаций, имевшей свои отделения на всех континентах и во всех государствах, где были русские изгнанники. Автор рисует широкое полотно мира идей младороссов, уверенных в свержении «красного интернационала» либо через революцию, либо — эволюцию самой власти. В книге много места уделяется вопросам строительства «нового мира» и его строителям — младороссам в теории и «сталинским ударникам» на практике. Внимание уделено такому многоцветному феномену, как национализм и его роли в строительстве государства. Хронологически книга завершается временем первых лет второй мировой войны, когда младороссы выступили в защиту России.

Введение во время

Неослабевающий интерес историков и философов, социологов и политологов к российской эмиграции первой волны – свидетельство востребованности идей, выработанных идеологами эмиграции, для понимания своего национального бытия в современном, уже неузнаваемо изменившемся мире. Распутывая сложный клубок националистических, демократических, социалистических, монархических и прочих идей – историк сталкивается с огромными сложностями. Все свое богатство и всю свою нищету выплеснула в политический котел «новой Европы» досужая мыслящая эмигрантская Россия. И, разбирая свалившийся на вышедших из своего «духовного заточения» потомков сундук заграничных дедов, мы, порой, бываем, удивлены их наивностью, а порой потрясены обретенным богатством, сулящим неплохие ориентиры на наших еще не протоптанных путях.

Безусловно, в сочинениях отечественных и зарубежных авторов приоритет отдается исследованиям в области культуры. Солидные исследования так называемой миссии русской эмиграции. Рассмотрение же проблем и сюжетов, связанных с политической деятельностью российской эмиграции, находится на втором или третьем плане. Объяснение этому можно искать в кажущейся бесперспективности, тупиковости таких тем, выявленной историей (на том этапе) ошибочности, неверности программных установок, мелкости самих организаций и их деятельности и пр. Однако внимательное изучение этой тематики позволяет не спешить списывать их творчество и деяния. Если даже «карликовые» организации с такими же идеями могут неожиданно подарить интересными поворотами мыслей, то, что же говорить о многотысячных движениях союзах, объединениях, возглавлявшиеся людьми, умеющими размышлять, думать о России, надеявшимися увидеть свою родину свободной, готовившимися отдать ей свои знания и силы.

Одной из такой организаций и является «Молодая Россия» с ее лозунгом «Ни белые, ни красные, а русские». Век ее был сравнительно короткий, но богатство идей, мыслей, размышлений поражают. Многое из теоретического наследства младороссов, выступивших на политическую сцену зарубежья в начале 1920-х гг., и сегодня звучит современно, а значит актуально.

Русские, поляки, чехи, евреи, ассирийцы, украинцы, армяне, грузины и представители многих других народов «ходили» в младорос-

сах, живших в странах русского рассеяния — от Аргентины до Австралии, от Брюсселя до Дамаска, от Китая до Канады. И одна из основных тем, не сходявших со страниц многочисленной младоросской прессы, была посвящена будущему обустройству России. Размышляя о строительстве новой России, младороссы не могли не учитывать опыта строительства «нового мира» в Германии и Италии.

Поэтому мне пришлось обратиться вслед за младороссами к идеям, некоторые из которых связаны и с феноменом распространения во времени идей фашизма и его интерпретации в русской мысли, в русском обществе, в русской эмиграции, в славянском мире.

Сразу скажу, что за последние годы у нас в стране вышло немало книг, из которых наш охочий до знаний читатель, сидевший в свое время на самиздатовской диете, может почерпнуть многое и даже стать специалистом по национальному вопросу и жидо-масонскому заговору, иметь представление о революционном консерватизме и твердо усвоить, что патриотизм может быть всех цветов радуги, в том числе и коричневым или черным, а идеология есть ни что иное, как стиль.

Отбросив в сторону иронию, подчеркну, что обретение свободы мысли проходит довольно тяжело и нелегко думать над проблемой традиционности феномена фашизма. И опять-таки поспешу предупредить моего читателя, что время — коварный феномен, и в 1920-е гг. идеи Берлина и Рима по строительству «новых небес» не ассоциировались с Треблинкой и Маутхаузеном и культом голубоглазой блондинки.

В постверсальское время фашизм для многих — не только для «глупой массы обывателей», но и для некоторых «европейцев» — представлял некоей панацеей от «коммунистической заразы», силой, способной раздавить большевизм, переустроить мир на органических основаниях национал-социализма, где не было места ни классовой борьбе, ни «золотому интернационалу».

Безусловно, в настоящее время от всего этого учения в массовом сознании остался, грубо говоря, лишь антисемитизм с холокостом. Однако в то время, когда мир пытался перестроить себя, когда вместо одной строилось сразу несколько вавилонских башен, практика еще не пожрала идеи, хотя и путанные и «вредные, с их ставкой на «кровь и почву». Ими интересовались и Струве, и Бердяев, и Ильин. Назову здесь и И. Солоневича, провозгласившего фашизм «новым евангелием, возвещенным на тысячи лет».

Небезынтересно отметить и такие факты. В 1920-е гг. в СССР действовал Орден русских фашистов, одним из организаторов которого был приятель Есенина поэт А. Ганин, родом с Вологодчины. В 1929 г. в Северо-Двинской губернии издавался даже нелегальный фашистский журнал «Голоса угнетенных», в котором критика политики местных «вождей» сочеталась с надеждами на Москву, на центральные власти.

В 1920–1930-х гг. в эмиграции насчитывалось свыше полутора десятка только крупных политических организаций, называвших себя фашистами или национал-революционерами, например, Российское Освободительное Народное Движение (РОНД), Российское Национальное и Социальное Движение (РНСД), Русская Фашистская Партия (РФП), Национальная Организация Русских Фашистов (НОРС), Российский Фашистский Союз (РФС), Всероссийская Фашистская Партия (ВФП), Русский Национальный Союз Участников Войны (РНСУВ), Российский Национальный Фронт (РНФ), воспринявших ряд ценностных установок и положений у итальянского фашизма и германского национал-социализма. Близкими по идеологическим установкам были «нацмальчики» из Национального Союза Русской Молодежи (позже — Национально-Трудовой Союз Нового Поколения, НТСНП) и младороссы. Но «близкое» весьма далеко от «идентичного», особенно если вспомнить «советские» установки младороссов, отречение младороссов от своей прежней приверженности идеям фашизма, угрожавшего Родине, даже если она тогда называлась «Совдепией». Можно вспомнить и «классические националистические организации», схожих с фашистскими или национал-социалистическими, как например, Российскую Всенародную Партию Националистов (РВПН), в программе которой подчеркивалась неделимость России, отстранение классов и партий от участия в политической жизни страны через избрание делегатов профсоюзами во все советы и во Всероссийское Национальное Народное Собрание. Само становления «православного русского фашизма» с его лозунгом «Бог, Нация, Труд» связывалось с «восстановлением православия в его чистоте и святости», с созданием «на русской земле царства социальной справедливости — Трудовой Русской империи».

Обращение к «неудобным» темам, таким как «русский фашизм», не прихоть оскудевшего темиами историка, а горестная необходимость пробиться через некий исторический завал политизированных, националистических, конъюнктурных, ошибочных или точных

оценок, чтобы продолжать путь осмысления своей истории. Как говорит мой знакомый историк, поражения и победы удобопревратны, т. е. имеют способность к обращению в свою противоположность (если размышлять над историей как серией уроков, преподанных в наиболее наглядной форме).

Это как раз и является одной из причин, которые вынуждают думать над проблемой традиционности национальной мысли, патриотизма в его самых разных обличиях — от елейного до проклинающего, и при этом стараться не уходить ни от одной из проблем, поставленных в одном времени и заболтанных в другом. Исследование движения младороссов позволяет вдумываться не столько в привычные наши слабости, о которых писано-переписано, и задумываться над ними, сколько размышлять над верой в Россию, в ее миссию.

Анализ видения мира изгнанниками, их мысли о прошлом, настоящем и будущем России, славянства был бы ущербным без детальной прорисовки взглядов самих младороссов и их главы Александра Львовича Казем-Бека, личность которого была известна не только соотечественникам, но и европейским политическим, государственным и общественным деятелям. А. Л. Казем-Бек был автором, возможно, первого проекта устройства мира, написанного им в самом начале второй мировой войны. И сама книга посвящена тем, кто думал о России, кто размышлял о ее лучшем будущем, кто верил в то, что Россия найдет в себе силы, чтобы стать подлинно народной страной.

Поставленная мною задача связана с рассмотрением обширно-го круга проблем и сюжетов, связанных с политической деятельностью младороссов, их размышлениями о демократических идеалах и революции, о Западе и прогрессе, о России и русском народе, о Восточном и национальном вопросах, о иерархическом принципе и революционном консерватизме, о национализме в социальной оболочке и интернационализме — в революционной.

Одно перечисление этих многотрудных проблем может вызвать недоверчивую усмешку, если не издевку, но, тем не менее, я рискнул, — время было моим союзником, оно мне помогало трудами и мыслями своих «комментаторов».

Хронологические рамки труда — от Октябрьской революции 1917 г. до времени первых лет второй мировой войны. «Темное время» для одних и «светлое» для других позволило автору показать политическую динамику младоросского движения. Особое внимание

уделено сюжетам созидания «новых небес» в СССР, в новой России — той России, «лицом к которой» призывала стать и «вторая советская партия» — «Молодая Россия».

Широкое привлечение разнообразных и, главное, новых источников позволило мне, надеюсь, обрисовать картину тех лет, значительно усложняющую наши представления о том времени. Само «обращение ко времени» позволяет, думаю, не только осветить и проанализировать истоки, динамику младоросской «идейной эволюции и интеллектуального наследия», т. е. ликвидировать сложившийся дисбаланс в наших представлениях о политической мысли российской эмиграции, но и выявить и исследовать многоцветный спектр факторов, оказавших существенное влияние на сложный, где-то скачкообразный, процесс формирования мировоззрения младороссов.

Поставленная задача решалась на основе изучения обширного корпуса источников и литературы, в том числе архивного характера. При этом ряд материалов вводится впервые в научный оборот, позволяя увидеть младороссов во времени и время в младороссах.

Процесс формирования сложнейшего спектра политических воззрений у младороссов я старался показать на фоне взглядов их современников на окружавший их мир политики.

В частности, при освещении картины отхода младороссов от теоретических построений национал-социалистов Германии, ставшей угрозой их Родине, даже если она звалась СССР, мне показалось уместным показать разделение эмиграции на два лагеря — «пораженцев» и «оборонцев», к последним принадлежали младороссы, в числе которых был, в частности, Илья Ильич Толстой, будущий профессор Московского университета.

Будучи почитателем К. Н. Леонтьева, я не пренебрег его уроками. Необходимость своего «цветения», о котором писал Константин Николаевич, освещается в сюжетах, посвященных Русскому миру в советской стране, управляемой большевиками. И точка зрения младороссов, гордившихся родиной, ее успехами, утверждавших вечность России и временность ее правителей, представляется мне верной. И правы были те, кто утверждал, что Россия, пережившая многое, переживет и большевизм.

Оригинальность воззрений А. Л. Казем-Бека, этого бесспорно глубоко талантливого человека с даром трибуна, русского мыслителя по существу и форме, на государственную политику, рассмотрение им проблематики возрождения России — все это подается на фоне тео-

ретических рассуждений об эволюционизме и революционном консерватизме, этих двух великих движителей человеческого мира.

Само предлагаемое здесь исследование младоросского движения позволяет расширить наши представления не только о мире «отцов» и «детей» в эмиграции, но и о психологии восприятия изгнанниками происходивших на родине процессов. Для младороссов, уже ответивших на вопросы «кто мы?» и «кто виноват?», оставалось еще два — «куда мы идем?» и «как мы идем?» Этому тоже посвящены свои сюжеты, соединяющие то время с нашим.

Я стремился, чтобы моя книга была своеобразным мостом во времени, позволяющим встретиться с «делателями» времени, личностями, которые воздействовали на выработку мировоззрения «героев» книги, на само время без его лакировки, упрощения, мифологизации, спрямления истории.

Меня можно, конечно, упрекнуть в увлечении цитированием, что не всегда, возможно, представляется оправданным. Но следует учесть, что глобальность поднимаемых российской эмиграцией проблем, часто не позволяя разрешить их «сразу и сейчас», заставляла работать мысль многих его современников. Я стремился создать некий «групповой портрет», позволяющий не только увидеть спектр тогдашней русской мысли, но и «своеобразное своеобразие» младороссов.

Далее. При всей кажущейся несвоевременности разработки в эмиграции идеи славянской взаимности, эта тематика, как показывает сама история тому, кто хочет видеть, занимала важное место в размышлениях, касавшихся, прежде всего, будущего устройства славянского мира.

Особо следует подчеркнуть, что представленная книга позволит, надеюсь, увидеть не портрет «застывшей» в своем «расхожем антисоветизме» или «фашизме» российской эмиграции, а мир мыслей, идей, размышлений над судьбами России, славянства, мира.

И еще. Личное. Мне эта книга далась нелегко. Некоторые не поняли, что же я написал. Отвечаю: это не портрет уважаемого мною Александра Львовича Казем-Бека, не славословие той или иной идеи, движения, партии. Это фрагмент грозного времени между двумя мировыми войнами и время выбора.

Содержание

Введение во время

Глава и его организация

Национализм и его вариации в маршах эпохи

Революция, эволюция, революция

Патриотизм: «Отцы и дети»

Предвоенные годы: «Как невесту Родину мы любим
бережем как ласковую мать»

Именной указатель

16 января 1957 г. на страницах «Правды» было опубликовано письмо за подписью незнакомого советской России и широко известного за ее границами Александра Львовича Казем-Бека (1902–1977), лидера младоросского движения, пик популярности которого пришелся на 1930-е гг. Выдержанное в традициях партийной журналистики и напоминавшее по стилю протокол допроса, оно должно было продемонстрировать «всепобеждающую силу идей нового мира». Строители коммунизма могли читать следующие «покаянные строки» возвращенца: «Когда началась Октябрьская социалистическая революция, я вступил в белую армию и с оружием в руках боролся против молодой советской республики. В 1919 г. с остатками белогвардейцев бежал за границу, где включился в активную антисоветскую борьбу... Я долго оставался под влиянием антисоветской пропаганды, проникнутой духом ненависти к новому государственному строю в России, и искал возможностей активизировать борьбу с ней... стал писать статьи в буржуазных газетах о «скорой гибели советской власти», о «спасении России от коммунистов». Клеветал на свою Родину, лучших ее представителей, предавал самое драгоценное и святое, что есть у человека, — чувство любви к Родине.

Больше этого, всю свою энергию я направил на создание партии, с помощью которой мы намеревались вести борьбу против Советской власти.

В 1924 году я создал и возглавил так называемую Младоросскую партию, которая ставила своей целью возродить буржуазный строй в нашей стране.

Деятельность этой антисоветской партии отвечала интересам империалистов, которые всячески поощряли ее и оказывали материальную поддержку, за которую я должен был отплачивать очередной антисоветской клеветой на свой народ, что я и делал.

Огромные достижения в экономическом, политическом и культурном развитии Советского Союза вселяли в меня чувства растущей национальной гордости и приводили меня с каждым днем с позиции отрицания к позиции признания.

Однако полностью я еще не разделял идей социализма.

К 1939 году я уже фактически отошел от антисоветской деятельности.

Окончательным моим пробуждением была нависшая угроза над нашей страной со стороны германского фашизма. Я знал, что несет фашизм народам мира, и борьба против него стала представляться

мне долгом каждого честного человека и каждого русского. Я осознал бесплодность своей борьбы, обман, которому я поддался, и понял, что каждая моя клеветническая статья приносит вред моему народу.

В 1940 году я начал выступать в прессе с одобрением внешней политики Советского правительства, а в 1941 году после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР объявил о роспуске «Младоросской партии», порвал, таким образом, с антисоветскими группировками и бесповоротно встал на позиции советского патриота.

За свои просоветские взгляды в числе других был посажен французами властями в концлагерь, но вскоре мне удалось освободиться и выехать в Америку. По прибытии в США начал сотрудничать в прогрессивных американских газетах, где помещал статьи, в которых рассказывал американским гражданам о героической Советской Армии и о народах Советского Союза... власти с самого начала отнеслись ко мне с недоверием и предубеждением. Постепенно жизнь моя в „свободной“ Америке стала невыносимой. Я не скрывал своих патриотических взглядов к СССР, за что меня неоднократно обыскивали и много раз допрашивали... Я рад, что вырвался из американского „рая“ (вернулся в СССР в 1956 г. — В. К.), я счастлив, что народ и правительство мне верит, и я могу посвятить остаток дней своих служению своей стране, идущей по историческому пути и строящей светлое будущее для всего человечества».

Дезинформация и истина смешаны здесь в необходимой пропорции, чтобы у советского читателя не возникло ни грана сомнения в безусловной искренности каждого слова «блудного сына», вернувшегося на простившую его Родину.

Нынешнее время позволяет восстановить то, что было умолчано и оболгано в публикации 1957 г. и представить в реалиях портрет младороссов.

Глава и его организация

Право на свободу слова, собраний, организацию партий, объединений, движений эмиграция «увезла» с собой, где на чужбине пышным цветом распустились многочисленные формирования, ставившие своей целью освобождение России от коммунистов. К числу наиболее крупных, и наименее известных, относится «Молодая Россия».

Возможное объяснение этого парадокса следует искать в «странной» идеологии младороссов: приверженность к идеям раннего фашизма сочеталась с гордостью достижениями Советской России. Объединение «несоединимого» принесло младороссам сомнительную славу: для одних они слыли русскими фашистами, для других — патриотами, для третьих — отступниками и ренегатами.

Все это рождает желание разобраться в этом запутанном сюжете, который интересен уже тем, что позволяет войти в национал-социалистические идеалы в Европе, в мир вечных поисков России, ищущей «закона и благодати». Искал ее и Александр Львович Казем-Бек, семья которого издавна служила России. По мужской линии он был потомком выдающегося ученого-востоковеда профессора Мирзы Мухаммеда Али Гаджи Касим оглы (по-русски Александра Касимовича) Казем-Бека, сына шейх-уль-ислама в Дербенте¹. По женской линии он состоял в родстве с Евгением Абрамовичем Боратынским, женатым на дочери прадеда моего героя. Матерью А. Л. Казем-Бека стала Надежда Шпигельберг, немка по национальности. Его отец — Лев Казем-Бек, выпускник Пажеского корпуса долгое время занимал пост предводителя дворянства округа Вильно².

Сам Александр, пройдя испытания германской и гражданской войн, уже в 1920 г. эмигрировал. Начиналась новая, удивительная жизнь русского, «России в изгнании». В отличие от многих сверстников ему во многом «везло»: помогали талант и умение завязывать нужные знакомства. Он слушал лекции профессоров в Белграде и Мюнхене. В 1925 г. сдал экзамены в Высшей школе политических и социальных наук в Париже. Посещал занятия в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Потомок шейх-уль-ислама много хотел, но диплом ему не дала получить сама жизнь с ее старыми проблемами в эмигрантской упаковке. Выручал блестящий ум, способность к синтезу и анализу разнообразной информации, получаемой им из самых различных по своему характеру источников.

Ставка на молодые, свежие силы, способные к творческому анализу, обусловила и монархический выбор Александра: для него «блюстителем российского престола», возглавителем императорского Дома становится великий князь Кирилл Владимирович (другой претендент – Николай Николаевич, родившийся в 1856 г., на двадцать лет раньше своего соперника, был, видимо, слишком стар, чтобы возглавить в будущем новую Россию). Раздоры «бизонов», проигравших Россию и все еще «сидящих на чемоданах» с надеждой на возвращение в светлое и довольное прошлое, не могли не вызвать соответствующей реакции у «детей»

В 1933 г. Борис Лихачев в статье «Десять лет назад» вспоминал: «Ноябрь 1922 года... В Париже съезд эмигрантских „монархических верхов“. Вместо единения вокруг Главы Династии, вместо реальной работы на Русское дело – бесконечные пересуды о „своевременности“ или „несвоевременности“, о юридической „обоснованности“ или „необоснованности“ акта Блюстителя Престола... И мечтания. О возврате земель. О вознаграждении за понесенные убытки... В младшем поколении эмиграции протест против определившейся идейной разрухи сказался сразу... На самоотмежевание „верхов“ от российской действительности молодежь могла ответить лишь самодеятельностью, самостоятельной работой под знаком поворота – „лицом к России!“. Между рассеянными по разным странам русскими студенческими объединениями... союзами молодежи завязалась оживленная переписка... Февраль 1923 года... В Мюнхене собрался „Первый всеобщий Съезд представителей организаций национально-мыслящей русской молодежи“. На съезде было представлено 29 организаций. „Дом наш сгорел дотла. Мы заново построим его свежими, юными силами... “ – декларировал съезд, отдавая силы представленной им молодежи, в распоряжение главы Российского Императорского Дома... Кого из съехавшихся поставить во главе общего дела? Леонида Николаевича Козлова, председателя Главного совета русского студенческого объединения на Балканах? Или Сергея Николаевича Плаутина, председателя Главного совета русского союза монархической молодежи – организации, возникшей еще в 1917 году на русской территории... или кого-либо из руководителей Союза русской национальной молодежи, например, председателя его мюнхенского отдела князя Андрея Николаевича Оболенского». Выбор пал на Александра Казем-Бека. «Его личность оказалась столь всеподавляющей своей талантливостью, яркостью и волей, что ко дню

окончания Съезда ни для кого из нас, его участников, не оставалось ни малейшего сомнения в том, что именно ему должно стать во главе учреждавшегося „Главного совета объединенной русской молодежи“ и возникшего в итоге съезда федеративного Союза „Молодая Россия“. Единогласное избрание А. Л. Казем-Бека засвидетельствовало нашу общую уверенность, что лишь одному ему под силу создание и возглавление Русского „национально-социально-фашистского“ движения»³.

О содержании Декларации «Первого всеобщего съезда организации национально-мыслящей молодежи» дают представления такие строки: «Наш Идеал – Великая, Могущественная, Национальная Россия. Наша Вера – в грядущее спасение и возрождение Родины. Русский народ, обманутый и обманувшийся, исцелится от чужеземной заразы. Он найдет опять свои национальные пути и, в рамках исторической формы своего многовекового государственного строя завершит на грани двух миров культурно-историческое призвание Русского Государства. Мы верим в великое прозрение сынов Русского народа, сознавшего свои тяжкие преступления против Родины. Мы исповедуем грехи руководящих слоев Русского общества, в большей своей части увлекавшихся несбыточными, ложными построениями и разрушивших свою государственность, а в меньшей – допустивших своей преступной вялостью и непротивлением злу развал Русской Державы. Мы каемся в нашей доле участия, вольного или невольного, в причинах Русского бедствия... На единении Царя и народа, на мудром и твердом управлении и взаимном доверии правителей и граждан будут покоиться основы новой Русской государственности. Мы не хотим восстановления изжитых порядков, не устоявших перед смутой, и возвращения ветхих душой людей к управлению Россией... Мы хотим возрождения Русской культуры и творческого духа, воссоздания хозяйственной мощи России, оздоровления Русского быта. Самоотверженный созидательный труд всех граждан, чуждый сословной розни и классовой борьбы вернет России расцвет и благоденствие»⁴.

Итак, февральский Всеобщий съезд национально-мыслящей молодежи объединил на «исконных принципах Русского Национализма» 29 организаций, насчитывающих около 4 000 членов. Избрав свой руководящий орган – Главный совет объединенной русской молодежи, все они, сохраняя свою внутреннюю самостоятельность, вошли в состав возглавляемого им федеративного Союза «Молодая Россия».

Перед руководством были поставлены задачи по распространению в молодежной среде национальных идей, вовлечению молодых людей в ряды младороссов, формированию повсеместно отделений союза, созданию обществ по самообразованию, открытию литературно-художественных, научно-образовательных и спортивных кружков, учреждению курсов политического образования, прикладных наук, ремесленных и профессиональных школ, а также ссудных касс и обществ взаимопомощи и благотворительности⁵.

Цель Главного совета объединенной русской молодежи — «способствовать расширению и укреплению организаций националистических сил, открытая проповедь их верований, выполнение их научно-исторических и политических знаний, могущих укрепить и обосновать их национальное чувство и облегчить подготовку для созидательной работы на родине, а равно сознательное отношение к националистическому движению, ныне охватывающему Европу. Националисты всех стран — наши друзья. К ним присоединим мы свои силы в борьбе с общим врагом: интернационалом, демократизмом и социализмом... На примерах успешной борьбы националистов против внутренних врагов родины, картина коих разворачивается на наших глазах во всех государствах Европы, должны мы учиться, памятуя, что каждый наступающий день может принести нам весть о падении большевизма (!!! — В. К.) и возможности возвращения в Россию. К этому часу мы должны быть: организованы, дружно-сплочены и вооружены необходимыми знаниями... и тактическими приемами победоносного фашизма в Италии, соколов в Чехии, хакенкрейцеров (правых радикалов. — В. К.) в Германии и националистов во Франции»⁶.

В 1923 г. в Мюнхене Александр Львович Казем-Бек избирается председателем Главного совета объединения русской молодежи, которая на своем втором съезде в 1924 г. инициирует создание Союза молодой России, переименованного в 1925 г. в Союз младороссов, а в 1935 г. — в Младоросскую партию, куда входили практически все представители наций, народностей России, ее регионов, краев, областей.

В ее рядах были великий князь Дмитрий Александрович Романов — председатель Главного совета младоросской партии, светлейший князь Леонид Павлович Ливен, граф Юрий Борисович Мусин-Пушкин, граф Павел Александрович Шувалов, граф Илья Ильич Толстой, барон Федор Мейендорф, барон фон Штейгер Анатолий Сергеевич. Среди членов Младоросской партии можно было встре-

тить самые разнообразные фамилии – Иванов, Али-Абас, д'Алонзо, Аштар, Баар, Безматерных, Био, дю Бош, Виркау, Войт, Гаганидзе, Гинднер, Гойер-Боот, Гульязизов, Джанкаев, Дзбановский, Дэнни, Дураков, Имерлишвили, Ишоев, Киссель, Лембик, Луначек, Лях-Невинский, Малхолланд, Маркопуло, Маркс, Миштовт, Мурзаев, Нувой, Освальд, Криштал, Роар, Розенберг, Романов⁷.

Организация младороссов постепенно распространила свои филиалы практически на все земли, где осели изгнанники. Ее представительства находились в Финляндии, Ливане, Сирии, Северной Америке, Австрии, Эстонии, Египте, Норвегии, Венгрии, Чехо-Словакии, Швейцарии, Польше, Италии, Литве, Бельгии, Китае, Персии, Турции, Греции, Болгарии, Югославии, Германии, Японии, на Дальнем Востоке и в Южной Америке. Ячейки младороссов были в таких городах, как Белград, Дубровник, Загреб, Пожаревац, Скопье, Смедерево, Суботица (Королевство Югославия); Ванкувер, Онтарио (Канада); Беркли, Вашингтон, Жюно, Лос-Анжелес, Санта-Роза, Ситл (США); Виндзор (Великобритания); Выборг (Финляндия); Габрово, Горна Джумая, Лом, Перник, Пловдив, Свищово (Болгария); Дамаск; Каир; Манила; Монтевидео (Уругвай); Осло; Рио-де-Жанейро; Ровно (Польша). Очаги младоросского Ордена работали в Белграде, Вуковаре, Нови-Саде (Королевство Югославия); Берлине; Бейруте; Брюсселе, Льеже, Шарлеруа (Бельгия); Буэнос-Айресе; Варне, Софии, Сливене (Болгария); Гельсингфорсе, Суоярви (Финляндия); Детройте, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго; Лондоне; Митаве, Прекульне, Риге (Латвия); Праге; Риме; Сан-Паулу (Бразилия); Тегеране; Тяньдзине, Шанхае.

Судя по партийной картотеке, численность младороссов к 1937 г. не превышала 1 400 человек⁸. Однако ее контрольная выверка с другими архивными документами заставляет предположить, что их количество было значительно больше. Да и предыдущая цифра в 4 000 человек свидетельствует об этом.

(Параллельно с младороссами в 1920-е гг. П. Б. Струве создал свой «Союз молодой России» – «сильное государство, сильная власть, единство зарубежной и внутренней России. В Париже Союзом руководить было поручено К. И. Зайцеву, в Германии И. А. Ильину, в Праге И. Д. Гримму»⁹.)

Под руководством Казем-Бека уже со второй половины 20-х гг. XX столетия действовали: «Союз русских студентов» в Будапеште, Сараево, в Эстонии; «Союз русских офицеров» – в венгерской столице.

Судя по сухой справке из ФСБ РФ, Казем-Бек «объединил главный совет «Российского Союза монархической молодежи», 1-й Белградский отдел студентов «Российского союза национальной или монархической молодежи (РСНМ), 2-й отдел (гимназисты) РСНМ, Старосербский, Белоцерковский, Загребский, Ново-Бечейский, Новосадский и Сараевский отделы РСНМ»¹⁰.

Духовником Младоросской партии стал священник Паевский. Хотя я не могу достаточно уверенно говорить, что в ее рядах были исключительно православные, но, тем не менее, именно традиционному русскому вероисповеданию придавалось важнейшее значение. В своих «Письмах к младороссам» Александр Казем-Бек (статья подписана инициалами А. К.— Б.) писал: «Столкновение заострившихся противоположных течений не дало победы безверию и учение животного материализма не сразило на Руси православие... неудача коммунизма после первых штурмов на церковную твердыню была ясно определена и отмечена самими руководителями ВКП, когда была применена в отношении Церкви новая тактика „взрыва изнутри“. Поддержка живой церкви, покровительство обновленцам... равносильны признанию несостоятельности прежней тактики и, тем самым, собственной неудачи. Террор оказался бессильным. Необходимо подчеркнуть, что православие как мировоззрение и Церковь, как внешняя организация, оказались единственными проявлениями национальной жизни, на которые террор не возымел решающего действия. Благодаря устоявшему православию, октябрьская революция оказалась не интегральной в своем разрушительном порыве, и главный корень национальной жизни уцелел... Я даже уверен в том... что церковность и религиозное движение не приведут, сами по себе, ни к каким революционным актам. Их значение в национальной революции и последующем русском возрождении будет несравненно глубже. Благотворность их влияния скажется, прежде всего... в ориентации духовных исканий и в питании этих исканий великой и благодатной жизненностью. Вот почему младороссы не могут не признать православной церковности одним из самых мощных факторов (и едва ли не самым мощным) национального возрождения... нельзя допустить и мысли, что это возрождение могло бы осуществиться вне православия или без его участия... Православие — пока единственная плоскость, в которой может осуществиться национальное единство... Православие заложило основы нашего мировоззрения, выдвинуло философию... наши национальные идеалы, наши

стремления, наш общественный строй, наш бытовой уклад, наша государственность: вся наша самобытность. Залечив свои раны, восстановив свое равновесие, упрочив свое моральное преобладание, православие наше двинется к великим целям, увлекая за собой по пути мессианства новую русскую культуру. Углубленное православие, становясь по значению своих идеалов подлинно вселенским, тем самым выводит и русскую нацию на мировой простор исторических свершений»¹¹.

Эти мысли интересны не только своей размашистостью, но и тем, что здесь автор хранит абсолютное молчание о крайне тяжелом положении РПЦ, о гонениях на Церковь, о тысячах и тысячах мучеников за веру, о нестроениях между Русской Православной Церковью Заграницей и высшей церковной властью в Москве. Можно предположить, что все это для него не имело существенного характера. Главное заключалось в самом бытии православной Церкви. В частности, его тревога вызвана не политизацией иерархов, а сохранением церковности в русском рассеянии: «Молодняк эмиграции за редкими исключениями не проявляет ни способности, ни склонности в полной мере проникнуться церковностью, свойственной русскому быту. Церковность здесь, за границей, понимается одними, как ханжество, от которого надо сторониться, другими, как увлечение богословской риторикой, „мудрствующей лукаво“ и граничащей с ересью. И то, и другое предположения далеки от истины. На самом деле церковность есть именно бой... Нам в нашем изгнании больше всего недостает как раз свежих и личных впечатлений, которые восполняются острой памятью и силой воображения лишь весьма несовершенно. Как может в самом деле, постичь нашу церковность, столь своеобразную и особенную, юноша, будь он семи пядей во лбу, если для него православие ограничено топтанием у тусклой решетки на „рю Дарю“, обрывками воспоминаний о приходской церкви, куда его водила нянька, да открытками с посредственным изображением Исаакиевского собора?.. И вот для этих подростков, превратившихся в наших сверстников, все доводы о церковности, православии, самобытности, остаются отвлеченными рассуждениями на малопонятные темы, — загадками, разрешение которых их мало заботит, и ответы на которые они могли бы получить лишь на русской земле... когда мы судим о значении православия в истории России и в современной ее жизни, мы должны считаться не только и не столько с философией и богословием, как с бытом, т. е. с обрядностью. Единство мыслей и

поступков в очень значительной мере обязано своим возникновением обрядности... нам следует вникнуть в мысли тех, кто раньше нас, с большим усердием и большими возможностями изучил наш быт... Для примера укажу на одну только фразу нашего Достоевского, которой он отвечает на уозсть не приемлющих православия: „Русская вера, русское православие есть все то, что только русский народ считает за свою святыню, в ней его идеалы, вся правда и истина жизни“»¹².

Опора на русскую веру, на традиционное православие была характерна для многих россиян, оказавшихся на чужбине. И, конечно, молодежь, подраставшая в православных славянских странах, в Болгарии, в Сербии, находилась в гораздо лучших условиях, нежели, например, в католической Франции. Именно в Сербии возник союз им. преп. Сергия Радонежского с девизом из Достоевского «Неправославный перестает быть русским». Установки этого религиозного кружка весьма близки мыслям Александра Казем-Бека. «Мы настойчиво утверждаем, — отмечалось в программном документе Союза, — что самая главная и вместе с тем конкретная и реальная наша задача — быть православными... наша национальная задача есть в то же время и, прежде всего, религиозная... не ставши православными, мы не можем поднять знамя „России“... Мы не признаем возможности религиозного исцеления, так чтобы одновременно не устроилось наше национальное переживание... Наш Союз собирает в себе людей, готовых отдать свои силы основной, центральной идее русского национального бытия, готовых окончательно и бесповоротно отдать их служению идее: „Россия не может быть неправославной“, „Неправославный перестает быть русским“»¹³.

В определенной степени им вторил младоросс Борис Вирановский: «Цементом, спаивающим нашу организацию, является любовь к живому русскому человеку, независимо по ту или по эту сторону рубежа, желание понять его и быть ему понятным, стремление освободить его душу, растлеваемую большевиками, с одной стороны, и отмирающими политическими течениями, с другой. Младоросские ряды спаяны именно этими чувствами: чувствами христианскими по существу, чувствами, которые чужды всем другим политическим организациям и политическим группировкам, ибо все остальные спаяны нехристианскими чувствами ненависти: непредреженцы — ненавистью к большевикам, „правые“ — ненавистью к революции и Новой России, „левые“ — к контрреволюции и России Старой»¹⁴.

Слова, слова, слова... — те самые фразы, в которых была утоплена монархия — может сказать скептик. Действительно «слов» у младороссов — много: особенно о Родине, которой они гордились. Хватало и романтики, этого злейшего врага мысли.

Сама структура младоросской организации с ее иерархичностью, возрожденной как бы из рыцарских времен, и заповедями, лаконизм которых отнюдь не означал «нищеты духа» — все это не могло не привлекать молодежь, чьи деды ели виноград, а ей оскомины досталась.

В строительстве своего Движения руководство младороссов активно использовало такую древнюю форму организации, как орден, принадлежность к которому давало ощущение избранности, обладания некоей тайной. В сущности, начало двадцатого века с его переделом мира и идеями установления нового порядка было тесно связано с мыслями о возрождении различных орденских структур. Новый Левиафан требовал тайны, которую мог обеспечить только орден. И далеко не случайно, что среди бумаг младороссов имеются выдержки из книги М. Бренстеда «Крах классовой политики». В этом весьма интересном труде автор писал: «Смысл концентричности орденской структуры заключается в том, что в ордене происходит качественный отбор человеческого материала для концентрации силы. В этом отборе, который происходит органически, заключается как бы социальная магия ордена... Качественный отбор человеческих масс происходит путем отбора волевых и моральных сил, путем отсеивания их от элементов слабых духом и от эгоистов всех мастей. Слабые остаются на периферии или выпадают вовсе из круга посвященных. Сильные идут вперед и вглубь, но испытанием силы может быть только борьба, только дела и поступки... орден всегда имеет мировую арену своего действия, в то время как партия действует в пределах государства, на арене национальной. Это вытекает из того, что орден борется за ценности общечеловеческого значения, между тем как социально-экономические интересы, коими руководствуется партия, ограничены рамками государственной жизни. И даже тогда, когда деятельность ордена разворачивается в национальных рамках, он стремится вывести нацию на мировую арену, в область большой политики, для осуществления нацией ее исторической миссии, ее исторической идеи, во всечеловечестве... Орден не стремится к количественному росту, он объединяет качество, партия же наоборот ориентируется на т. н. „массы“. Оперирруя с качествами, орден воздействует и на самую партию, влияя на ее качественные элементы.

Орден часто был той именно силой, которая стояла за теми или иными партвождями, влияя на них или непосредственно или путем создания для них особой среды. Такого рода тактика была бы немыслима, если бы орден был явным»¹⁵.

Сама экспрессивная фразеология лидеров должна была увлекать молодежь, уставшую от мудрствований «отцов». Так, один из ведущих младоросских лидеров К. Элита-Вильчковский звонко писал в своей статье «Тропы к путям»: «„Plus ultra“ стало лозунгом младороссов. Стремление, динамизм стали свойствами нашего движения, неудовлетворенность малым — ее характерной чертой»¹⁶.

А на практике?

Официальные документы дают следующую картину. «Младоросское движение есть совокупность лиц и организаций, сочувствующих, содействующих или служащих установлению в России нового строя на началах национализма, социальности и монархизма. а) Младоросский национализм есть любовь к Российской Имперской Нации, состоящей из многочисленных народов, имеющих равные права на самобытное развитие... ведущая роль по укреплению и защите государства принадлежит народам русским... Через служение нации осуществляется и всечеловеческий идеал международной справедливости и мирного сотрудничества народов. б) Младоросская социальность есть стремление к осуществлению в политическом, социальном, экономическом и бытовом строе национальной жизни начал справедливости в формах, соответствующих той правде, к которой на протяжении своей истории стремилась Российская нация. Младоросская социальность находит свое осуществление в проведении в жизнь младоросского социализма... исключает классовую борьбу... классовые и социальные привилегии и эксплуатацию человека человеком с построенным на ней капитализмом. Он признает частную собственность как социальную функцию и принцип национальной плановости, утверждает примат духовного начала над материальным и свободу совести. в) Младоросский монархизм проистекает из веры в тот нравственный идеал, который лежит в основе русской культуры и русской государственности; он выражается в беззаветной преданности Природному Российскому Императору, олицетворяющему Нацию и служение Ей... Верховная власть Царя, в отличие от абсолютной, ограничена нравственным идеалом, служение которому объединяет Царя с народом в соборном сотрудничестве... Младоросская Партия. Те, из входящих в Движение лиц,

которые в своей политической деятельности добровольно объединяются, подчиняя ее водительству и руководству младоросской иерархии, составляют Младоросскую Партию. Партия построена на единоначалии, иерархичности и сотрудничестве.

Орден Младороссов. Те из членов партии, которые рассматривают задачи Младоросского Движения как главную цель своей жизни и добровольно согласуют с этой целью не только свою политическую работу, но и свою общественную деятельность и личную жизнь, объединяются в Орден Младороссов... Младоросский Орден является ядром Партии и Движения»¹⁷.

Судя по документам — номерам партбилетов и орденских знаков — поступление в Орден было сравнительно легким. Однако прием туда постепенно ужесточался. В 1936 г. Казем-Бек писал председателю Главного совета Младоросской партии великому князю Дмитрию Павловичу о том, что в дальнейшем прямого доступа в Орден не будет. Он станет «отбором лучших, наиболее надежных и наиболее полезных наших работников, которые готовы связать себя пожизненными обязательствами»¹⁸.

Символом Ордена служило изображение серебряной державы на лазоревом поле: держава означала российское государство, крест, ее увенчивающий — примат духовного начала над материальным, лазоревый цвет — примирение и сотрудничество национальных и социальных органов. Орденский флаг имел бело-желто-черные цвета¹⁹.

Корпорацией высшей орденской степени являлся созданный в 1938 г. Совет ответственных младороссов. Вместе с Главой и высшими руководителями партии он разделял ответственность за судьбы всего Движения. Фактически, новая структура означала усиление власти Ордена с одновременной активизацией деятельности «сонных» ответственных младороссов.

Идеологическая работа внутри партии лежала на политруках и пропагандистах-организаторах, в чьи обязанности входило разъяснение младоросской политграмоты, составленной в форме кратких вопросов и ответов. Ее авторы, собрав в ней практически все «проклятые» проблемы, волновавшие русскую молодежь, стремились убедить ее, что лишь русский путь, только создание нового русского мира, — построенного на принципах Союзной империи, национальной плановости и монархии трудящихся, — является единственным средством возрождения новой России, в которой сливаются восточная и западная культуры с их историческими традициями и современным бытием.

И еще несколько слов о кадровой работе. В 1932 г. в Союзе Младороссов начал действовать специальный Отдел подготовки кадров, чья работа должна была устранить все прежние ошибки и недочеты кустарщины. Младоросская подготовка имела три ступени. Первая, так называемая кандидатская, включала в себя знание основных младоросских установок и способность разъяснять их; умение разбирать и оспаривать основные утверждения противников. Вторая посвящалась изучению вопросов теории, практики и тактики. В процессе учебы шла дифференциация младороссов по способностям и специализация по склонностям. На третьей, куда могли добраться только те, кто выказал свои способности на предшествующих ступенях, осуществлялась подготовка руководящего состава, в частности, политруков и специалистов по разработке определенных вопросов²⁰.

Сама младоросская структура была достаточно разветвленной и сложной. В зависимости от местных условий строились ее различные организационно-территориальные подразделения: представительства в различных государствах; районы, подрайоны, бригады, звенья, очаги, ячейки или группы в городах. Формировались также специальные — женские, спортивные — группы. На учете представительства на Ливан и Сирию состояла уникальная группа русских ассирийцев. В странах, где осело много казаков, функционировали казачьи организации, как например Дмитриевская станица в Греции²¹.

Поощрялось создание иных организационных структурных подразделений, служащих целям сплочения в единый организм членов Младоросской партии. Например, во Франции в 1937 г. стало действовать «Объединение 1279», получившего свое название от номера циркулярного письма (от 25 мая 1936 г.) об укреплении иерархической дисциплины и включавшее в себя только членов Ордена.

В этом документе, подписанном Казем-Бекком, подчеркивалось: «Я знаю, что человеку свойственно иметь психологию „правую“ в отношении подчиненных и психологию „левую“ в отношении начальства. Это от эгоизма, и потому именно орденство, которое, прежде всего, клеймит эгоизм, обязывает всякое начальство изживать свое своеволие, а подчиненных — изживать всякое протестантство. И то и другое для той правды, которая, согласно нашей идеологии, спускается сверху, а не растет снизу... У всякого младоросса может быть свое мнение. Но действовать он должен, согласно мнения начальства...

Действия младоросса — в руках иерархии... Мы живем, развиваемся и работаем в ненормальных условиях: у нас нет территории, у нас нет физической власти, часто мы не можем найти точку приложения сил. Все это служит испытанием: кто выдержит, тот надежен, а выдержит тот, кто способен верить и стискивать зубы. Кто не имеет веры и зубов — лучше отойди... Служба требует иерархии, и за службу ответственна иерархия... Подчиненные должны беречь иерархию, какова бы она ни была... Как бы высший начальник ни крыл низшего начальника, если он это делает по собственной инициативе, он этим только усиливает иерархию, а тем самым и авторитет этого низшего начальника, как члена иерархии. Но если бы он его расцупал по жалобе снизу, он подорвал бы иерархию»²².

В заповедях члена «Объединения 1279» звучали такие мысли: «Авторитарная власть дает тебе права над подчиненным, но это только для того, чтобы сделать тебя за него ответственным... Бойся уронить авторитет начальства; иначе повредишь собственному авторитету... Прежде чем перейти к приказаниям, используй свой авторитет; при этом можешь требовать невозможного... Можешь выругать начальника в глаза, но помни, что он за тебя ответственен... Не делай работы подчиненного, иначе он сядет тебе на шею. Наоборот, заставляй его делать твою работу — в этом и будет твоя работа»²³.

«Делись своими соображениями в порядке совещательного голоса. Но прежде изживи собственный эгоизм, чтобы слова твои звучали во имя пользы для дела, а не во имя своей правоты... Мы вступаем в область орденства, того орденства, в котором служение уравнивает всех: начальников и подчиненных, умных и глупых, сильных и слабых. Но арбитраж остается миссией начальства, потому что начальство большим пожертвовало, больше отдало своего. Степень орденства есть степень самоотречения... личная честь есть замаскированное самолюбие. Честь не может быть личной. Честь есть понятие социальное. Честь проистекает от принадлежности к определенному организму и обязывает человека быть достойным этой принадлежности. Именно такова честь рыцаря, честь дворянина, честь офицера. Такова и честь младоросса. Это честь Ордена, перекрывающая и рыцарство, и дворянство, и офицерство. Думающий спасти свою честь, теряет ее, а кто отдает свою честь Ордену, тот укрепляет ее... Оставляю личную честь в пределах Очага. Она обязывает каждого младоросса стараться быть лучшим. Но по критерию иерархии, лучший — старшина. А личная честь старшины есть честь

его очага. В пределах бригады мыслима честь только своего очага. В пределах подрайона — только честь своей бригады, в пределах района — честь подрайона, в пределах Партии — честь района, в Русском море — честь Партии, на земле — честь русского имени... последнее орденское требование: претерпеть несправедливость ради Партии и от Партии, т. е. пожертвовать и справедливостью... Претерпеть несправедливость ради Партии и от Партии надо не во имя Партии, а во имя любви к Партии»²⁴.

«Во имя любви к науке не стану проводить аналогии с творением Дж. Орвелла.

Итак, налицо была жесткая партийная (орденская) дисциплина, которая в условиях эмиграции считалась альфой и омегой для самого существования организации младороссов и ликвидации в корне любых разбродов и шатаний, возникавших время от времени в молодежной среде.

В дальнейшем орденская тема получила свое развитие при проектировании устройства будущей России. В 1938 г. один из младоросских «мечтателей» писал в «Бодрости» следующее: «Главная роль во внутрирусском национальном созидании выпадет на долю новой национальной элиты... крепко спаянного и беззаветно-жертвенного отбора. Задача и смысл такого отбора... не столько административное управление, сколько духовное направление жизни страны. И, разумеется, нет лучшего способа духовного водительства, как личный пример. Эти люди, претендуя на священное звание лучших русских людей, должны стать как бы иноками в миру, сделать из служения Родине единственную цель своей жизни, словом, образовать Настоящий ОРДЕН, ОРДЕН СЛУЖЕНИЯ РОССИИ.

Особая этическая устремленность национальной жизни. Признание высших общечеловеческих духовных ценностей — Абсолютной Правды и Абсолютного Добра. Служение этим ценностям внутри страны и мессианский пафос их распространения вовне. Монархизм, как живое олицетворение духовного начала. Воспитание в массах через элиту целостного национального мировоззрения (Чем интеллигент отличается от простолюдина? У первого впереди и только — слово, у второго — дело. Правда, довольно часто встречается их синтез: „Слово и Дело“, известное еще с конца XVI в. — В. К.) Принципиальное и фактическое преодоление присущего 19 веку антагонизма между „обществом“ и государством путем соучастия того и другого в устройении жизни нации (Здесь автор не хочет признаваться в том, что „соучастие“ было

блистательно показано в 1917 году. — В. К.). Наконец, облагорожение самоценной человеческой личности путем, елико возможно, непринужденного ее привлечения к служению Общему Делу, с оставлением за ней священных неотъемлемых прав, как например, свобода совести (Так это все было, „елико возможно“, уже в СССР! — В. К.).

Таковы... должны быть главные черты будущего русского государства... Можно ли будет назвать его тоталитарным?... Не лучше ли поэтому заменить иностранное слово „тоталитарный“ русским „целостный“, понятием, схожим с первым, но оттеняющим качественный момент вещей и назвать будущее Русское государство государством целостным? Целостное государство тоже охватывает все стороны жизни нации, материальное и духовное... приближая, таким образом, как каждого человека, так и всю страну к осуществлению единого, целостного и великого замысла — всеобщей справедливости и братской любви»²⁵.

Политруки, каждый в меру своих способностей, настойчиво внушали своим подопечным, что структура и принципы их организации резко отличаются от общепринятых общественно-политических институций. В 1933 г. в «Младоросской искре» появилась статья М. М. Артемьева (псевдоним М. Бренстеда— В. К.) «Партия и орден». Заявляя в начале своего текста о том, что феномен орденства наблюдается в Италии, Германии и в той же России, где ВКП (б) приобрела его типичные черты, видя элементы орденства у новгородцев и евразийцев с их «элитой» и «мессианством», автор рисует свою картину ордена, который есть, прежде всего, «воинство... и его дисциплина имеет такой же иерархический характер, в то время как партия, даже самая реакционная и консервативная, построена на демократическом, выборном начале (утопист!!! — В. К.). Во вторых, орден всегда имеет свою более или менее строгую этику борьбы, между тем, как партия руководствуется голой выгодой и отличается, как правило, неразборчивостью в средствах борьбы... Иерархичность всегда есть источник свободы, ибо иерархичность утверждает равенство, как первство, равенство как достоинство, хотя и стоящее на различной высоте достижения, равенство моральных возможностей (все люди равны, но есть те, которые равнее, так писал Орвелл. — В. К.), только такое равенство обеспечивает подлинную свободу, т. к. эта свобода означает нравственную активность, которая выражается в служении, а равенство моральных возможностей и есть всеобщая призванность к служению... в партии, где вожди надменно командуют

„голосующей массой“, где весь механизм организации проникнут духом насилия, принуждения и лжи... В ордене — дух аристократизма, свободы, чистоты. Всякая партия — моральная клоака, средоточие честолюбцев, школа угодничества... Всякая партия... под вывеской высоких лозунгов торгует мелкими материальными выгодами для достижения на самом деле крупных материальных выгод небольшому кругу партийной верхушки. Для этого она пользуется несколькими „идеалистами“, бескорыстными фанатиками „идеи“, одержимыми теми или иными догматами и при их помощи начинает плести паутину своей программы»²⁶.

Комментарий: политграмма для «чистых, наивных и глупых младороссов», не читавших Муссолини и плохо усвоивших уроки своих отцов, да и самого «Главы». И, тем не менее, младоросское дело процветало. Более того, в 1935 г. была создана и младоросская партия, разумеется, в соответствующем политическом и нравственном оформлении, резко отличающем ее от других подобных институций.

В «Бодрости» лихо писали, заглядывая к Муссолини: «„Партия“ с большой буквы противопоставляется в современном мире „партиям“ с маленькой буквы либерально-демократического мира... Партии этого типа — продукт национального дробления, результат разложения или исчезновения правящего слоя, затемнение национального сознания и государственной мысли. „Партия“ с большой буквы — по выражению итальянского ученого — „антипартия“. Это единая Партия... Она говорит от имени всей нации, которую возглавляет, защищает интересы всего национального целого, согласуя ради общего блага интересы личностей и общественных организмов... Младоросская Партия претендует, слившись с национальным отбором, который образуется в процессе русской эволюции, возглавить в будущем русское национальное строительство»²⁷.

Центральное руководство Младоросской партии составлял совет директоров: А. Л. Казем-Бек — президент, князь Владимир Романовский-Красинский — вице-президент, Кирилл Елита-Вильчковский — генеральный секретарь, князь Сергей Оболенский — политический секретарь, Николай Философов — административный секретарь, Дмитрий Лапчинский — казначей, Платон Стефанович — президент парижских федераций партии. Имелись и свои многочисленные печатные органы.

Вся политическая доктрина младороссов была заключена в формуле «Все национальное — наше». Программа-минимум — требование

упразднения компартии. Одновременно младороссы заявляли, что они признают русской национальной властью то правительство, которое упразднит большевистскую организацию и ее филиалы²⁸.

Три пункта программы-минимум.

Первый, ликвидация гонений на веру, провозглашение права свободы совести.

Второй, «признание за русской национальностью ведущего и центрального положения в той семье народов, какой является Империя, ныне именуемая Советским Союзом. Это было бы восстановление прав русского большинства Империи, которые попираются в то время, как другие национальности Империи ими пользуются. Русская нация, раскрепощая народы на своей территории, как и за ее пределами (какими? — В. К.), несет на себе ответственность за защиту и неприкосновенность этих более слабых братьев. Умаление русского достоинства, доведенное до упразднения самого русского имени, не может быть допущено в то время, как русская нация возрождается в новой мощи, завоевывает воздух, дает миру героев как Громов, Молоков, Водопьянов, Бабушкин, Евдокимов».

Третий, ликвидация классово-борьбы. Как заявлял в 1935 г. в итоге Казем-Бек: «Мы признаем и поддержим ту власть, которая выполнит эти условия, совершенно независимо от того, кто персонально будет представлять и осуществлять эту власть (а как же царь?! — В. К.)»²⁹.

Индивидуальная лестница — соревнователь, младоросс, сотрудник, старший младоросс, ответственный младоросс — укрепляла единоначалие, авторитет вышестоящих. Для возведения в степень старшего младоросса требовалось сдать письменный и устный экзамены.

Наряду с иерархическим принципом младоросская идеология включала в себя персонализм (ценность личности, ответственной за свои действия) и органичность (существование особых природных законов, определяющих жизнь «организмов физических и духовных», например, русский монархизм). В свою очередь из принципов вытекали начала:

служения, находящего свое воплощение в жертвенности и примате долга над правами, что коренным образом отличается от гуманистическо-либеральной трактовки человека как самодовлеющей ценности;

сотрудничества, в котором общее служение ведет к соединению

личностей в «духовные организмы». «Такое органическое сотрудничество коренным образом отличается от механического (атомистического коллективизма) социализма, в котором личность насильственно приносится в жертву отвлеченному коллективу»;

единоначалия, определяющего «общее служение», согласующего права и обязанности каждого с «благом целого». «Духовный организм, объединенный единоначальствующей личностью, есть соборность»;

природности — «исторической жизненной укорененности в духовном организме личностей и культурных ценностей»³⁰.

Все это было подчинено одной цели — воспитанию готовности к возрождению новой России, пролетарской монархии, или монархии трудящихся, или советской монархии! Звучит не столько диковинно, сколько диковато.

Позволю себе привести также некоторые тезисы из экономической программы, опубликованной в «Младоросской искре» в 1933 г.: «... Младоросское правительство должно ограничить собственность в хозяйственной области не только в социальных и национальных интересах, но и в интересах чисто хозяйственных: путем национального хозяйственного плана... Субъектом собственности... может быть государство, коллектив или личность... Факторами производства с младоросской точки зрения: человек, природа, капитал и культурное наследие. Человеческий фактор в производстве главный и господствующий... Собственники капитала, владеющие частью капитала национального, должны нести за него ответственность перед нацией... Спекуляция должна строго пресекаться и биржа заменена расчетными палатами... Хозяйство должно быть организовано по признаку общности целей в корпоративные, самоуправляющиеся организмы (хозсоюзы, возглавляемые хозсоветами)... Государству в хозяйстве принадлежит его органическая роль: водительства, арбитража и контроля... Наряду с хозобъединениями, должны быть объединения профсоюзные... Для осуществления сотрудничества социальных слоев должны быть созданы социальные советы... Для объединения самоуправляющегося хозяйства и согласования его с другими отраслями национальной жизни должен быть создан Высший Совет Имперского Хозяйства, состоящий из представителей Императорского Правительства, Имперского Совета, Центральных Хозяйственных Советов и Центрального Социального Совета... Высший Совет Имперского Хозяйства должен составлять хозплан... Утвер-

ждение плана и арбитраж принадлежит императору... Новое хозяйство должно депролетаризировать человека... Новое хозяйство должно осуществить синтез города и деревни, приблизить город к природе, а деревню к центрам культуры»³¹. Суть программы, как мне видится, была в ее социальности, мода на которую выросла вместе с внедрением в практику ее идей.

Теперь несколько строчек о прессе: только в 1933 г. Союз младороссов издавал «Младоросскую искру» (в 1935 г. имела отделения во многих странах, например, в Персии, Польше, Эстонии), «Казачий набат», «Молодое слово», журналы — «Новый путь» и на чешском языке «Народни Руско». Внутрисоюзными органами связи были: «Оповещение представительства РЦСМ (Руководящий центр союза младороссов) на Францию» (Париж), «Оповещение представительства РЦСМ на Бельгию» (Брюссель), «Оповещение представительства РЦСМ на Финляндию» (Гельсингфорс), «Оповещение младороссов югославянской ориентации», «Оповещение младороссов болгарской провинции», «Инструкция представительства РЦСМ на Сев. и Южную Америку» (Нью-Йорк), «Клич» — орган связи 33-го очага Союза младороссов (Сан-Франциско). Позднее к ним добавились: орган военно-морского очага — «Норд-Ост 23°», «Бодрость» (с 1935 г.), и на французском «Россия — 1939». Инструктивным изданием были «Ведомости Генерального Секретариата».

Младороссы не только создавали свою прессу, но и стремились «захватить» уже существовавшие газеты. Примером может служить «Молодое слово», выпускавшееся в Болгарии (1931–1937). Это издание было задумано как чисто литературно-эстетическое. Однако русскую молодежь больше интересовали вопросы политические, нежели «чистое искусство». После выхода трех номеров газета перестроилась, став рупором младоросской пропаганды в этой славянской стране³².

На страницах младоросской прессы основательно освещались самые разнообразные вопросы, связанные с прошлым, настоящим и будущим России. Так, в «Младоросской искре» труд генерала А. И. Спиридовича «Зубатовщина» (печатаемый под рубрикой «Попытки создания русского фашизма на пороге XX столетия») соседствовал со схемой организации ВКП (б) после XVII съезда³³. Лозунг «Да здравствует Глава Союза!» мирно уживался с призывом «Да здравствует усиление темпов младоросской работы!»³⁴.

Довольно основательно была поставлена семинарская учеба младороссов с их политшколами, культурно-массовая работа и пропа-

гандистская деятельность. Связь младороссов, действовавших в различных странах, поддерживалась через регулярные встречи ответственных работников, командировок, организацию международных конференций и т. д.

Разнообразие форм деятельности младороссов в эмигрантской среде удивительно. В Париже действовала своя политшкола, женотдел, в рамках которой была создана политгруппа, работал социально-экономический семинар, при спортивном союзе (волейбол, гимнастика, легкая атлетика, футбол) были организованы младшая, мужская и женская группы³⁵. Регулярно младороссы проводили открытые собрания на разнообразные темы, например, в Брюсселе: «Потеряна ли эмиграция для России?», устраивали выступления своих активистов с докладами, чье содержание непременно увязывалось с положением дел на родине и эмигрантским житьем-бытьем. Так, в Марселе оно прошло на тему: «Возможно ли участие эмиграции в обороне сов. России»³⁶.

В Младоросском доме в Лионе распахнула свои двери «четверговая школа», в которой опытные педагоги преподавали детям Закон Божий, русский язык, историю и географию России, иностранные языки, музыку и пение. Также были организованы курсы иностранных языков для взрослых, открыта библиотека и читальня с широким выбором эмигрантских и советских газет³⁷.

Об этом мелком событии, возможно, и не стоило бы упоминать: русские учебные заведения действовали во многих странах, в которых осели эмигранты. Но «вся соль» заключается в том, что школу открыла партия — и не в той или иной столице, а в провинции, где процесс денационализации молодежи протекал быстрее, нежели, допустим, в Париже, Белграде, Софии, Праге.

В 1936 г. кн. Александр Путятин в статье «О Русской национальной традиции» подчеркивал: «Человеческое достоинство заключается в духовной жизни каждого, то есть в искании истины, в стремлении к ней и в служении Высшему Началу. А потому, если мы говорим о Национальной идее и о Народном Духе, то мы касаемся духовной жизни самой нации, то есть служения всего народа в целом тем же идеалам. Следовательно, чтобы выявить этот идейный лик Нации, надо проникнуть в самые глубины Русской души, проявлявшей себя на протяжении многих веков, и достигнуть тех недр ее, где живет человеческое правопонимание, где рождается творческая сила всякого искусства, где в искренней простоте открывается настоя-

щее величие, и где беспредельное великодушие венчает Национальную гордость»³⁸.

Всего было хорошо, только где взять русского мужика: в эмиграции он становился ситуайеном. Можно было копаться в старых книгах или читать новые, выходявшие из-под пера И. А. Ильина — только вот беда, тот же Ильин при всей завораживающей красоте слова мог будить лишь тени. Оставалось одно — лицом к России: «режимы уходят, нации остаются.».

Как подчеркивалось в «Бодрости», в тексте новой воинской присяги от 1939 г. слова «направлять все мои мысли и действия к великому освобождению всех трудящихся» заменялись строчкой «быть преданным своему народу, своей Родине»³⁹.

К чести младороссов они не стали слепо копировать уставы старых орденовских организаций. Их трехстепенная структура — движение, партия, орден — отличалась подвижностью, сочетанием разноуровневых элементов, что позволяло привлекать разнообразную по социальному происхождению молодежь, используя ее честолюбие, максимализм, степень приверженности к младоросским идеям, выдержанным в духе иерархичности. Все было подчинено одной цели — дать молодежи возможность почувствовать себя русскими, теми, от которых во многом станет зависеть будущее родины.

Н. А. Кривошеина, в свое время сама близко стоявшая к младоросскому движению, писала: «Александр Казем-Бек, человек примечательный, обладавший блестящей памятью, умением тонко и ловко полемизировать и парировать атаки — а сколько их было! В ранней юности скаут... в шестнадцать лет участником гражданской войны, потом участником первых православных и монархических съездов в Европе. Человек честолюбивый, солидно изучивший социальные науки и теории того времени, с громадным ораторским талантом, он имел все данные стать „лидером“; а так как все русские политические организации — кадеты, эсдеки, эсеры — рухнули под натиском марксистского нашествия, то и надо было найти нечто иное, создать что-то новое. Таким образом, Младоросская Партия оказалась единственной новой, то есть не дореволюционной партией, партией, родившейся в эмиграции и, нравилась она или нет — она до сих пор остается единственным политическим ответом зарубежья на большевистскую революцию»⁴⁰.

«Программу свою, — продолжала „русская до мозга костей“ Н. А. Кривошеина, — младороссы тщательно изучали, а некоторые не

столь шибко грамотные, просто зубрили ее наизусть. Понемногу у многих из них укоренилось твердое убеждение, что раз „глава“ так сказал или так написал — значит это правильно, больше и думать тут нечего. „Глава“ — это был Казем-Бек, и многие, когда он появлялся, вскакивали и громкими, деревянными голосами кричали: „Глава! Глава!“. Появились значки под номерами, бело-желто-черные цвета „штандарт“, твердо наметились возглавлявшие „очаги“ начальники. К 1935—36 гг. у Младороссов окончательно оформились внутренняя структура, иерархия и дисциплина. И так — все тот же пресловутый „культ личности“ и столь нам теперь уже известное построение общества пирамидой, приводящей к „единому, все понимающему отцу“?.. И да, и нет: наверху стоял монарх, он-то и был отец всех, а никак не „глава“ партии»⁴¹.

«Я с большим интересом и азартом, — продолжала Кривошеина, — работала в женской секции, где под конец было более 40—50 участниц; главная наша тема была, конечно, новая женщина, ее облик, ее участие в будущем родной страны. Тогда все это дело мыслилось в плане чисто общественном и политическом, Собрания проходили живо, и это уводило нас всех от эмигрантской рутины... Доклады я готовила тщательно, хоть аудитория и была „своя“, — однако на каждый доклад набиралось человек 100—120, а после доклада задавали вопросы, и вот на них-то надо было сразу и не задумываясь ответить; особенно всех волновали вопросы террора, его возможных последствий и вообще допустимости террористических актов... Знали ли все мы тогда о том, что творилось в России — на Соловках, на пресловутых стройках, при коллективизации деревни, при разорении приходов и взрыве церквей? Казалось, должны были не только знать, но и громко кричать про это. Но мы шли своим путем»⁴².

В сущности, все объясняется чрезвычайно просто: репрессии шли там, а здесь можно было с сердечным жаром рассуждать о строительстве Новой России. Не следует забывать и о том, в «благословенное царское самодержавное время» в церквях стояли простолюдины да купечество: интеллигенции, чиновничества, одним словом «элиты», там особо не было видно. Кто не верит, пусть перечитает И. С. Тургенева, И. А. Гончарова.

Но главным было, конечно, печатное слово. Именно через свою прессу молодежь получала знания, училась размышлять, думать, спорить не только о политике, но и об экономике, культуре. Разумеется,

наряду с верными оценками и анализом действительного, много было и сырого, непродуманного, откровенно слабого, особенно когда речь заходила о конкретике будущего экономического устройства. Например, в марте 1932 г. в тезисах Главного Совета младороссов по вопросам пролетаризации и мелкобуржуазности выдвигались следующие идеи:

«В России не пролетариат создал пролетарскую диктатуру, а наоборот, — пролетарская диктатура создала пролетариат...

Индустриализация России и коллективизация деревни обусловили огромный количественный рост пролетариата: пролетаризировали Россию.

... Русский пролетариат в 1932 году совершенно отличен от пролетариата 1917-го года.

... Если психология дореволюционного пролетариата могла быть названа психологией угнетенных и обездоленных, то советская практика привила пролетариату сознание ведущего, привилегированного класса.

Именно это новое пролетарское сознание не могло не привести пролетариат к недовольству коммунистической властью, с того момента как стала исчезать иллюзия диктатуры пролетариата и стала очевидной диктатура партийной группы.

Разрыв между пролетарским сознанием с одной стороны и партийной идеологией и партийной линией с другой стороны обострился благодаря наплыву в города деревенского пролетариата. Молодой городской пролетариат, не имеющий старых революционно-социалистических традиций прежнего пролетариата стал легко воспринимать психологию деревенского пролетариата.

Деревенская масса (насильственно пролетаризированная) принесла с собой в города хозяйственнические и собственнические настроения, нашедшие живой отклик в городском пролетариате, нравственно и материально неудовлетворенным...

Пролетарская Россия тяготеет к мелкобуржуазности „Вся раскулаченная нация хочет возродиться. Все пролетарское хочет подняться на новый, высший уровень“...

... намечается создание нового, крепкого класса сегодняшних пролетариев, потенциальных хозяев-собственников, закаленных в борьбе за свое: личное и национальное.

Этот новый пролетариат максимально заинтересован в установлении социальной Монархии, сочетающей возможность лично-

го накопления с развитием национального благосостояния и препятствующей образованию плутократии или какого-либо иного режима, паразитирующего на народном творчестве»⁴³.

В развитие этой темы на страницах «Младоросской искры» можно было прочесть и такие строки: «Рабочий должен иметь возможность стать собственником. В этом смысле недостаточно распределение между рабочими акций предприятия, потому что с акциями не связано управление... Нужно, чтобы рабочий становился собственником того орудия, на котором он работает... Другими словами, паевая артель собственников предприятия должна расширяться путем включения в себя пролетариев-рабочих... Мы приходим к пути, который диаметрально противоположен коммунизму. Там собственность упраздняется и вся страна переводится на пролетарское положение. Задачей социальной монархии становится, наоборот, упразднение пролетариата, превращение всех трудящихся в индивидуальных собственников, соединенных в более или менее в крупные промышленные организмы»⁴⁴.

Или: «Народное хозяйство — народному представительству — таков лозунг экономического раскрепощения человека от засилья „магнатов“ частнокапиталистической и («комиссаров») государственно-капиталистической «систем». Осуществление этого лозунга вызовет к жизни целую иерархию новых государственных учреждений, увенчанную экономическим парламентом. Уже поколебленная политическая демократия уступит тогда место демократии экономической. И человечество сделает решительный шаг к свободе»⁴⁵.

Однако выдвижение лозунгов не равно обоснованию его содержания — в этом и заключалась слабость и одновременно сила младоросских идей, зачастую отличавшихся удивительной рассогласованностью. В определенной степени все эти выступления можно сравнить с самогипнозом, причем очень эффективным, позволяющим «внутренне», «в уме» участвовать в строительстве новой России.

В чем же младороссы видели долг перед своей родиной? В отличие от непредрежденных с их кредо — «ждать у моря погоды», от новопокоренцев, выращивающих в своих рядах мстителей, террористов, — Кирилл Элита-Вильчковский в 1933 г. в статье «Накануне» определял понятие долга в следующих словах: «От нас пока не требуется жертвовать жизнью. Героизма от нас Россия не ждет. Мы не должны обещать, что пожертвуем всем в будущем. Долг надо испол-

нять теперь, как надо исполнять его и раньше — тот долг, который возложила на нас судьба, долг националистов-эмигрантов. Он сводится к тому, что нам доступно. К представительству внутрирусских национальных сил, к подготовке Русскому национализму, который прорывается там, друзей и поддержки здесь. Этот скромный долг вполне реален и он должен выполняться не на словах»⁴⁶.

Иными словами, все, что требуется — это оставаться русским человеком и верить своему началству, которое не пошлет тебя на смерть и станет учить уважать русских людей с их бесконечным смирением и, одновременно, с их энтузиазмом строительства нового человека.

В 1932 г. «Младоросская искра» выбросила на свои страницы очередной лозунг к своим сверстникам, выброшенным на «другие берега»; «Будьте „левыми“, будьте „правыми“, но делайте хоть что-нибудь». С делом было труднее. Аполитичность, уход от «русских вопросов» были свойственны многим, особенно тем, кто оставил Россию в детском возрасте. Сами последователи и единомышленники Казем-Бека считали для себя главной работой — сохранить себя русскими для России, жить и помогать ей по мере сил и возможностей, крепости веры и любви. Но лирико-героическая поэтика замыслов и мечтаний плохо и тяжело сочеталась с прозой жизни. Глава писал: «Младшее („третье“) поколение эмиграции переживает глубокий кризис, который разрешается пагубным, с русской точки зрения, образом — путем неуклонной денационализации... Младшее поколение эмиграции, выросшее на чужбине, подвержено действию той же психологической „моды“, под влиянием которой находится и иностранная молодежь. С этим фактом должно считаться, так как в нем заключается объяснение пренебрежительного отношения молодежи... к суждениям и понятиям „отцов“... Дальнейший рост денационализации нашей молодежи может быть остановлен только вовлечением этой молодежи в русло русских национальных течений, что возможно лишь в том случае, если она найдет в них удовлетворение своим субъективным, скажем даже — специфическим нуждам и запросам (порожденным психологической „модой“)... Русская эмиграция должна приспособить свои идеи и учения к мировоззрению ее молодежи и этим показать ей их жизненность... нельзя сохранять, после проигранного генерального сражения, тот же план действий, как и перед генеральным сражением... Надо полагать, что считаться с фактом не то же, что поклоняться факту. Зато не считаться с фактом,

по последствиям равносильно тому, что и капитулировать перед ним. Формула „если факты противоречат моим мнениям, то тем хуже для фактов“ есть формула самоубийц... Если факты противоречат идее, то это значит, что идея облечена в негодную форму, устаревшую или преждевременную... И это значит, что носители идеи не так берутся за дело, как следует. Всякая идея во всякое время актуальна. Идея — духовная сила, живущая в недрах человечества. Какова бы она ни была, она всегда дана. Все идеи бессмертны и все они сохраняются в подсознании человеческих масс. Внешнее выявление и видимое торжество той или иной идеи зависит от соответствия форм, в которые она облечена, обстоятельствами времени, места и среды. Форма же преходяща и изменчива. Именно она создается и изменяется психологической „модой“. Так, в наши дни совершенно разные идеи торжествуют в коммунизме, в фашизме, в национал-социализме, в гандизме. Эти идеи могущественны, поскольку они нашли форму, соответствующую времени, месту и среде, в которой действуют их носители»⁴⁷.

Безусловно, А. Л. Казем-Бек думал и писал о том, что волновало его. Но вопросы настоящего, проблемы прошедшего и идеи будущего занимали умы и других зарубежных деятелей, «счастливо» сочетавших в себе любовь к политике и склонность к философии. Молодежная среда была полем деятельности многих эмигрантских организаций, отчетливо понимавших ее значение в будущей России. Так, в анкете журнала РОВСа «Часовой» полковник Богданович — глава юношеской национальной организации русских разведчиков — писал: «„Отцы“ с головой ушли в прошлое, культ которого разработан в эмиграции изумительно и по своей сложности оставляет мало времени для других вещей. Но без культа будущего обрывается преемственность и это прошлое обречено на музейное существование. Можно ли гробы прошлого одевать в мраморные памятники и стоять при них застывшими почетными часовыми, в то время, когда будущее — дети, раздетые и голодные дичают, без руководства, заботы и ласки?»⁴⁸.

Не сказал бы, что эмиграция не заботилась о своих детях: делалось все возможное для их учебы, воспитания любви и гордости Россией, ее историей, а дальше...? А дальше было будущее, в котором молодежь выбирала свой путь, позволяющей ей считать себя русской.

Для одних русскость связывалась с сохранением своего имени, гордости своим родом, своими предками, с устройством своей жиз-

ни, в которой нет места политическим разговором, которых они наслушались в «дурное время». Главное — жить без затей, искать хорошую службу и не давать себя ввязывать в различные политические аферы. Многие из них оставались долгое время апатридами, т. е. лицами, не желавшими принимать гражданство той страны, где они обосновались. Хотя... русский обыватель тоже не был лишен патриотизма. Достаточно вспомнить вторую мировую войну, когда достигший определенного успеха в жизни, он вступал в ряды Сопротивления или записывался в Русский охранный корпус для борьбы с большевиками, отнявшими у него родину.

Для других — вставание на путь романтико-героического служения России, делу ее освобождения. Так, в программе Союза русской национальной молодежи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев ставились задачи объединения «детей» для создания «сильного телом и духом кадра, готового к жертвенному служению Родине и восстановлению ее былого могущества и величия». В лозунговой форме прокламировались традиционные ценности, как православие, народность, монархия (но уже не самодержавие!!!). От молодежи требовалось «посильное», но в то же время «активное участие» в некоем «русском национальном движении», которое, что весьма важно, не предreshало будущей формы русской государственности⁴⁹.

Иначе говоря, влияние «отцов» Февраля, его идей было достаточно сильным среди юношей и девушек, недавно вырвавшихся из революционной России. Примерно те же задачи имела популярная организация «Русский сокол» с ее целью гармонического развития духа и тела. Особые задачи она видела в борьбе с денационализацией, в подготовке борцов за национальные идеалы. Была даже звонкая, но, в сущности, пустая фраза о необходимости работы «над национальным и моральным оздоровлением русского народа» и борьбы с «духовным маразмом, который принесен на Родину безбожием, социализмом и интернациональными силами»⁵⁰.

Весьма серьезной организацией был и конкурирующий с младороссами Национально-трудовой союз нового поколения (далее — НТСНП), созданный в 1930 г. в Белграде. В его программе были записаны положения, предусматривавшие ниспровержение коммунистической власти, как режима террора, произвола и нищеты: возвращение стране исторического имени «Россия», защита территориальной целостности Российского государства, свобода и право населяющих его народов на национально-культурную самобытность,

освобождение заключенных, установление свободы вероисповедания, политические свободы, законность, право на труд, свобода труда и равенство возможностей для всех граждан, утверждение права частной собственности, «оправданной трудом и ограниченной интересами нации и государства», создание строя, основанного на началах трудового солидаризма и делового сотрудничества, «недопущение» классовой борьбы⁵¹. При этом члены НТСНП считали младороссов «большевизанами», для которых характерно увлеченность успехами советского строительства, «доходящее у некоторых лиц и группировок до пристрастия политики Сталина и признания ее способной оздоровить и укрепить Россию и весь мир»⁵².

Активист НТСНП Р. П. Рончевский, обращая внимание на неприятие младороссами «авантюра», писал: «Отбросим рассуждения о „вооруженной интервенции“, которой уже много лет пугают эмиграцию, (отчего же „пугают“? Многие бы радостно приветствовали ее! — В. К.) и которую никто не предпринимает. Остановимся на отрицании „всяких других авантюра“. Что скрыто под этой формулой? Ответ единственный — активная борьба с коммунизмом. Авантюра — Первый поход: три тысячи против сотен тысяч. Поход Дроздовского — мы слышали в Яссах слово авантюра. Врангель в Крыму — авантюра, Конради, Полунин, Захарченко, Петерс, Радкович, Сольский, Мономахов, Ларионов, Коверда и многие другие... По младоросски — это авантюра. (Зачем же так грубо передергивать? Многие младороссы были активными участниками гражданской войны и не считали себя авантюристами. — В. К.) Для нас — это герои»⁵³.

Вызывают недоверие у Р. П. Рончевского и такие младоросские строки: «... Равным образом мы осуждаем и то мнение, которое ждет и надеется, что лишь надвигающаяся ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА только и способна вызвать падение большевизма. Да если бы и так? Но разве мы можем желать этого? Разве это не значит, что наше возвращение в Россию, наш путь на Родину будет проложен через миллионы, может быть, трупов русских людей, умерших от голода? Да и нужно ли это?»

«Здесь в скрытом виде, — продолжал Р. П. Рончевский, — осуждение тех способов борьбы, которые применяет народ и которые так пугают коммунистов (саботаж, вредительство). Но главное как бы в признании того, что коммунисты кончили разрушать и разлагать нашу Родину; что больше не будет по их вине „миллионов трупов русских людей“»⁵⁴.

Итак, третьего пути, по Рончевскому, не дано: жертва должна быть принесена самим народом. Вопрос лишь в том — желал ли и готов ли был к ней сам народ? Вероятно, здесь можно ответить утвердительно только за «кухонную» интеллигенцию с ее сопротивлением в уме и в последующих мемуарах.

При желании у Р. П. Рончевского можно найти изъяны в логике, подменяемой зачастую страстностью, переходящей в пристрастность. Например, одно из наиболее сложных программных младоросских построений относилось к феномену борьбы. В 1930 г. в пятом номере «Младоросса» А. Л. Казем-Бек писал: «Мы связаны общим долгом перед Россией: в настоящее время долг этот заключается в обязательной для всех нас борьбе за раскрепощение нашего народа. Я не говорю о той или иной форме борьбы, а о самом принципе борьбы»⁵⁵.

По мнению Р. П. Рончевского, «такая постановка вопроса позволяет говорить о борьбе, фактически ее не ведя. А главное — действия, не имеющие ничего общего с борьбой, называть „борьбой новыми путями“»⁵⁶.

На первый взгляд, младоросский критик совершенно прав. Но только со своей революционной колокольни, с позиции отрицания «механической» эволюции СССР, с той точки зрения, что всякое «оправдание» новой России является предательством родины. Однако замечу, что для младороссов идея борьбы заключалась, прежде всего, в утверждении тезиса «Лицом к России». Ставка делалась на молодое поколение — в эмиграции и на родине — способное к строительству нового типа государства.

Но для Р. П. Рончевского это было лишь фразой, за которой не стоит дело. Страшный «грех» младороссов он видел уже в предательстве национальной революции. Он иронично писал: «Отказавшись от революционных методов, младороссы неизбежно должны были уверовать в „эволюцию коммунистической власти“. В превращении из интернациональной в национальную. От ленинского „На Россию, господа, мне наплевать“ до „Защиты границ нашего Отечества“. От ленинского „если для осуществления социалистической революции 90 % погибнут, ничего, лишь бы 10 % дожило до мировой революции“ до „признания творческого государственного смысла строительства“. От „вождя мировой революции“ до „Народного Вождя“ и даже Бонапарта. Уверовав в эволюцию комвласти, младороссы и сами принуждены были эволюционировать от „воли к борь-

бе и победе“ (Мюнхенский съезд) до „признания и поддержки“»⁵⁷.

Экие подлецы эти младороссы, можно подумать. Но все не так просто. Достаточно представить себе, что было бы с Россией в случае очередной бойни, вроде Великой Французской или Великой Октябрьской революции. И тут невольно вспоминается старинное изречение о том, что только то крепко, что полито кровью. Но Россия здесь исключение из правил. Даже сам политический строй получал в прессе различные дефиниции. Австрийский журналист писал о «неоконсерватизме», эстонский о «национал-социализме», итальянский... о фашизации, чешский о вызревании «социалистического фашизма»⁵⁸.

Быстрое распространение в эмигрантской среде идей младороссов, особенно проникновение их в РОВС, НТС — все это, естественно, не могло не вызвать ответной реакции, хотя бы через полемику в прессе, действовавшей по известному принципу сообщающихся сосудов.

Так, евразиец Антипов критиковал тогда же младороссов за то, что у них социальность не цель, «а средство, что главное для младороссов борьба, что советский строй не вяжется с монархизмом, что экономическая система у младороссов не разработана, что младороссы слишком увлечены организационной стороной»⁵⁹. Другой евразиец Максимов упрекал младороссов за их «связанность со стариками эмиграции», за их монархизм «им мешающий»⁶⁰!

Весьма многие эмигранты, видели в них тайных и явных агентов Кремля (ГПУ или зловещего Чека). Весьма показательна здесь развернувшаяся в 1932 г. полемика между близко стоявшим к младороссам генералом П. С. Махровым и генералом Е. К. Миллером, одним из руководителей Российского общевойскового союза. В ответ на упреки о недопустимости сотрудничества членов РОВСа с такими политическими организациями, как младоросская партия с ее подмоченной репутацией пробольшевистского толка, генерал П. С. Махров в свою очередь обвинял РОВС в пороке непредрежденства. Более того, переходя в наступление, он подчеркивал, что если даже «младороссы ошибаются и идея монархизма в России умерла, но, вспоминая о великом прошлом императорской России, они будят идею государственного национализма». Стараясь добить своего оппонента, он ядовито добавлял, что в России «нет возврата тем, кто мечтает о реставрации», да и сам РОВС «живет только ненавистью к коммуни-

стам», в отличие от младороссов, ищущих примирения со своим народом⁶¹.

Эта дискуссия с взаимными обвинениями растянулась на годы и через океаны. В далекой Аргентине в 1936 г. «некоторые члены РОВС утверждали, что „Младоросская партия“ работает на средства, получаемые... от большевиков». Однако на официальный запрос младоросса кн. Юрия Волконского председатель местного отделения полковник Ефремов был вынужден ответить, что не располагает никакими данными «по вопросу о денежных средствах Младоросской партии»⁶². На эту «актуальную» для эмиграции тему разыгрывались шумные скандалы. Например, в 1932 г. за подобное публичное высказывание младоросс ротмистр Флери вlepил князю М. К Горчакову громкую пощечину⁶³.

Другой член РОВСа, возмущенный «вползанием» младороссов на «чужую территорию», писал: «Масса молодежи апатична, поверхностна, падка на яркую приманку, слова и обеды с тостами. Так зародились и так погибнут младороссы». В чем-то можно согласиться с автором, но что же предлагал противник «яркой приманки»? Ответ удивителен по своей наивности: сформировать сводный полк, назвав его «I-й полк Белой гвардии» или «I-й Белогвардейский полк имени ген. Кутепова», наделать значков и по мере возможности шить форму! Через устройство балов, вечеров, лекций, обедов, бесед с чашкой чая (!!!) он полагал воспрепятствовать «просачиванию» в РОВС тех же младороссов и политизированию этой мощной организации⁶⁴.

Безусловно, эти «методы» совершенно не годились в борьбе со сторонниками Казем-Бека, набиравшими мощь. Так, в феврале 1933 г. правление Патриотического союза русской молодежи (Бельгия) «исходя из тождественности идеологических основ» их организации с младороссами вступило в Союз младороссов и призвало всех своих членов последовать поданному примеру⁶⁵.

Надо сказать, что и сам лагерь Казем-Бека отнюдь не чурался демагогических приемов, которые считались весьма эффективным средством как для очернения своих соперников, так и укрепления в сознании молодежи правоты младоросских утверждений. Наиболее ярким примером может служить личность П. Б. Струве, которому они регулярно напоминали, что не собираются выслушивать нравоучения от переводчика К. Маркса, автора манифеста социал-демократической партии, друга Ленина, которому он посылал в Шушенское

мармелад. Язвительно прохаживались они и по адресу В. В. Шульгина, сыгравшего свою роль в отречении императора⁶⁶.

Доставалось даже монархисту И. А. Ильину. З. А. Дабужин в своей заметке «Ругань из кабинета» писал: «Иван Александрович обвиняет нас в том, что мы не хотим знать духовных основ монархизма, что мы взяли из него самое дурное и смешаем с грязью самое святое... непростительно, сидя в кабинете злобствовать, клеветать и приговаривать уже обреченных на жесточайшую борьбу. Отдает ли себе отчет профессор Ильин в том, что в гордой слепоте своей клеймит он тех, кто поклялись все свои силы отдать на служение России и монархической идее... Если Иван Александрович же не знает, если он не понимает наших путей, если он считает, что мы заблуждаемся, то, что сделал он сам для того, чтобы предотвратить ту гибель, которую он нам так радостно пророчит. Чиста ли его совесть? Вместо того чтобы постараться направить нас на „путь истинный“, который он честно считает правильным (но которого, как непредрешиенца, он никогда, между прочим, не предрешал и не указывал), он решил, что не стоит снижаться и марать руки в споре с нами... Но то, что он сделал было жалко: пощечину клеветнику, удар палкой по голове, нанесенный младороссу, продающему „Искру“, басни об избиении старушек и младенцев, он признал за „белый застенок“, за „правую стенку“, за „зверство на церковной паперти“. Откровения провокатора он принял за наше подлинное лицо. Он поверил и обрадовался: ему слишком хотелось и поверить, и обрадоваться»⁶⁷.

Молодежь, свободную от «обломовщины» (я не вкладываю в этот термин какой-либо отрицательный смысл, трудно и нельзя судить тех, кто уходил от России, выбросившей их на чужие берега), увлекала новая идеология, свободная от «устаревших» революционных классовых подходов и идей и «прогнившей» буржуазности западных партий.

Георгий Дорн в своей политической исповеди, опубликованной в «Младоросской искре» в 1934 г. под названием «Как я стал младороссом» писал: «Я понял, что не отдельные личности, не классы и не народы влияют на исторический ход событий, а только те народы, которые создали в себе тот духовный двигатель, создающий подлинную культуру (а не цивилизацию), превращающий народ, — понятие этнологическое, — в нацию, т. е. в нечто органическое. Это не исключает, конечно, водительства какого-нибудь сословия или слоя, и это сословие или даже личность, будучи органической частью нации, яв-

ляется как бы показателем этой нации, а потому и осуществляют те задачи, из которых слагается исторический путь ее...

Каждая высокая идея тоталитарна, т. е. она должна быть движущей силой во всех областях, как в частной, так и в общественной жизни, а поэтому эта идея должна быть абсолютно реальной. Самым же реальным явлением в жизни людей всегда была, есть и будет метафизическая компонента нашего бытия... Монархическая идея базируется на религиозном моменте, а потому она является самой реальной и самой совершенной. Будучи учением, построенным на утверждении нравственных начал, монархизм немислим без основ морали — без понятия о справедливости и понятия о праве. Из этого следует, что монархическая система немислива также без справедливости социальной, а утверждение права (лекс) приводит к легитимизму. Вот почему подлинная монархия должна быть социальной монархией, а подлинный монархист должен быть легитимистом... Монархии довоенного типа не обладали главной предпосылкой подлинной монархии — социальным моментом, утерав, поэтому, живую связь с действительной жизнью нации. Они во многих случаях представляли из себя только административный аппарат, бывший очень часто исполнительной враждебных монархических систем, например, капиталистической. Идея же больше не находила резонанса в нации, а поэтому и наступили сначала изоляция ведущих слоев, затем вырождение всей системы, а под конец и катастрофа, вызвавшая гибель монархической государственности вообще»⁶⁸.

Преимущество монархии виделось уже в том, что «экономически одного царя иметь выгоднее, чем 200 (парламент — В. К.). В демократии вор сидит на воре. Нужен порядок, а не демократизм»⁶⁹.

Мертвечина, бездарность, самодовольная ограниченность стариков-монархистов с их арифметическими выкладками о времени падения большевизма вынуждала многих идти на разрыв с таким монархизмом при сохранении его идеалов.

Так, А. С. Штейгер писал З. Н. Гиппиус 9 июля 1927 г.: «Как ни странно, но в подобном моем положении оказались еще многие, теперь объединившиеся в клуб монархический, но среди монархистов имеющий репутацию сменовеховской ячейки. Нам кажется, что у монархий и монархов никогда не было больших врагов, чем монархисты, т. к. к сожалению, их единственное занятие и цель состоит в опошлении и выставлении в юмористическом виде всего того, что должно бы было быть для них свято и высоко. Это относится ко всем

правым, а наши правые эмигрантские непереносимы еще своей озлобленной ослепленностью и полным отсутствием элементарного национализма, и любви к России, для них несуществующей, замененной национализмом „зарубежным“, эмигрантским. На днях должен появиться в печати наш первый сборник... („К молодой России...“ — В. К.) Мы смотрим, т. е. стараемся смотреть на вещи трезво и прямо, не впадая в фактопоклонство, желая, в общем, чтоб (помните Ваше стихотворение) было ультрафиолетово („Что мне зеленое, белое, алое? // Я хочу, чтоб было ультра-фиолетово...“)⁷⁰.

«Ультрафиолетовая» русская монархия — это нечто новое, странное и смешное, не так ли? Однако главное — есть биение мысли, даже если она и «хромоножка».

Итак: Новая Россия должна быть монархией.

В 1932 г. на собрании Союза младороссов Казем-Бек говорил: «Внесение самого источника верховной власти за пределы человеческих вожделений, человеческих суждений и предпочтений, человеческой санкции, создание верховной власти, подлинно независимой в силу ее независимого происхождения и независимой преемственности — такова организационная задача нового государства.... Монарх должен быть монархом природным. Природность монарха определяется его рождением для власти. В факте рождения заключается его природная законность... В основе природной царской власти лежит закон милости Божией, как сказали бы верующие, или законы биологии, как сказали бы неверующие, или, наконец, и тот и другой закон, которые сливаются в один, как говорят младороссы. Это значит, что надчеловеческую объективность природной власти мы противопоставляем всем разновидностям субъективного выбора... Ибо роль монархии полностью выражается в нескольких словах: множественность, преломляясь в личности, создает единство»⁷¹.

При этом все историческое бытие Российского царства связано именно с монархической формой правления, с именами тех, под чьим главенством «азиатское страшилище» расширяло страну, принимало в русские пределы новые народы и спасало не раз Европу.

В младоросской прессе идея монархизма подавалась в мощном обрамлении русских классиков.

Пушкин: «Государство без полномощного монарха — автомат. Оно — то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них одного такого, который бы движением палочки всему подавал знак, никуда не пойдет оркестр... при

нем и мастерская скрипка не смеет разгуляться на счет других. Блюдет он общий строй, верховодец верховного согласия».

Достоевский: «У нас в России нет никакой другой силы, сохраняющей и ведущей нас, как эта органическая живая связь народа с царем своим, и из нее у нас все и исходит...».

Гоголь: «Государь приобретает тот всемогущий голос любви, который один только может быть доступен разболевшемуся человечеству и которого прикосновение будет не жестоко его ранам, который один может только внести примирение во все сословия и обратить их в стройный оркестр государства»⁷².

Белинский: «Один великий царь освободил Россию от татар и соединил ее разрозненные члены, другой — еще больший — ввел ее в сферу новой обширнейшей жизни... Всякий шаг вперед русского народа, каждый момент развития его жизни всегда был актом царской власти»⁷³.

Чернышевский: «Я думаю, что единственная и возможно лучшая форма правления есть диктатура или лучше наследственная неограниченная монархия, но которая понимала бы свое назначение, что она должна стоять выше всех классов и, собственно, создана для покровительства утесняемым, а утесняемые — это низший класс, земледельцы и работники, и поэтому монархия должна искренне стоять за них, поставить себя главою их и защитницею их интересов».

Гоголь: «Знаю, подло завелось теперь в земле нашей... свой со своим не хочет говорить, свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке... Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся в саже и поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства; и проснется оно когда-нибудь, — и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело»⁷⁴.

Все эти цитаты без аргументов, подаваемые под рубрикой «Русский царь освободит трудящихся (какое удивительное начало! — В. К.) от ига красных и золотых (читай: еврейских. — В. К.) паразитов», преследовали и другую — непрямую — цель: показать молодежи, что ее «отцы», так старательно отвращающие ее от младороссов во имя любви к родине, были теми, кто «промотал» самодержавную, органическую в своем бытии Россию.

Николай II был расстрелян, но... «император умер. Да здравствует император!» В эмиграции им стал великий князь Кирилл Влади-

мирович. Монарх без страны, но со своим Двором.

Монарх без подданных, но считавший русский народ своим, уже принадлежал к новому — если можно так выразиться — поколению российских «самодержцев», признававших то, что случилось с его страной *de facto*, но отнюдь не *de jure*.

С точки зрения некоторых исследователей, его права на престол были сомнительны, но для многих своих современников он был «государем в изгнании».

Однако для иных «стариков» были характерны и такие признания: «Все Романовы, — писал из Лондона один из видных дипломатов старой России Е. В. Саблин в 1934 г. своему коллеге В. А. Маклакову, — ныне потухли, угасли, и никакого значения они не имеют... Я люблю вот этих несчастных Романовых, как я люблю графюры старого Петербурга, Москвы... Никаких расчетов я на них не строю, богатых милостей не ожидаю, но когда Кирилл... будет покидать Лондон, я надену цилиндр и поеду на вокзал пожелать ему счастливого пути. Это не будет политическим жестом, а просто актом элементарной вежливости»⁷⁵.

И еще из переписки Саблина с Маклаковым: «Я сам... сторонник конституционной монархии на манер здешней, в Англии. Государственный строй будущей свободной России рисуется мне строем Союза Народов Государства Российского. Возможно ли в будущем не предоставить малороссам, грузинам, азербайджанцам, армянам и другим народам, народцам и племенам империи полной возможности устраивать свои собственные внутренние и хозяйственные дела так, как они сами этого разумно пожелают, при оставлении за центральным имперским правительством лишь сферы внешних сношений, организации вооруженных сил и финансов. Было бы величайшим несчастьем для всех народов империи, если бы в результате не в меру заостренных националистических устремлений проявлялись такие сепаратизмы, которые повлекли бы за собой новые междоусобные войны и разорения и в которые неминуемо вмешались бы так наз. [ываемые] иностранные интересы, в той или иной степени или форме стоящие за нашими сепаратизмами. Вот почему так важно предвосхитить такую Россию, такую империю, которая стала бы заманчивой мечтой для всех входящих в ее состав частей... И вот с этой точки зрения мне думается, что без монархии тут не обойтись. Я боюсь, что уничтожение Сталина имеет больше шансов привести нас к расчленительному про-

цессу и хаосу, чем к Романовым, за границей, извините за выражение, „околачивающимся“»⁷⁶.

Последним Саблин дает весьма нелицеприятные характеристики. Например, отзыв о сыновьях «очаровательной и почтеннейшей великой княгини Ксении Александровны» гласил: «Все никуда не годны. Андрей – блаженный, Федор – анархист в полном смысле слова и пьяница, Никита – мнит себя царем под эгидой вождя дальневосточных фашистов Вонсяцкого, Дмитрий – очень милый бездельник на содержании у богатых евреев, Ростислав и Василий – хорошие малые, но никчёмные»⁷⁷.

Тот же Е. В. Саблин писал В. А. Маклакову в 1935 г.: «Возврата к старому нет, вопрос о монархии в России просто не возникает, говорить об этом серьезно просто смешно, извне большевиков не опровергнуть, эмиграция в этом отношении бессильна, остается надеяться, что большевистский режим изживет себя путем медленной эволюции; в отличие от многих моих сотрудников здесь политически-активных, вроде Тырковой, Байкалова и др [угих], я определенно приветствовал вхождение Советов в Лигу Наций... мечтания даже такого демократа как Байкалов, „взорвать Кремль“ считал просто глупым и опровергал „информацию“, что Россия ныне управляется бандой жуликов, убийц, бандитов. Столь же категорически говорил, что Россия не во власти жидов»⁷⁸.

Но для младороссов Кирилл Владимирович был отнюдь не символом ушедшего, а олицетворением будущей русской верховной власти. Само новое время и перемены в мире подсказывали ему строить политику, которая вбирала бы в себя традиционные ценности и в то же время учитывала изменения в строе мыслей молодежи, искавшей ответа на «проклятые» вопросы и больше не верившей своим «отцам», чьи дела привели ее в эмиграцию, зачастую на задворки европейской цивилизации, например, в Бизерту.

Надо добавить, что им благоволил великий князь Дмитрий Павлович, согласившийся принять должность председателя Главного совета Младоросской партии и деятельно помогавшего укреплять имя младороссов на международной арене. Достаточно вспомнить 1935 г. и рассылку «милым бездельником» многим видным английским политическим деятелям особого меморандума под заглавием «События в России по 1935 год и практические выводы Союза младороссов», представлявший собой переложение доклада Казем-Бека, в котором он на ста страницах дает свое видение прошлым, настоящим и буду-

щим процессам политической жизни и ее кремлевского «столоверчения»⁷⁹.

В передовице «Младоросской искры» ее сторонники и оппоненты могли прочесть следующие строки: «Принцип не умирает — умирает форма. Революция есть смерть старого типа монархии и рождение монархии нового типа... Революция преодолела болезнь. Продукты разложения выделяются: Протопопов, Керенский, Троцкий уже принадлежат истории. Очередь за последним — за Сталиным. Здоровые силы наступают. Сталина теснит новый творческий слой. Еще немного и национальная революция станет очевидной.... Новая монархия будет монархией трудящихся. Те противоречия, которые сейчас сотрясают основы Европы, будут ею устранены. Выход из кризиса — через новую социальную систему: через социальную монархию»⁸⁰.

«Придет время, когда Романовы будут в центре национального внимания. Их час пробьет, когда нация ощутит потребность возглавить и защитить себя природной, органической властью... Младороссы поддержат всякого правителя, который возглавит новый этап государственного возрождения, но они поддержат его постольку, поскольку его водительство будет приближать Россию к логическому и естественному завершению революционного процесса, т. е. к возглавлению нации природным царем»⁸¹.

«России нужен такой государственный строй, который сочетал бы понятную всем идейность с удовлетворением здорового эгоизма. Таким строем может быть только народная монархия... монархия является единственным государственным порядком, имеющим идейную, морально-религиозную основу и в то же время, гарантирующим нации неприкосновенность ее материальных интересов и свободное развитие ее хозяйственных сил. Только монархия сможет защитить в будущем русских трудящихся от покушений как хищнического капитализма, так и отвлеченных теоретиков, каковыми являются большевики, которые пренебрегают идеей человеческого фактора, т. е. природным эгоизмом, который присущ каждому человеку. Для трудящихся личный интерес всегда был и будет выше классового»⁸².

Безусловно, эта надежда у младороссов связывалась с той поддержкой, которую им он (Кирилл Владимирович) оказывал. В ряде его выступлений прослеживается общность его взглядов с теоретическими построениями младороссов. Так, в своем новогоднем обра-

щении (1931) к русским людям он писал: «Россия была первой ввергнута в страшный водоворот, который сокрушил вековые устои ее государственности. Пережив этот тяжелый кризис, она возродится и приступит к выполнению своей мировой миссии — созданию новой культуры. Россия на пути к великому будущему. Она отольет основы грядущей жизни народов. Коммунистическая власть обречена. Она исчезнет, оставив по себе память страшного разрушителя и угнетателя. Теперь наступает созидательный период. В России созрел закаленный в борьбе и невзгодах человек и начал ковать счастье родному народу. Долгие годы стихия разрушения господствовала на необъятных пространствах России. Но созданная веками Российская Держава устояла перед напором разрушительных сил. Ныне она оправляется. Власть пыталась скрыть ее под личиной „СССР“, но в душах Русских людей вновь ярко сияет священное имя — РОССИЯ. Разве то, что происходит на Русской земле, не доказывает это? Разве строительство, которое ведется, не есть дело самого Русского народа — подлинное его стремление воссоздать свою Родину?.. Я приветствую нарождение новой жизни, как зарю величия Моей Родины и будущего счастья человечества. Каждый успех в строительстве есть победа Русского народа. Допустимо ли ему мешать в достижении полного торжества! Каждый Русский человек должен всеми силами помогать возрождению могущества своего Отечества. Особенно важно это сознавать нам, выкинутым за пределы России. Только помогая воссозданию Русской мощи, мы опять сольемся со своим народом и вернемся на родную землю»⁸³.

Для циника это поздравление может стать поводом для очередной злой насмешки или вызвать «светлую» улыбку интеллигента, знакомого с обращением (1 марта 1917 г.) Великого Князя к председателю Государственной Думы М. В. Родзянко: «Я нахожусь в Вашем распоряжении. Как и весь народ, я желаю блага России. Сегодня утром я обратился ко всем солдатам гвардейского экипажа, разъясним им значение происходящих событий и теперь могу заявить, что весь гвардейский флотский экипаж в полном распоряжении Гос. Думы»⁸⁴.

Уже за эту — до отречения Николая II — фактическую поддержку февральской революции великий князь подлежал бы по законам Российской империи (ст. 100 Уголовного Уложения от 1903 г.) «лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение»⁸⁵.

И, тем не менее... младороссы в тех условиях делали ставку на Кирилла Владимировича, благосклонно относившегося к своим мо-

лодым верноподданным и разделявшего их некоторые воззрения на тогдашние проблемы. В январе 1934 г. разговоре с корреспондентом «Neues Wiener Journal» он заявил: «Я верю в Муссолини, потому что за ним стоит здоровая сила активного национализма. Этот переход от капиталистического и демократического режима к фашистскому проявляется повсюду... Я верю в национальное чувство сегодняшнего дня. Я не могу признать революции, опустошившей мою страну. Я не верю в ее интернациональный характер. Я не верю в революцию и потому, что она принесла моему народу несчастье и нужду. Живой организм нельзя заставить жизнь, руководствуясь утопическими законами. Вместо жизненного эликсира народу дали яд. Поэтому теперь после 16 лет большевизма, я твердо убежден, что большевизм не может стать длительным явлением. Это не значит, что я предвижу воскресение старой России. Восстановление династии — да, восстановление старой монархии — нет. Россия неизмеримо великая страна, и нравы демократической Европы для России не подходят... Что же делать? Ждать и объединяться на солидной основе здоровой жизненной идеологии... Организация младороссов является прекрасным примером»⁸⁶.

В другом своем выступлении Кирилл Владимирович четко выговаривал: «Будущее принадлежит монархии, основанной на единении всей нации, на уничтожении всякой партийности, на широком участии народа в управлении страной и ее хозяйством, на религиозной терпимости, на равноправии всех народностей, ее составляющих, на наследственной власти монарха — постоянного и беспристрастного природного арбитра над управлением всей жизнью страны... Падение русской монархии было вызвано утратой монархического сознания»⁸⁷.

Последняя строчка представляет наибольший интерес уже потому, что она помогает понять все трудности, почти невозможность возвращения монархии в Россию, которую некоторые эмигранты трактовали лишь как устаревший географический термин.

Однако, пожалуй, самым интересным и скандальным было обращение Кирилла Владимировича к России в конце 1920-х гг.: «НЕ ОТВЕРГАЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА, Я ОБЕСПЕЧУ СВОБОДНОЕ ИЗБРАНИЕ В СОВЕТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВСЕХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, А РАВНО ЧЛЕНОВ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СПЕЦИАЛИСТОВ, ВЫДВИНУВШИХСЯ СВОИМ ЗНАНИ-

ЕМ И ОПЫТОМ В ДЕЛАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ. СОВЕТЫ СЕЛЬСКИЕ, ВОЛОСТНЫЕ, УЕЗДНЫЕ, ГУБЕРНСКИЕ И ОБЛАСТНЫЕ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ, УВЕНЧАННЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИ СОЗЫВАЕМЫМИ СЪЕЗДАМИ СОВЕТОВ – ВОТ, ЧТО СПОСОБНО ПРИБЛИЗИТЬ РУССКОГО ЦАРЯ К НАРОДУ И СДЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНЫМ КАКОЕ-ЛИБО СРЕДОСТЕНИЕ В ВИДЕ ВСЕСИЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ИЛИ ЖЕ ИНОГО, ПОЛЬЗУЮЩЕГОСЯ ОСОБЫМИ ПРЕИМУЩЕСТВАМИ СОСЛОВИЯ...

Мы хотим, чтобы все знали, что именно ДЛЯ НАС РОССИЯ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО И ОТ НЕЕ МЫ НЕ ОТКАЖЕМСЯ, КАКОВ БЫ НИ БЫЛ ЕЕ ВНЕШНИЙ ОБЛИК. Наше ПЕРВОЕ, основное стремление – СЛУЖИТЬ РОССИИ; и наше ПРАВО и наш ДОЛГ – РАБОТАТЬ НА ЕЕ БЛАГО при всяком режиме»⁸⁸. Комментарии излишни.

«Легитимный строй, – утверждал в своей книге „Монархическое призвание Франции“ французский философ Пьер Ордони, – это тот, в котором история политических институтов переплетается с историей территориального образования, национального единства и нравственных и юридических основ общества»⁸⁹.

В том же ключе мыслили младороссы, для которых самодержавие являло собой высшую суть природосообразности в отличие от цезаризма, представляющего собой «царство интриги в лохмотьях монархии». Опыт истории показывал, что даже в демократическом обществе не может быть разделения властей, ибо она – власть – всегда одна и едина. Поэтому суть любой политической свободы монархисты видели в критике власти и в контроле за «общественными тратами», и только. При этом сами феномены свободы и равенства являются взаимоуничтожимыми. Соответственно, Ордони и его сторонники противопоставляли республике и этатизму монархическое государство и «иерархию суверенитетов»⁹⁰.

Это было мнение французского философа. Представлю слово и нашей патриотке – Н. А. Кривошеиной: «Ну, а другое, что меня привлекло к Младороссам, – это принцип „орденства“, служения; мы не просто партия, говорил Казем-Бек, мы Орден, но не с тайным заданием, что часто встречается, а с заданием открытым – служение России. Принцип монархического возглавления будущей России сперва казался мне неудачным, недемократичным, уже изжитым – особенно после мрачных событий и атмосферы, окружавших последнего монарха и его столь непопулярную жену... Был у нас в то время друг, много старше нас, Егор Васильевич фон Дэн, последний русский кон-

сул в Париже — вежливый, галантный, просвещенный прибалтиец; мать его происходила из старого сибирского купеческого рода. Он твердил мне, что Младороссы — это дурость, мода, ерунда, и непонятно, что я там, собственно, делаю?! Как-то он зашел к нам, я была дома одна; сидели, распивая крепкий чай и покуривая, и вдруг, после иных житейских тем, Егор Васильевич сказал (отлично помню каждое его слово): „Я упрекаю вас, что вы у Младороссов, будто в этом есть какой-то non-sens, а по настоящему я и сам глубоко предан России и монархической идее: для меня, сына балтийца, государь был сюзерен, которому я был обязан служением, а, будучи и сыном сибирской купчихи, я воспринимаю царя русского, как своего царя“. — „Да, да, — прибавил он, помолчав, — думаю, даже уверен, что будет момент, когда по Москве проскачет белый конь, и вот, если вы, Младороссы, успеете в этот момент посадить на него русского царя, то и будет в России снова царь. Но это будет одно мгновение, и если вы пропустите его, тогда — конец навсегда!“»⁹¹

Был такой момент в 90-х гг. XX в. когда у нас «заигрывали» с Домом Романовых, но с князем Георгием ничего не получилось: делиться властью никто не хотел, равно как и задумываться о прошлом и будущем России. Красота монархического правления в лучшем случае связывалась, но отнюдь не осмысливалась, с взлетами в русской культуре, в худшем привлекала не «цветущая сложность», о которой писал К. Н. Леонтьев, а панславизм в его азиатском кафтане. Да и сама идея монархизма на излете XX столетия виделась больше исторической категорией, нежели принадлежащей современности. Но тогда, полсотни лет назад, читая «Обращение Главы Партии к Великой Княжне Кире Кирилловне на торжественном собрании М. П. 31 марта 1938 года в Париже», можно подумать иначе. Например, там были такие строки: «После периода упадка налицо все признаки возрождения монархии в мире. Торжествующее единовластие, концентрация мощи, какие мы наблюдаем в передовых странах — путь к монархии. После концентрации силы возникает потребность в концентрации и национальной традиции. Монархия всюду выражает именно эту традицию... Царелюбие — основная русская добродетель. Фактическая привязанность к народным героям, характерная для нового мира, предвосхищает расцвет монархического чувства, где любовь преобладает над бездушностью мертвых форм. Царелюбие само возникает из того нравственного идеала, на котором основывается монархическая идея: идея справедливой, человеческой власти, власти совести и любви»⁹².

Какой-либо комментарий здесь чрезвычайно сложен: здесь можно говорить о некоем симбиозе хлестаковщины, лести, самообмана, максимализма молодежи, ее веры и горения.

Возможно, более верным будет сказать, что для младороссов «утверждение монархизма — не столько в смысле монархических убеждений, сколько монархической психологии»⁹³.

Самое главное: младороссы хорошо держали удар времени, что помогало им быть в лидерах. Более того, само время подсказывало им делать безошибочную ставку на... — но об этом в следующей главе жизни главы и его организации.

Национализм и его вариации в маршах эпохи

Сознавать себя умным всегда приятно, только не надо задумываться: мысль всегда уничтожает декламацию и лозунги. Да и зачем размышлять, когда твоё Движение, Партия, Орден думают за тебя? Зачем сомневаться: известность младороссов перехлестнула через океан, о них пишут влиятельные европейские газеты и журналы, как о самом жизнеспособном феномене в русской эмиграции. Например: французская газета «Же сюи парту», перечислив староэмигрантские объединения, писала, что все они представляют собой «лишь старые думские партии. Лишь одна формула родилась в эмиграции и она наиболее интересна, и наиболее замечательна: младороссы г. Казем-Бека... Эта партия, объединяющая самую живую молодежь, является одновременно монархической и фашистской, социальной и авторитарной. Эта группа, сдвигающая идеи, пользуется большим успехом у молодежи и от нее можно ожидать больших дел»⁹⁴. Харбинская газета «Русское слово» отмечала, что «работа представительства Союза в Манчжоу-Го в данное время выражается главным образом в подготовке кадров: желающих вступить в союз очень много, но прием производится лишь после основательной проверки и должной подготовки»⁹⁵.

Белградская газета «Луч» также в весьма лестных выражениях писала: «Первые же шаги младороссов оказались столь удачными, что к ним потянулось все самое активное, самое действенное и не только из эмиграции, но и из национальной глубины потусторонней России. Сильные своими качествами: сплоченностью, дисциплиной... младороссы твердо идут прямым путем к намеченной цели, предоставляя мертвым... погребать своих мертвецов. Перед младороссами как в древнем мифе о Геракле, лежат двенадцать подвигов, которые, несомненно, будут ими планомерно совершены в „ударном порядке“. На очереди — изъятие из эмиграции всего ненужного и отжившего, мешающего делу восстановления законной русской империи. Первым будет изъят журнал „Двуглавый орел“, где в казенном тоне поет свои проповеди елейный Тальберг или светлейший князь Горчаков, все зло, весь корень русской смуты... открывший во всемогущем масонстве. И готов гениальный план спасения России: взвалить все грехи русского народа (и главным образом свои собственные) на спину масонского козла отпущения»⁹⁶.

В «козлах отпущения» в нашей истории никогда не было недостатка. У нас умели всегда вешать ярлыки, невинно забывая о себе. Го-

раздо легче кричать о мировом заговоре, нежели бороться с ним. Удобнее рефлексировать на тему слабости, податливости матушки России, чем сделать что-либо самому.

Рассматривая младоросские документы программного характера, следует отметить, что в них нет ни слова о так называемом жидомасонском заговоре, представленного в идеологических установках некоторых монархических и националистических организаций. И разрешение национального вопроса не обуславливались какими-либо ограничениями в правах народов многонациональной России. Напротив, он, прежде всего, связывался с темой общего жительствова и сотрудничества российского геополитического мира.

Будучи убежденными в том, что предложенное советской властью разрешение национального вопроса, проблемы «свободной и национальной личности» является неудовлетворительным для народов России и всей империи в целом, младороссы считали, что только многонациональное, демократическое государство может успешно противостоять расово-этнической доктрине. Одновременно они подчеркивали всю важность поставленной задачи как для судьбы многонациональной России, «имеющей прямое влияние на судьбы мира вообще», так и для многих наций.

В то же время Казем-Бек признавал, что «ленинская постановка национального вопроса в революционной России оказалась прививкой... от сепаратизма. И от прививки русское великодержавное сознание не пострадало. Оно возрождается и крепнет. Для Русского Духа, для Русского Начала, для Русской Правды – „жизнь начинается завтра“... взаимоотношения народов Союзной империи не отлились еще в окончательные формы. Имперское строительство потребует десятилетий. Вопросы политики, культуры, хозяйства, быта, техники не могут быть разрешены удовлетворительно в условиях... кризиса. Народы Империи во главе с народом Русским строят и организуют свое величие. Их общая судьба требует много усилий, жертв, воли и веры. Им позволены дерзания, каких не знали другие народы»⁹⁷.

Для зарубежной России «конкретным способом постановки национального вопроса», по мнению младороссов, могут быть издания теоретических трудов, посвященных изучению Российского мира и теории многонационального государства; периодических сборников, в которых освещались бы «смысл, цели и возможности Российской Федерации, с русской точки зрения», позиции и стремления других народов России, мнения и желания русских меньшинств за рубежом,

«доктрины и планы враждебных российскому единству и всеобщему миру сил»⁹⁸.

Как и во многих центрах русского рассеяния, младороссы организовали в 1939 г. Общество изучения народов России. Из семи сформированных в нем отделов (государствования России и входящих в нее национальностей; истории, библиографии и сбора материалов, документов и книг; экономического; редакторско-издательского; связей с научными обществами, общественными организациями и отдельными лицами; юридического; сношений с различными национальностями, изучение их положения и взаимоотношений; связей с русскими меньшинствами) исключительную важность имел седьмой отдел. В своей деятельности он преследовал две цели.

Во первых, сбор материалов о русском населении и русских областей за пределами СССР в двух направлениях: историко-географическому, включающему в себя исторический, археологический, этнографический, религиозный компоненты в таких местах, как Валаам, Печерский край, Вольнь, Галичина, Подкарпатская Русь, и политико-географическому, культурно-бытовому и юридическому в целях изучения положения русских меньшинств в иностранных государствах и борьбы за сохранение своей национальности. Во вторых, привлечение к сотрудничеству с Обществом самих представителей русских меньшинств, преимущественно, через переписку⁹⁹.

Но, все эти грандиозные планы терпели неудачу по известной причине недостатка средств. Казем-Бек писал в январе 1939 г. на эту «большую» тему: «Ровно 16 лет тому назад я собрался заканчивать в Мюнхене высшее образование. Мне был 21 год. Был я уже женат. И когда после первого съезда (февраль 1923 года) выяснилось, что от меня требуют работы во главе нашего центрального органа, пришлось начать изыскивать средства для дальнейшей борьбы не за существование, а за торжество наших идей... В 24 году мне все-таки пришлось стать на заработок на одном из парижских заводов. Об образовании не могло быть и речи. В 26 году у меня уже была должность „с будущим“ в банке на юге Франции. Наша работа требовала моего возвращения в Париж. В 28 году я перебрался в парижский американский банк... В 29 году мне пришлось отказаться от всякой заработка вообще и рискнуть выворачиваться на общественном поприще без средств к существованию. Может быть, кто-нибудь у нас в Партии думает, что пользуюсь неограниченным кредитом. Это была бы жестокая ошибка. Мы — старая гвардия Младоросского движения — нача-

ли во всех областях с нуля. За душой у нас, кроме веры и дерзания, не было ровно ничего. Начало всякой общественной работы, всякой политической борьбы – в пропаганде. Пропаганда значит печать. Когда в 20-х годах мы приступили к первым издательским усилиям, когда вышли в свет наш первый сборник „К Молодой России“ и ранние парижские оповещения, – партии еще не было и в помине. Не было и Союза Младороссов, а только превращался в первичный сгусток его зародыш. Свои первые труды мы издали, просто сложившись. Потом опять сложившись. И еще. И так далее... За какой-нибудь год-два мы все уже по уши влезли в долги. Надо понять, что мы и по сей день из ЭТИХ долгов не вылезали. А к тому же сами попали в зубчатку: в рост Движения. По этому поводу надо запомнить: рост Движения это, прежде всего, нарастание расходов... Чтобы не слишком распространяться на эти темы, скажу просто: за последние три года у меня почти не было возможности основательно заниматься какими-либо делами, кроме денежных... Мой личный бюджет, в большой степени, взял на себя за последние полтора года Великий князь Дмитрий Павлович»¹⁰⁰.

Но жизнь продолжалась, и младороссов, в гораздо большей степени, занимали теоретико-аналитические проблемы, не требующие огромных затрат.

В 1936 г. в одной из передовиц «Бодрости» можно было прочесть следующие строки: «Во избежание непоправимых ошибок, те, кто отвечают за судьбы нашей страны, должны отдать себе отчет в том, что Москва никогда уже не будет столицей всемирного социалистического государства (надо полагать, что в Москве умели обходиться без напоминаний, особенно от эмигрантов, о стоящих перед ней задачах. – В. К.). Гнаться еще теперь за этой целью – значит неразумно растрачивать силы возрожденного русского национализма (какая смелость мысли, парящей в умах и опережающей реалии! – В. К.). Перед нами стоят иные задачи. Наша имперская мощь, наше мировое всечеловеческое значение (особенно по методам исправления человека. – В. К.), наша великая культура не нуждаются в... механическом включении иных законченных национально-культурных организмов в имперский организм России. Призванная создать новые высшие формы человеческой культуры на молодом Евразийском материке, Россия никогда... не отречется от всечеловеческих ценностей, созданных другими народами и впитанных русских духом. Мы принимали, принимаем и будем принимать в наш духовный мир все

подлинно вселенское, что было создано и создается человечеством (а что будет служить критерием и кто его создаст? — В. К.). Но именно поэтому Россия может позволить себе роскошь понять, что новая Италия имеет полное право строиться на Римской, а не на евразийской основе, что французский социализм продолжает не только великую революцию, но и святого Людовика и святую Жанну. Братство народов Советского Союза — России было заложено до кратковременной эры социалистического интернационализма, и оно должно пережить эту эру. Освобожденное от классовой идеологии марксизма, оно должно быть поставлено на свою реальную историческую основу и должно быть окончательно понято как органическая непрерывность судьбы народов, населяющих великие континентальные пространства. Идеей углубить и утвердить братство народов России — такова одна сторона задачи, встающая перед нашей страной при ликвидации интернационала. Другая... заключается в том, что при нашем, быть может решающем, участии должно быть организовано, во всемирном масштабе, сотрудничество между национальными организмами, на которые распадается мир. Опыт нашей эпохи доказывает, что всемирная организация человечества не может осуществиться через интернационал. Осуществление социализма в отдельных странах через усиление элементов государственности — такова формула нашей эпохи. Мы не можем навязывать другим странам национальный социализм нашей страны. Но мы можем положить на весы международную мощь и величие России, для того чтобы из новых социальных национализмов выросла новая мировая гармония»¹⁰¹.

В целом, очень умно, значительно, глубоко. Даже Москва могла бы официально приветствовать подобное видение России и мира. Младороссы отчаянно хотели войти в историю и действительность своей Родины, где, как им казалось, идеи мирового пожара теряли свой блеск и жизненную силу, уступая место советскому, то есть национальному строительству.

В 1934 г. корреспондент английской «Обсервер» писал: «Национализм проявляется также во внутренней жизни страны. Десять лет тому назад чрезмерная любовь к своей родине расценивалась у коммунистов как проявление безразличия к международному революционному движению. В те времена одна коммунистка сказала мне, как бы извиняясь: „Я люблю Россию больше, чем надо хорошему коммунисту“. Теперь советский патриотизм воспевается во всех газетах. Ко-

нечно, вера в международную мессианскую миссию русской революции будет умирать медленно»¹⁰².

Тогда же А. Л. Казем-Бек писал о росте национальной стихии, постепенно охватывающей всю жизнь страны. «Слово „русский“ заменили словом „советский“. Страна стала „советской“, граждане „советскими“, города, горы, реки „советскими“. Но... в слове ли суть дела? Коммунисты часто не замечают, что под „советским“ обликом в жизнь страны проникает русская контрабанда». «Новый русский национализм должен пережить свои „детские болезни“. Они пройдут. Национальная же идея останется». «В России развился настоящий культ героической личности. Живым людям ставятся памятники. В их честь окрещивают (здесь у автора собой произошел. — В. К.) не только улицы, но и города... А слова официального гимна по инерции все еще отменяют с Богом и Царем когда-то ненавистного Героя. Патриотизм из единичного явления превратился в бытовую норму»¹⁰³.

Недаром в «Веселых ребятах», как отмечали младороссы, звучала песня, где были такие слова:

«Мы можем петь и смеяться как дети,
Среди упорной борьбы и труда.
Ведь мы такими родились на свете,
Что не сдаемся нигде и никогда».
«Мы все добудем, пойдем и откроем —
Холодный полюс и свод голубой,
Когда страна быть прикажет герою
У нас героем становится любой».

Весьма любопытны и размышления младоросса А. Р. Мордвинова в связи с выходом знаменитой «Зависти» Ю. Олеси. Завершая свою рецензию, он писал: «Есть в юности каждого торопливо и неровно растущего человека период какой-то преждевременной усталости и болезненной обращенности на себя. Этот возраст... жизни сопровождается различными признаками внешней и внутренней дряхлости, сложной смесью мечты и порока, тяжелой тоской, ведущей к неприуроченным безжизненным действиям. Не так ли проходит и молодость России, лихорадочно быстрая, болезненная молодость? Наш деспотизм и наши утопии — все это от юных и смутных брожений, от безвольной тоски и порочной мечтательности. Но разве в самой этой смутной тяжести не таится возможность и преодоления — проблеск нового и желанного времени?»¹⁰⁴.

При этом в отличие от «красных профессоров» младороссы имели свою трактовку феноменов человеческого жития и бытия. По их утверждению, «национализм есть сознательная приверженность к нации, обязывающее к служению ей... Нация есть объединение личностей, связанных общностью исторической судьбы. Это есть духовный организм, образующийся в силу общности, как духовной направленности, так и внешних условий жизни (органичность и природность). С младоросской точки зрения нация отличается от народа тем, что в ней признак происхождения (крови) играет второстепенную роль. Нация может быть сплавом многих народов, но обладает единой синтезирующей культурой. Нация зарождается в момент осознания ее членами этой культуры и умирает, когда оказывается неспособной служить своему идеалу»¹⁰⁵.

Не нужно быть большим мудрецом, чтобы увидеть в младоросской «нации» прототип российской и прообраз новой исторической общности — «советского народа», и далее...

В определенной степени взгляды младороссов были близки мировоззрению евразийцев. Но... Одно из основных различий обусловливалось несхожестью трактовок российской истории, прежде всего неприятием глобального влияния азиатского фактора на становление российской государственности. Тем не менее, приверженцы Казем-Бека не теряли надежды, что «евразийцы сумеют преодолеть в себе те „уклоны“, которые могли бы лишить их национальных корней и, что в будущем они разглядят за наследием Чингизхана и наследие Киева, Москвы и даже Петровой столицы. Надо думать, что самое понятие „евразийство“ не будет больше искажаться пан-азиатскими устремлениями, что центр тяжести не будет переноситься с некоторой искусственностью на наши туранские истоки и что десять трудных веков необходимой и славной русской истории не будет отрицаться огулом»¹⁰⁶.

Представляет интерес и младоросская трактовка революции 1917 г., которая не привела к выявлению лица настоящей России только потому, что была «использована не русскими патриотами, а интернациональной кликой, ничего общего с Россией не имеющей, исказившей революцию в антинациональные формы кровавого антирусского режима»¹⁰⁷.

Итак, у нас в стране были у власти русские большевики, что неоднократно подчеркивал и сам Сталин в своем докладе на XVI съезде ВКП (б)¹⁰⁸.

В 1933 г. бывший управделами Наркоминдела С. В. Дмитревский, сбежавший на Запад, выступая по Русскому вопросу на страницах родственной ему «Младоросской искры», утверждал: «Именно из гонений на все русское вырос сейчас и крепнет в русских душах самый острый, самый яркий национализм. Русские, наконец то, ощутили себя нацией. Это ощущение — начало всего. Из него рождается национальная связанность и сплоченность. Каждый начинает смотреть поверх партий и классов — и во главу угла ставить интересы расы, кровного братства. Отсюда — национальная гордость... Отсюда — энергия и героизм русских в строительстве наших дней. Отсюда же — стремление к собственному освобождению, к отвоеванию своих прав первородства (среди других народов?! — В. К.). Пробуждается великодержавный инстинкт, углубляемый и проясняемый изучением истории, который говорит: — Вы, русские, и только вы — это раса и кровь основателей, создателей русского государства, охватившего шестую часть земли; создателей великой культуры, завоевавшей все эти огромные пространства. Земля это ваша, государство это ваше — и в нем вы должны играть роль не униженных рабов, не рабочего скота только, но владык. В этом ваше обязательство перед кровью всех прошлых поколений нашей расы. В этом ваш долг перед будущими поколениями русских. Голос жизни и истории проникает всюду — даже в души самых заскорузлых коммунистов, если только они русские по крови (все так старательно прятали свой „инстинкт“, что о нем можно было говорить только вне пределов Советской России. — В. К.) И он повелительно диктует основную задачу момента, которой покрывается все: за восстановление гегемонии Русской нации в государстве Российском... требование гегемонии русских это есть требование только равноправия — соответственно удельному весу и исторической роли отдельных национальностей России... Нелепо думать, что гегемония Русской нации должна привести к порабощению, или хотя бы даже умалению прав других национальностей России (почему же обязательно „нелепо“, опыт был по отношению к тем же полякам. — В. К.). В этом нет надобности, ни формально, ни по существу, поскольку Русская нация и сама по себе, и тем более с родственными ей по крови народами, составляет подавляющее большинство населения России (большинство отнюдь не означает единство. — В. К.). Что за кровь создала русскую нацию? — Кровь славяно-германских племен, смешанная с монголо-тюркской. Следовательно, везде и всюду в нашей стране подавляющая масса ее населения в

большей или меньшей степени близка нам и кровью своей и культурой. Вместе с тем не надо забывать, что процесс образования Русской нации... начатый тысячелетие назад, не кончился еще сегодня. Русская нация не есть еще нечто окончательно кристаллизовавшееся, застывшее: она продолжает расти. Процесс роста облегчат процессы ассимиляции родственных нам народов. Подчеркнем еще: нацией насильников русские никогда не были. За это достаточно говорит вся история русской народной колонизации... Теперь о частном вопросе, еврейском. Еврейская нация в пределах России была до сих пор на особом положении. Она не участвовала, подобно большинству других, даже чужеродных нам народов, в исторической работе по созданию нашего государства (с каких пор экономика исключена из сферы государственного строительства? — В. К.). Наоборот: эта нация в значительной части способствовала разрушению государства русских в его исторических формах, как способствует сейчас в значительной мере и осуществляет порабощение Русской нации. Всему этому были причины. В прошлом у еврейства было мало оснований любить Русское государство. Вместе с тем, будучи исторически чужды ему, как и русской нации и ее культуре, они не могли по должному ни понимать, ни ценить их — и их разрушение было им не жалко. Все это было. Все это есть. Но вовсе не значит, что в наших планах о будущем мы должны настраиваться враждебно по отношению к еврейству... Наша общая задача в отношении еврейской нации должна быть та же, что в отношении прочих чужеродных русских национальных меньшинств: создание для нее таких условий жизни, в которых она могла бы вести на территории нашей страны спокойное, обеспеченное, ничем не стесненное существование — и могла бы оказаться полезным сотрудником в осуществляемом русскими дальнейшим строительстве их государства и их культуры. Этим сказано все... Не антисемитизм, но русскость, открытая русскость, — вот в чем суть, вот к чему я зову»¹⁰⁹.

Смена коммунистических лозунгов — от ставки на мировую революцию на строительство социализма в одной стране — воспринималась младороссами как эволюция в сторону национализма. Те, кто недавно мыслил в категориях «чистого коммунизма» и интернационализма, теперь утверждали: «Мы строим социализм в своей стране. Мы одни в мире. Только у нас верная идея и воля к построению нового мира. Мы построим. Мы покажем. Мы догоним и перегоним. А тогда уже держись Европа!» «В таких настроениях, — утверждала „Младоросская искра“ в 1934 г., — налицо все признаки национализ-

ма, утверждение своей культурной и качественной обособленности с явной тенденцией к империализму»¹¹⁰.

Отступление от идеи «мирового пожара», от лозунга «Даешь мировой Октябрь» младороссы видели в многочисленных переговорах — от дипломатических до финансовых (по вопросам разоружения, ненападения, товарообмена, кредита).

В Советской России интеллигенция при власти воспевала СССР, в то время как за ее границами младороссы составляли проекты «Союзной Империи» — новейшей формы государственного объединения российских народов, объединенных «под скипетром общих Императоров („всероссийских“, по старой формуле, — „всесоюзных“, по новой формуле)». Лидер младороссов подчеркивал, что будущее за многонациональными государствами, своеобразными наднациональными империями. Соответственно сама имперская идея — «общее достояние народов Союзной Империи». При этом цель и суть русского национализма в том, чтобы „оградить имперскую идею и дать ей очиститься и вырасти в новую, подлинно вселенскую силу. На этой базе и должна строиться Империя Союзных Народов (по сути этим занимались и большевики! — В. К.). Их сознание и их совесть — их национализм — должны жить и дышать круговой порукой под сенью... империи. Военный и таможенный союз самостоятельных национальных государств уже достаточен, чтобы Союз Народов был не эфемерной Лигой Наций, а мощным и сложным органическим целым“. Новой имперской элитой будет тот отбор людей дела и воли (т. е. младороссы. — В. К.)... которые в будущем послужат социальной и национальной (конечно, многонациональной) базой для новой Имперской Монархии»¹¹¹.

Правоту своих утверждений об эволюции большевизма младороссы усматривали в призывах ЦК комсомола обогнать Рур, Силезию, Пенсильванию, Канаду, Данию, Аргентину, то есть превращения социалистического соревнования в национальное¹¹². Конечно, это была чистейшая демагогия, но она хорошо укладывалась в их теорию.

В то же время если понимать суть «национализма» так, как его воспринимали младороссы, то здесь нет никаких поводов для усмешек. Нет причин для иронии над их восторгам от фильма «Александр Невский», от слов князя отпускаемым на волю немецким кнехтам: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют нам в гости. Но если кто с мечом к нам пойдет — от меча и погибнет». Члены второй советской партии верили, что эти

прекрасные слова «проникают в сердце советского человека, горячо любящего свою социалистическую родину»¹¹³.

Здесь только не следует забывать, что для младороссов слова «социализм», «национализм», «советы» — из одного ряда. Хотя и здесь есть, над чем подумать, если знать советскую практику: «Вы ведь советский человек, не правда ли?» — примерно так спрашивали следователи, стараясь добиться желательных сведений. Иными словами, патриотизм имел и чекистскую, охранительную форму и должен был восприниматься как помощь органам внутренних дел. Обо всем этом напоминала и сама «Бодрость»¹¹⁴.

Но в то же время в СССР торжественно отмечали очередную годовщину «Слова о полку Игореве», воспринимаемого как гимн русскому народу, русской государственности.

И безусловную правоту своих утверждений младороссы видели в свидетельствах тех, кто бежал от большевиков, например С. Дмитревского. В своей книге «Сталин», — отрывки из которой охотно публиковались в младоросской прессе, — он писал: «Наверх поднимаются все в большем количестве люди народа. Они несут с собой большой — у одних еще не осознанный, у других уже осознанный — национализм. Национализмом является окончательно победившая там идея „социализма в одной стране“. Национализм — индустриализация, национализм — все чаще звучащее утверждение: у нас есть отечество — и мы будем его защищать. Национализм — все чаще появляющееся именно там сравнение нашей эпохи с эпохой Петра Великого... с той только разницей, что масштабы нашей эпохи больше, и в деле революционного преобразования России принимают участие более широкие, чем тогда, народные слои. Пусть много уродливого в том национализме, что там сейчас проявляется. Он и не может быть иным, люди полностью еще себя там не осознали — и многие и не в состоянии пойти до конца на путь чистого, великодержавного национализма, но то, что мы сейчас имеем там, есть не только полная материальная подготовка здания будущей национальной империи. Там идет подготовка ее идеологии, там идет и подготовка ее людей»¹¹⁵. «Трагедия коммунизма в том, — продолжал Дмитревский, — что, восторжествовав лишь в одной стране, он вынужден был вести по отношению к остальным странам оборонительную политику (разве Дмитревский не знал о Коминтерне и деятельности Иностранного отдела НКВД? — В. К.) и, тем самым, принимать целый ряд мер, противоречащих его учению, но соответствующих нуждам Рос-

сии. Обслуживая эти нужды, коммунизм рассчитывал на выправление своей линии после всемирной революции, которая одна лишь могла бы освободить его от той зависимости от Русской Нации, в которую он попал, придя к власти в России. Однако всемирная революция медлила, и каждый год промедления углублял все более противоречие между коммунистической теорией и русской практикой»¹¹⁶.

И что же в итоге?

Первое – русский национализм не следует трактовать в узконациональных рамках. Даже в рядах националистов-младороссов было немало представителей самых различных «племен» – от ассирийцев до якутов. Что же служило критерием для младоросского определения «русского национализма»? Тезис о ведущей роли русского народа? Верно, но не совсем. Думается, что здесь надо говорить несколько шире, а именно, о естественном и органическом мировосприятии жизни в России всеми населяющими ее людьми. Причем государствообразующим в силу историко-культурного бытия является русское «племя», свободное от расовых предубеждений.

Второе – судя по всему, младороссами были и Чкалов и Рихтер, Стаханов и братья Старостины, Ботвинник и Карацупа. Более того, идя к (абсурдному!?) абсолюту, самым славным младороссом можно назвать Сталина. Отсюда еще один вывод: не национальность, а заслуги перед Отечеством – критерий для приобщения к младороссам.

Рассуждения и размышления в этой сфере были весьма популярны не только в младоросской среде, но и пользовались успехом в различных странах, прежде всего тех, где национализм был востребован властями и правящей идеологией. Прежде всего, это государства балканского региона. Так, 26 апреля 1933 г. в Софии был организован партией антикоммуниста А. Цанкова доклад в переполненном зале члена Главного Совета Союза Младороссов И. А. Стоянова на тему «Национализм в сегодняшней России»¹¹⁷.

Сама тема русского национализма, подаваемого на фоне общей эволюции страны, была неразрывно связана с идеей революции. Живой пример: на сталинский призыв «догнать и перегнать Америку» младороссы в 1933 г. отвечали лозунгом Русской национальной революции «догнать и перегнать Германию»¹¹⁸, встававшей на путь революционного обновления страны.

По их мнению, сама внутренняя нестабильная ситуация в руководстве вела к смене власти в России. Воюя за молодежь, младороссы

старались убедить ее, что она не одинока: в Советском Союзе подрастает новое поколение, сама жизнь на родине «вбивает клин между властью и нацией». Цитируя частные критические выступления «Спутника агитатора», «Комсомольской правды» и других органов советско-партийной печати, они рисовали общую картину катастрофы агитации и пропаганды в среде их советских сверстников.

В сентябре 1931 г. «Младоросская искра» с увлечением писала: «Руководители комсомола отмечают массовый выход ударников из комсомола. Ударники разочарованы в партийцах, видя в них не передовой элемент, не возбудителей и поборников строительства, а „консерваторов коммунизма“, уже отстающих от новой жизни, тормозящих строительство. С каждым днем обостряется противоречие между паразитарным „социалистическим строительством“ и подлинным строительством, ради которого ударники и „энтузиасты пятилетки“ жертвуют силами и здоровьем.... Десятки тысяч ударников, которые уже порвали с партией и комсомолом, составляют авангард русской национальной революции. Эмиграция их недооценивает, так как она еще не отличает нового национального начала от начала коммунистического. Эмиграция не видит возможности национального строительства в рамках коммунистического государства. Порвав с красными, ударники не могут столкнуться с белыми. Кто эти ударники? Чьи они? Это советские младороссы, которым младороссы зарубежные шлют свой братский привет. Да здравствуют ударники русской национальной революции!»¹¹⁹

Как хорошо, что они не знали об этом, в противном случае им пришлось бы ударным трудом заниматься на Беломорканале и других стройках века, куда поставляло рабочую силу Главное управление лагерей, т. е. известный ГУЛАГ.

Текущее в комсомоле, политическая пассивность — все это, по мнению сторонников Казем-Бека, свидетельствовало о кризисе коммунизма. «В пятилетке сочетаются расчеты власти и усилие населения: антинациональное с национальным... Власть предприняла пятилетку для своего усиления, для торжества своей доктрины. Население поняло пятилетку как национальное строительство. Власть выдвигает гигантские проекты, ослепляет масштабами, цифрами, сроками только для того, чтобы увлечь за собой население. Население гордится русской мощью, русским богатством, верит в русское будущее... Пятилетка была задумана теоретически. Те, кто возражал против ее исполнимости, объявлялись вредителями. План был раз-

работан лишь в общих чертах: населению предоставлялось учиться на ходу, исполнять, как умеют, заданное. Отсюда колоссальные перебои в плане. Отсюда всеобщая разруха в третий, решающий год пятилетки.

Пятилетка не приняла во внимание самого главного — человека, человеческих сил, человеческих знаний... Власть решила, что энтузиазмом можно заменить все... Теперь предел человеческого усилия достигнут... Вслед за промышленными прорывами угрожают прорывы сельскохозяйственные. Может быть близок голод. Русские люди героями сражаются на фронте пятилетки: но это опять война без рядов. Национальное строительство должно быть спасено. Руководство, объявлявшее сегодня ересью то, что было законом вчера, должно быть сброшено. Неисполнимый план должен быть заменен исполнимым. Долой Сталина. Да здравствует национальное строительство!»¹²⁰

Хорошо было и безопасно кричать «Долой Сталина» вне пределов России. Но следует помнить и его роль в той же индустриализации, пусть уродливой во многом, но все же позволявшей строить не только промышленные предприятия, но и рабочий класс.

В том же 1932 г. в «Младоросской искре» появилась прелюбопытная статья, связанная с личностью «контрреволюционера» Рютина и борьбой внутри партии. В ней С. В. Дмитриевский писал, что Сталин «явно сомкнулся с новой фалангой тех же противорусских и противонародных элементов, какие в свое время стояли за Троцким, Каменевым, Зиновьевым. В то время, как часть этих элементов, заранее распределив роли, сражались на стороне Троцкого, другая часть либо отсиживалась в нейтралитете, либо, подчиняясь необходимости, вела с Троцким показную борьбу. Когда кулаки рабочей и русской части партии оказались крепче, и Троцкий был безнадежно разбит, — все скрытые троцкисты, выплюнув в Эгейскую лужу неудачного вождя, стали ярыми „сталинцами“, стали заползать все глубже и выше в душу Сталина, в его кабинет, в партийное руководство... В то время, как русские революционеры смутно уже начинали сознавать, что роль партии сыграна, как сыграна и роль Сталина, — эта новая фаланга ортодоксальных марксистов крепко держалась за систему партийной диктатуры, ибо только эта система обеспечивала им власть и сытую жизнь. В той же системе был залог и власти Сталина. Интересы сошлись. Сталин стал все больше опираться на новых троцкистов. Вскоре они добились амнистии старым... объединились — и так соз-

далась новая мощная группировка: „семья“ Кагановича — кагановичи. Когда русские сталинцы заметили эту новую опасность, было уже поздно... Кагановичи его именем (Сталина — В. К.) захватили большинство командных постов партийного аппарата, проползли в государственный, профсоюзный, народно-хозяйственный аппараты; стали в партии, в государстве, в России, как у себя дома... Именно они, правдами и неправдами, проводя в жизнь свою платформу, привели страну к тому состоянию, в каком она находится сейчас: политикой разорения крестьянства создали голод в стране; сознательной беспланоностью строительства и руководства обратили промышленность из блага страны в ее бич... добились того, что страна стала раздетой, разутой, холодной (все как всегда — во всем виноваты одни евреи! — В. К.). Рютины (не только тот конкретный Рютин, который еще в 30-е г. стал на путь борьбы с кагановичами, но миллионы русских рютиных, составляющих подавляющее большинство партии и комсомола) стали задумываться, шептаться, роптать... Историческая заслуга Рютина, как и Сырцова в том, что они еще в 30 г. осознали, что такой момент настал, и начали борьбу... Надо сказать ясно: рютинская борьба, рютинская группа — это один из отрезков общего фронта наступления русских сталинцев (!!! Во всяком случае, сами младороссы такого термина не принимали. — В. К.) на изменивших им и окружавшего себя кагановичами Сталин... Никогда Рютины, никогда русские народные революционеры... не пожелают для родной страны реставрации капитализма (одно из обвинений группе Рютина — В. К.). Ибо не для этого, действительно, отдавали от себя все, вплоть до жизни... погибали на фронтах миллионы русских рабочих и крестьян... О политической программе Рютина Кагановичи пока что молчат. Но за границей промелькнуло сообщение, что Рютин де предлагал созвать чрезвычайный съезд советов для упразднения однопартийной диктатуры. Возможно. Но из этого вовсе не следует, что Рютины хотели бы возродить многопартийность, „демократическую олигархию“. Скорее всего, они хотят упразднить партии вообще, заменив их — „великой партией русского народа“... Русские большевики — ленинцы и сталинцы... никогда... не станут напяливать на тело России уродливый и грязный костюм капиталистической, антинациональной „демократии“. Они дадут формам революционной диктатуры окончательную — не партийную уже, а государственную отделку; заменят все противорусское и противонародное русским и народным. И создадут, в конце концов, подлинно народное надклас-

совое единодержавие, сочетающееся с идущей снизу волной советского народоправства. Таково будет политическое завершение русской революции!.. Рютины, конечно, не говорят этого еще с такой ясностью. Но время ведь идет. Люди зреют. Сознание проясняется... Пусть конкретный Рютин сегодня побежден. Русских Рютиных миллионы. Сегодня они еще в полусвязанном состоянии. Но они начали освобождаться — и освободятся. Рано или поздно будет отдана на слом изменившая русскому народному делу партия. История перешагнет через Кагановичей. И Россия будет жить и расти!.. То, что Рютин сегодня якобы чем-то связан с Зиновьевым и Каменевым — это ерунда. Это сознательно подкинута Рютину, чтобы спутать карты, чтобы скомпрометировать его и его дело двумя ненавистными всей России именами. Зиновьева и Каменева не жалко: отработанный продукт; шлак (автор отлично усвоил большевистский метод работы с людьми. — В. К.); выбрасывая, ничего не теряешь»¹²¹.

Только эта одна публикация позволяет понять тех, кто называл сторонников А. Л. Казем-Бека младобольшевиками. Хотя, надо сказать, что сам Дмитревский, насколько я знаю, не акцентировал свою принадлежность к младороссам. Это не извинение, а только констатация того, какой, по выражению самих младороссов, царил «бардак» в эмигрантских головах.

Да и сами младороссы свою оценку внутривнутриполитической ситуации в России строили, как и все, в основном, на материалах советской и иностранной печати и на непроверенных источниках информации. Так, К. Элита-Вильчковский в 1933 г. писал, что к новой ситуации готовятся все, прежде всего Лазарь Каганович — «почти бесконтрольный руководитель русского хозяйства... Поддерживать Сталина значит сейчас готовить путь Кагановичу. Больной, износившийся диктатор уже игрушка в руках безответственных выскочек. Восхождение Кагановича знаменует конец коммунистической идейности. Сейчас ходит по Москве шутка Радека „Строили социализм — построили японский феодализм. Сталин — Микадо. Каганович — великий шогун“. Дальше может быть еще хуже: не старая Япония, а новый Китай. Каганович во главе власти — значит, колонизация России; взрыв анархии — значит распад государства, война всех против всех. Опасность сознают все, в ком социализм не убил русского духа. Для националистов уже ясно, что больше идти со Сталиным нельзя.... Отсюда отход от правящей верхушки всех национальных сил, концентрация их вокруг других центров, уже начав-

шееся противопоставление национального лагеря сталинскому политбюро (политические игры „советских декабристов“ еще не дают оснований причислять их к некоему национальному лагерю, разве только к русским ленинцам или к русским троцкистам! — В. К.)»¹²².

Пройдет немного времени: Сталин окажется здоров и власть его не будет поколеблена. Соответственно, сменится и камертон в прессе. Младороссы станут писать (1935 г.), что Сталина поддерживают «лучшие силы», для которых падение вождя «означало бы прорыв того хаотического, кипящего начала, которое уже в первые годы режима так трудно было ввести в берега»¹²³. Считая Сталина государственным, младороссы полагали, что им следует придерживаться очень осторожной линии поведения и избегать всего того, что могло бы «показаться в России контрреволюционным». И дальше младороссы пишут в излюбленном будущем времени: «Когда нам удастся завоевать доверие новых людей в России, когда нам в силу наших передовых идей встать как бы впереди процесса национализации революции, когда аппарат революционного штаба будет создан и наша работа здесь поставлена на прочные рельсы, тогда наше прямое и непосредственное вмешательство в ход событий будет уже только техническим вопросом. Самое главное сейчас — работать конкретно»¹²⁴.

Вероятно, молодежь завораживали такие речи. Последний же призыв для них означал, вероятно, только одно — бороться и обличать староэмигрантов, что они делали с большим вкусом. Правда, и младороссов «кусали» много, соответственно, и Казем-Бека травили порядочно. Можно указать на генерала Скоблина, которого в «Возрождении» и в «голосах России» называли «рыцарем белой идеи», а главу младороссов «изменником, продавшимся большевикам»¹²⁵. Потом оказалось, что «агентом Москвы» все же оказался пресловутый рыцарь, выдавший своего шефа руководителя РОВС генерала Е. К. Миллера большевикам. Пожалуй, самое значительное место отводилось полемике с непредрежденцами. «Дети» (лагерь Казем-Бека) спорили с «отцами» (лагерь П. Б. Струве). В газете Струве «Россия и славянство» можно было прочесть, что «непредрежденцем внутренним, — в точном смысле этого слова, — может быть человек аполитичный, т. е. безразличный к судьбам своей родины, шкурник и мещанин по своему духовному укладу»¹²⁶. Весьма неполитичная характеристика аполитичности. Теперь понятно, кто «сгубил Россию» — отнюдь не традиционные для патриотов жидомасоны, а свои, род-

ные, обыватели. Но в данном случае эти слова могли быть отнесены, хотя и с очень большой натяжкой, на счет младороссов с их увлечением «успехами советского строительства».

В свою очередь «дети» заодно утверждали, что «непредрежденство есть попросту ликвидация обывателем в самом себе национального долга», толкувая ему и заодно себе, что в случае «мировой раскачки» опять будет «стенка», «эвакуация», «регистрация в отделениях ГПУ», размещенных на Курфюрстендамм и Елисейских полях¹²⁷.

И, конечно, можно понять Казем-Бека, который говорил, что «в нашей русской политической жизни отказ от последовательности и плановости в борьбе с коммунизмом успел за последние годы выкристаллизоваться в форму так называемого «непредрежденства», в котором мы с полным основанием видим главное препятствие к успешности всякой борьбы... это — результат растерянности русских умов, которая не могла не возникнуть в итоге великого национального разгрома... „непредрежденство“ — типичный продукт нашего безвременья, который постепенно устраняется с оздоровлением мышления и с восстановлением духовного равновесия в русской среде... В настоящее время нашей целью является Русская Национальная Революция... мы должны придерживаться тактики путей наименьшего сопротивления и наибольшей целесообразности»¹²⁸.

Мысли, безусловно, почтенные, не лишённые философских оснований: главное — сохранять веру в Россию, где «куются кадры» для будущей революции, а также верить и готовить себя к «спасению Отечества». Рефреном звучали слова: «режимы уходят, нации остаются. Ставка делалась на время как на главного союзника: «Сталин стар не только в абсолютных цифрах, — писала „Бодрость“ в 1935 г., — сколько стар своим прошлым»¹²⁹.

Считая, что каждая революция или иное мощное потрясение и ниспровержение основ связаны с прохождением «полосы бонапартизма», младороссы полагали, что на Родине она связана с именем Сталина. Более того: «Драма Сталина — драма бонапартизма. Уже у всех на устах имена его возможных преемников. Все ошибки, все грехи режима уже возложены на его ответственность. Его смерть, естественная или насильственная, грозит потрясением той системе, которую он пытался создать. То же будет и с его преемником, будь он Молотовым, Ворошиловым, Ивановым, Петровым или Сидоровым»¹³⁰. Спасение в одном — в естественном возвращении, но на новом уровне, к монархии.

Но тот же бонапартизм видели и в младороссах их противники. В частности, Р. П. Рончевский писал: «Сталин стар. Может быть, умрет. Сталин отягощен грузом своей жизни — может быть, уйдет на покой. Младоросские кадры решат все, и на месте „вождя“ окажется „глава“. Но можно предполагать, что развитие общего плана произойдет в ускоренном порядке и в несколько измененном виде. Сталин становится и станет Бонапартом. С Бонапартом — все патриоты, и со Сталиным должны быть все младороссы. Вопрос сведется к отказу от программы максимум / по аналогии от поддержки современного Людовика XVIII / — к предрешенной измене. К психологическому кризису для свято веривших „главе“. Для остальных — служба Сталину, Бонапарту с красным флагом»¹³¹.

Конечно, здесь смещены акценты. Младороссы всегда подчеркивали, что они служат и будут верны только России, но отнюдь не «вождю всех народов». Хотя и здесь все было непросто.

В середине 30-х гг. младороссы писали в «Бодрости» следующие строки, перепечатанные затем Троцким в 1936 г. в «Бюллетене оппозиции»: «Мы не отрицаем, что сталинская власть еще формально руководствуется идеями коммунизма... Но мы знаем также, что она подчинила интересы иностранных компартий интересам русского государства, от теории мировой революции перешла к теории социализма в одной стране, и от нее к советскому патриотизму, что идейные интернационалисты находятся в опале или ссылке, а у власти находятся люди, которые или стали патриотами, или вынуждены в них перекрашиваться»¹³².

Троцкий соглашался с младороссами, что Сталин, желая удержать власть, «плывет по течению национализирующей революции». В закрытии Общества старых большевиков троцкисты и младороссы видели пример борьбы со «старой гвардией». Сторонники Казем-Бека и Троцкого были единого мнения о том, что Сталин из лидера компартии стремится стать народным, национальным вождем — и именно в этом «весь смысл происходящего в России»¹³³.

Младороссы полагали, что если акцент ставится не на гордость строительством, не на гордость режимом, как прежде, а на любовь к родной земле, то это свидетельствует о пробуждении в народе национализма. «Нравится это Сталину или нет, он уже защищает не только „страну социализма“, но именно Русскую землю». Именно поэтому они полемизировали со староэмигрантами, утверждавшими, что «большевики упразднили само понятие о России, т. е. о националь-

ном государстве, существование которого связано с территорией»¹³⁴.

Более того, в головах эмигрантов бродили «фантастические планы об избрании вместе со всем русским народом Сталина царем. И „разговоры в этом смысле приходилось слышать все чаще“ в эмигрантской среде»¹³⁵.

Такое вот удивительное соединение монархизма с большевизмом, почти такое же, как синтез социализма с демократией.

В чем же причина столь удивительного явления? Вероятно, ответ следует искать в застарелом комплексе вины интеллигенции перед народом, равно как в иных настроениях части молодежи, возвращенной вне отечества, но испытывающей гордость за свою родину, ее успехи, связываемые с именем Сталина.

В 1931 г. Казем-Бек в своей программной речи «К Советской Европе или к Молодой России», говоря о коммунизме, утверждал: «Это учение и строй, им созданный, не могут не считаться утвердившимися, пока господство их ограничивается рамками одного, хотя и огромного государства. Все усилия последователей этого учения, все ресурсы, основанного на нем государственного строя, направлены поэтому к одной цели... утверждению во все мире „диктатуры пролетариата“... Построение социализма в одной стране... оказывается для Сталина только средством для подготовки базы и кадров для генерального штурма... Пятилетний план индустриализации России, как и сплошная военизация русской молодежи обоего пола, как и создание чудовищных технических средств для воздушной и газовой войны (история финской кампании продемонстрировала обратное — В. К.) — все это составные и необходимые части одного общего, всепокрывающего плана — плана мировой революции... Для противников коммунизма, в частности для русских эмигрантов, самым опасным заблуждением явилось бы предположение, что коммунизм может хоть на время сложить оружие. Коммунизм будет бороться за победу до своей победы или до своего поражения. Остановиться коммунизму невозможно именно потому, что остановка это уже поражение. Все социалистическое строительство, социалистическое соревнование, ударничество — только средство для победы... если сорвется или будет срываться их русская (!!! — Почему не коммунистическая!? Здесь опять явная подмена. — В. К.) авантюра, они, не колеблясь, пойдут на авантюру мировую». В итоге следовало следующее заключение: «Итак, для нас, зарубежных националистов, вопрос

идет не о борьбе с национальными общерусскими силами, а о борьбе со сталинской верхушкой, ради возглавления той России, которую Ленин и Сталин против своей воли вывели из многолетнего сна (выводить ее начали те же предшественники младороссов еще в 18 веке. Да и сам народ не был той девкой, которую насильно выдают замуж. — В. К.). Мы заодно с теми, кто в России, хотя бы пока под коммунистическим флагом, делает национальное дело. Общий фронт всех русских против Сталина — вот основной лозунг»¹³⁶.

Поверхностное чтение этих слов может, как Р. П. Рончевского, привести к выводу о демагогии автора. Впрочем, она и должна присутствовать в любых материалах программного характера. Дело здесь не в дозе, а в двух чрезвычайно важных положениях, продекларированных А. Л. Казем-Бекем. Первое: «национальные общерусские силы» — это сам народ. Второе: «национальное дело» можно строить и под «коммунистическим флагом». Такая трактовка, разумеется, не могла быть воспринята теми, кто отрицал всякую возможность сосуществования, некоего симбиоза советского строительства и национальных идеалов. Можно пойти и дальше, утверждая, что все содержание XX века есть борьба за социализм во всемирном масштабе. Вопрос и беда только в том, что существовали и сейчас бытуют, живут различные представления об этом удивительном феномене, сопровождающем человека на протяжении его истории.

Проблема чрезвычайно трудная и деликатная в своем историческом контексте. Однако если принять в качестве одного из идеалов сильное государство, то большевики делали национальное дело. Здесь можно возразить, что в этом процессе убивали народ, вытравляли его дух, искореняли религию. Было и первое, и второе, и третье. Но... это движение с его заветной мыслью — виноваты все, только не я — началось еще до революции. Бессмысленно также отрицать роль и значение иррационального, а если говорить понятным языком, то божественного провидения. Не следует забывать и о том, что в России, вступившей на историческую авансцену сравнительно поздно, на первом месте всегда стояли интересы государства, но отнюдь не личности и ее права, на чем отлично сыграли борцы с самодержавием в 1917 г.

К этой теме я еще вернусь несколько позже.

Сам А. Л. Казем-Бек в феврале 1938 г. в статье «Предательство вождя» писал: «Культ силы естественно не может быть сопряжен с цветением культуры. Он развивается на развалах прошлого, разрушенного и опустошенного великой бойней народов. Право силы не

имеет ничего общего с утонченностью и изощренностью культуры. Природный здравый смысл оказывается достаточным, чтобы обеспечить господство за сильными людьми.

Но для людей, возвысившихся над другими, нельзя быть во власти жупелов. Власть обязывает. Носитель власти не может разделять с обывателями их предрассудков и иллюзий. Опыт власти учит ее носителя многому. Едва ли не главным поучением всякой власти является сознание ответственности.

Современный мир дает нам великое множество ярких примеров сильной власти в руках сильных людей. В нашу эпоху наблюдается настоящее цветение выдающихся личностей. И именно поэтому пожаловаться на однообразие и скуку нашим современникам трудно... Сталин – человек сильный... Но он некультурен. Он не знает ни мира вообще, ни Европы, в частности»¹³⁷.

Суть всей этой тирады в заключительных словах: все остальное лишь преамбула к ним. Только младороссы знают мир и могут возродить страну, ее культуру! Лишь они в состоянии помочь России на новом этапе, избавить ее от международных опасностей, восстановить русское имя на мировой арене.

Но и самим младороссам требовалось очистить свое имя от связей с «новым» фашизмом, угрожавшим их Родине. Современные исследователи феномена фашизма рассматривают его в мировоззренческом плане как идеологию консервативной революции, включающей в себя: национализм, окрашенный в мистические тона, веру в государство или мистический этатизм, идею социального государства, структурирование общества по профессионально-корпоративному признаку, т. е. корпоративизм, ориентацию на традиционные ценности, ксенофобию вплоть до расизма, веру в конструктивные возможности политического насилия, идею расширения «жизненного пространства нации», антипарламентаризм, вождизм, милитаризм¹³⁸.

И еще одно определение: «Фашизм это идеология и практика, утверждающие превосходство и исключительность определенной нации или расы и направленные на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов, отрицание демократии, установление культа вождя; применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия; оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем»¹³⁹.

А теперь немного о национал-социализме. С ним также все далеко не просто. В 1934 г. Гитлер разъяснял своим партайгеноссе, что он взял «национальное сознание – у буржуазной традиции, живой и творческий социализм – у марксистов»¹⁴⁰. В «декларации о намерениях» он ставил задачу образования «фольксгемайншафт» – народного государства, «создания единой и организованной динамической массы»¹⁴¹.

Именно феномен национал-социальности в фашистских построениях и привлекал интерес младороссов, прежде всего к итальянскому опыту, связанному с именем Бенито Муссолини

Кстати, он был хорошо знаком с Лениным, высоко ценившим Муссолини, с которым он на Капри «игрывал» в шахматы. Да и дуче отдавал должное Владимиру Ильичу. Его Италия одной из первых признала в 1924 г. де юре СССР. Москва признала ее номинальный приоритет в этой международной области. Напомню известное: еще 30 ноября 1923 г. Бенито Муссолини заявил, что «для признания Советской России де юре у фашистского правительства нет никаких препятствий». Россия тогда была «впередсмотрящим», указавшим путь многим «строителям новых небес».

В январе 1933 г. Казем-Бек, рассуждая об итальянском фашизме, писал: «... Что такое фашизм? Реакция? Если фашизм реакция, то он реакция на „испытание войны – полупроигранной, и победы – полурастраченной“. Революция? Фашизм – революция. Революция против того, что было настоящим до его торжества и что так противоречило прошлому – прошлому страны, столицы, народа... Италия не захотела быть музеем. Не захотела быть кладбищем. Не захотела быть „страной прошлого“. И она пошла в бой за будущее. Поэтому возник фашизм... У фашизма не было доктрины. Он взял у всех доктрин то, что могло быть полезно, пригодно возрождавшейся Италии. В фашизме отразились самые противоречивые философские системы, самые противоположные теории»¹⁴².

Другой младоросс Л. Гринченко в статье «Муссолини как образец политической действенности» в 1932 г. писал: «Основная идея Муссолини в области „естественного закона“: „Бог, семья“ («Бог в вершине, семья в основе»)... критерием „соответствия“ и „несоответствия“ общественной государственной жизни естественному закону будет служить направленность воли к пониманию цели жизни – для первого, как „служение“, а для второго как „наслаждение“. Поясним, что мы под этими терминами понимаем. В идеале жизни как служе-

ния, человек признает себя зависимым, подчиненным высшему... Это связано с самопожертвованием, „положением жизни за други своя“, укрепляющим единство жизни, созидающим жизнь. „В идеале жизни, понятой как наслаждение“, человек утверждает себя как существо независимое, полагающее цель своего существования в самом себе. Это неразрывно связано с эгоизмом, эгоцентризмом, разрывающим общее единство нации, разрушающим жизнь. Предсмертная мысль Соловьева „История есть искупление“ подтверждает высказанное положение. Несмотря на это, даже среди философско-богословских трудов об обществе, хотя и существуют книги, кладущие в основание идею служения (укажем, например, на... книгу проф. Франка „Духовные основы общества“), однако существует немало и таких, которые ее отрицают и тем утверждают идею противоположную — идею „своеволия и наслаждения“ (укажем, например, на книгу Н. Бердяева „О назначении человека“). Что же делать? Мы живем в страшное время тончайших подлогов и подмены „света истины“ „болотными огоньками“. Прав был Леонтьев, когда писал: „Русский старовер, и польский ксендз, и татарский мулла, и самый дикий и злой черкес лучше и безвреднее наших единокровных и по названию, но не по духу, конечно единоверных братьев“. Увы, дано нам теперь эти слова повторить. Мы имеем право сказать: фашизм, кладущий идею служения сознательно и убежденно в основание своей идеологии и своей деятельности, больше способен „естественно законная творить“, чем наши „по названию“ (но не по духу) „единоверные братья“, эту идею отрицающие. Интересно отметить также, что с точки зрения вышеуказанного соответствия или несоответствия естественному закону, фашизм может рассматриваться как антитеза масонству. О последнем вот что говорит одна из последних энциклик римского первосвященника: „Католическая Церковь веками борющаяся с масонством, конечно, лучше других знает этих своих врагов. Масоны трудятся над низведением человечества в состояние животного; не давая человеку другого правила поведения, кроме приманки наслаждения, это — вести род человеческий к угасанию в ничтожестве и бесчестии“. Конечно, эту характеристику можно отнести не только к одним масонам, но тем больше значение фашистской идеологии в деле оздоровления мировой жизни»¹⁴³.

Комментарий: если хочешь что-либо доказать, то в истории всегда можно найти подтверждение своим мыслям. В принципе можно согласиться с «идеей служения», то есть верховенства государства над

личностью. Однако в случае с масонством гораздо сложнее. Позволю себе несколько отвлечься и привести завершение доклада ложи «Астрея» от 14 октября 1933 г. — «Русское масонство и русская литература»: «Этот старый многоветвистый дуб, это старая наша культура, а одной из самых мощных ветвей ее было старое русское масонство. Но до этого их воспиталось столько поколений замечательных русских людей. Мы верим, что этот дуб заживет полной жизнью, засверкает сочной своей зеленью под лучами весеннего солнца, восхода которого мы все так страстно ожидали. Да цветет пышным цветом на родной земле и наше русское масонство. Наша жизнь еще впереди»¹⁴⁴. И еще: «Основная мысль той народной мудрости звучит в словах Каратаева, что „жизнь человека не имеет смысла как отдельная жизнь, а имеет смысл только частица целого, которое надо чувствовать, разве эта жизнь далека от той основной идеи, на которой строится все существование нашего Ордена, идеи братства. Всегда все братья тоже лишь части целого, которое надо постоянно чувствовать. Да и само противопоставление мудрости народной — мудрости масонской, как мудрости книжной разве оно верно. И не чувствуем ли мы, увидевши свет, что наша мудрость идет не из книги и толстых фолиантов, а из глубокой дали веков“»¹⁴⁵. И еще один сюжет из истории русского масонства: «В основе новиковского масонства лежало именно искание истины. Припомните, как сам Новиков, не будучи в силах сдержать слезы, просил Рейхеля сказать признаки, по которым можно было бы отличить истинное масонство от ложного. Н. Рейхель, сам волнуясь и плача, говорит, что вернейшим признаком ложного масонства является наличность к (аких)-либо политических стремлений... В чем должна состоять коренная цель масонских исканий: в нравственном самоусовершенствовании человека или в мистическом проникновении в тайну Божества, мироздания, природы и человека. В чем цель масонства? В осуществлении всечеловеческого братства и утверждении достоинств человеческой личности или личная нравственность и работа над ее развитием нужна лишь как служебное средство, при помощи которого можно было научиться проникнуть в мировые тайны. Иначе говоря, в чем центр тяжести? в области этики или в области гносеологии? Новиковское масонство решило вопрос во втором смысле — оно поставило своей задачей постичь пути к познанию истины, к познанию существа Бога, человека и природы. Оно верило, что истина есть тайна, доступная немногим... тайный процесс состоит не в логической работе ума, а в мис-

тическом озарении свыше, и что озарение может быть доступно лишь нравственно совершенному человеку. Добродетель признавалась как единств. путь к познанию истины»¹⁴⁶.

Возвращаясь к прерванному сюжету об интернациональном фашизме, следует отметить, что его всеобщность зиждилась на многих основаниях истории человеческого рода, рождалась из борьбы категорий «необходимости» и «свободы». Так, в коренном вопросе о собственности младороссы сходились с итальянцами-фашистами. В статье «Фашизм и собственность» подчеркивалось, что для младороссов свобода собственности это — «сохранение принципиального значения собственности и ограждения ее законом». После этой исторической фразы, уводящей в область римского права, следовала другая — ближе к современности: собственность понималась как «социально-экономическая функция личности (или коллектива), а не как самодовлеющая ценность». У итальянских фашистов эта проблема также решалась через трактовку собственности не как преимущества, а источника обязанностей и ответственности. Младороссы утверждали, что собственность есть «управление имуществом, при том управлением „по доверенности“ от государства». Подобное определение можно было найти и в фашистской прессе: «Неприкосновенность собственности не является принципом фашистского государства, которое показало, что умеет сокрушать собственность во имя отечества». И дальше, обращаясь к земельному вопросу, «Младоросская искра» цитировала корреспонденцию в газете «Тан»: что в Италии «земельные собственники не могут располагать собственностью, как им угодно. Они, прежде всего, обязаны обрабатывать землю... Наконец, они в известной мере лишены права сеять и жать, что им угодно, так как должны подчиняться указаниям государства, в частности, его предписанию засеивать пшеницей треть всех земель»¹⁴⁷. В сущности, Муссолини здесь заимствовал идею гильдейского или профсоюзного социализма, ставшего основой корпоративизма.

Опыт строительства тогдашней Италии представлял чрезвычайный интерес для сторонников А. Л. Казем-Бека уже только по той простой причине, что идеи Муссолини, идеалы фашизма были им весьма близки. И думается, что будущую жизнь в новой России они во многом «списывали» с итальянского образца.

Знакома своих читателей с итальянским опытом, «Младоросская искра» писала в 1934 г.: «Корпоративное государство покоится в Италии на своих двадцати двух корпорациях... на основе сотрудни-

чества и представительства предпринимателей, рабочих, техников, умственного труда, администрации, партии. Их задача — дисциплинировать коллективно-трудовые взаимоотношения и осуществить управление хозяйственными отношениями, проводя единую унитарную дисциплину народного производства... Чтобы осуществилась корпоративная дисциплина и наладилась корпоративная жизнь... нужно тоталитарное, целостное государство... нужна единая партия, представляющая солидарность и политическую силу, нужно высокое идейное напряжение, представляющее дух нации и нравственную силу... Тоталитарное государство должно быть сильным и человечным»¹⁴⁸. Неординарная трактовка «проклятой» тоталитарности! Сюда добавлю, что с 1923 г. по 1942 г. по политическим мотивам в Италии было казнено 38 человек¹⁴⁹.

1 ноября 1936 г. Муссолини в очередной речи, полной парадоксов и неожиданностей, утверждал: «... мы не бальзамировщики прошлого. Мы — предтечи будущего. Мы не доведем до крайних последствий капиталистическую цивилизацию с ее механизированными, бесчеловечными чертами. Мы создаем новый синтез. Через фашизм мы открываем широкий путь подлинной, человеческой цивилизации труда»¹⁵⁰. Все эти идеи в «конфетной упаковке» не могли не привлекать младороссов, во многом смотревших с одних и тех же позиций на происходящее в Европе и мире.

Определенный интернационализм мышления у сторонников нового порядка подтверждал привлекательность и мощь фашистских идей, возникших на почве «спасения» нации и мира, установления «нового порядка».

Муссолини, в частности, утверждал: «Для фашизма стремление к империи, т. е. к национальному распространению является жизненным проявлением; обратное, „сидение дома“, есть признаки упадка. Народы, возвышающиеся и возрождающиеся, являются империалистами; умирающие народы отказываются от всяких претензий... Если каждый век имеет свою доктрину жизни, то из тысячи признаков явствует, что доктрина настоящего века есть фашизм»¹⁵¹. Это был тот самый «голубой фашизм», над которым задумывались как новым словом в мировой истории Бертран Рассел и Николай Бердяев.

Идеями фашизма увлекались не только младороссы. Так, в 1936 г. в Париже генерал А. В. Туркул, о котором говорили как об агенте влияния страны Восходящего Солнца, организовал «Русский национальный союз участников войны». В отличие от многих своих това-

рищей по оружию, генерал подчеркивал — «Наш идеал — фашистская монархия». Девиз — «Бог, отечество и социальная справедливость». Здесь только одно замечание: можно только «восхищаться» тем, как социальная справедливость «портит» историю!

Фашизм с его национально-социальной доминантой представлял как некое обновление, даже возрождение общества.

В 1935 г. «Бодрость» писала: «На наших глазах пришел к власти болгарский фашизм... Идеи, уже наметившиеся в эпоху прошлогоднего майского переворота, окончательно определились и уточнились с приходом 22 января нынешнего года правительства генерала Златева. Они созвучны установкам младороссов... Новый строй не только не входит в конфликт с Троном, но, наоборот, находит в нем незыблемую опору: историческая преемственность сочетается с социальным радикализмом. 24 февраля г-н Златев произнес большую программную речь. В ней он говорил: „Монархия... символ общенациональных интересов и общенационального единства“. „Нация есть реальность прошлых, настоящих и будущих поколений, спаянных в единство кровью, религией, бытом, языком, духом и традицией“ ... „Новое государство не будет ни классовым, ни партийным“ ... „Собственность и капитал... не являются самоцелью, а исполняют в рамках нового государства общественные функции на основах экономического сотрудничества и солидарности“... Отмечая наше единомыслие в основных вопросах, мы рады приветствовать начало осуществления родных нам идей в стране нам родственной и близкой»¹⁵².

Это было и время лозунгов, манифестов. Так, в фашистском «символе веры» были такие пункты: «Верую в вечный Рим, мать моей страны», «И в Италию, ее первородную дочь», «Верую в гений Муссолини», «Верую в обращение всех итальянцев», «И в воскресение Империи. Аминь»¹⁵³.

Так, младороссы усматривали фашизацию России в явлениях, которые трудно, мягко говоря, связать с фашизмом. Например — рост народонаселения, тяга к культуре, к знаниям, к науке. Само просвещение трактовалось как средство самоубийства коммунизма. Фашистский, по своей сути, процесс оздоровления русской нации младороссы усматривали в возрастающей в стране роли молодежи, ее стремлении к «индивидуальному развитию в рамках сотрудничества, к социальной справедливости, к здоровому национализму, к укреплению семьи, к духовной жизни, не упраздненной

материализмом». Сама власть, по их мнению, вынуждена считаться с такими настроениями и идти на уступки, которые просматривались в таких «мелочах», как восстановление ученых степеней, введение преподавания истории, популяризация отечественной классической литературы. И тут же: пропаганда против аборт, усложнение процедуры брака и развода, принятие драконовских мер против гомосексуалистов и пр.¹⁵⁴.

Поэтому не кажется удивительным, что в 1933 г. в Берлине Всероссийская фашистская партия (ВФП), Союз младороссов и Российское национал-социалистическое движение (РНСД) заключили известный акт о совместном сотрудничестве. Под этим документом, больше напоминавшим акт о намерениях, нежели официальное свидетельство о конкретных действиях, поставили свои подписи их лидеры — Анастасий Андреевич Вонсяцкий, Александр Львович Казем-Бек, кн. Павел Михайлович Авалов.

Каковы же были причины этого своеобразного объединения, впрочем, так и оставшегося на бумаге? Главная причина заключалась в неприятии коммунизма, идей III Интернационала. Много было общего и в идеях будущего устройства России без коммунистов. Так, идеологи ВФП задумывали свое отечество как национальное трудовое государство, в котором не будет ни эксплуататоров, ни привилегированных классов, а земля не будет передана в собственность помещиков и капиталистов; все национальности получат право на широкое самоуправление; сельские и городские советы будут преобразованы в национальные советы, чьи представители составят Всероссийский национальный совет — высший административный орган России; религия не будет гонимой и займет достойное место в стране; колхозы и совхозы будут уничтожены, каждый русский гражданин по достижении 21 года получит земельный надел из госфонда, рабочие получат действительное право участвовать в управлении предприятиями через своих представителей; внешняя торговля и монополии будут в руках государства; экспортные поставки станут возможными лишь только после удовлетворения всех нужд государства; и пр. Однако главное отличие ВФП от младороссов заключалось в неприятии еврейства и ограничении его прав¹⁵⁵.

Все это весьма похоже на процессы в нашей стране. И можно даже выдвинуть в чем-то парадоксальное утверждение, что история по своей природе фантомна, т. е. обладает свойством творить двойников. И распознать истинное так же сложно, как и увериться в ложном.

Сами младороссы признавали, что в этих программных установках не все в достаточной степени разработано и некоторые из них вполне могут оказаться неосуществимыми.

Тут же поспешу заметить, что творцом доктрины (по определению младороссов) столь привлекательного для них по многим чертам «Третьего Рейха» был А. Меллер ван ден Брук, личность, почти незнакомую современным историкам. Но именно он был создателем государственной идеологии НСДАП, хотя, как ни парадоксально, никогда не имел никакого отношения к основателям партии. Меллер ван ден Брук вновь начал рассматривать государство как сложный феномен, бытие которого определяется не только логикой становления и развития, но и иррационализмом событийности. Либерализму с его упрощенным видением мира он противопоставлял консервативное восприятие государства. Настоящий консерватизм, по его мысли, может и должен быть охарактеризован и представлен как «новое творчество, укорененное в истории». При этом философ утверждал внутреннее родство консерватизма с революционностью, которая «разбивает самодовольную рациональность либерализма, и, творя историю, двигает вперед, хотя бы даже вопреки собственному намерению, все тот же единый поток жизни, который в конечном итоге неизбежно историчен, „консервативен“»¹⁵⁶.

В сущности, здесь консервативный революционер говорил, как представляется, об органической демократии, в которой народ рассматривается как качественная и органическая общность, укорененная в истории и обладающая своими духовными, культурными, национальными и политическими характеристиками-константами и участвующая в строительстве своей судьбы, своего будущего.

В сущности, для понимания темы следует привести слова Константина Николаевича Леонтьева, для которого идея государственности связывалась с феноменами развития и охранительства. Размышляя на эту тему, он писал, что развитие любого государства «сопровождается постоянно выяснением, обособлением свойственной ему политической формы; падение выражается расстройством этой формы, большей общностью с окружающим... Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбегаться»¹⁵⁷. Смена форм, начавшаяся в XVIII–XX вв. вследствие эгалитарно-либерального процесса, по Леонтьеву, возможно, и полезна для вселенной, но не для длительного сохранения самих отдельно взятых государств. Исходя из своей теории трехэтапного исторического процесса — эпи-

ческой простоты и патриархальности, сложного цветения, вторичного смешивания и упрощения с последующим разложением и гибелью — Леонтьев подчеркивал, что в начале третьего этапа «в смысле государственного блага все прогрессисты становятся неправы в теории, хотя и торжествуют на практике... Все охранители и друзья реакции правы, напротив, в теории... ибо они хотят лечить и укреплять организм... Они все-таки делают свой долг и, сколько могут, замедляют разложение, возвращая нацию, иногда насильственно, к культуре создавшей ее государственности. До дня цветения лучше быть парусом или паровым котлом; после этого невозвратного дня достойнее быть якорем или тормозом для народов, стремящихся вниз под крутую гору, стремящихся нередко наивно, добросовестно, при кликах торжества и с распущенными знаменами надежд»¹⁵⁸.

Эта диалектическая формула придает совершенно иное звучание и оттенок трагизма штампованным характеристикам сложнейших понятий бытия. Рассуждения же по известной проблеме органической демократии представляются несколько надуманными, в чем-то утопичными, может быть даже банальными в своей простоте и известности. Столь широкий спектр не согласующихся определений вызван у меня, прежде всего, «чувством» игры в понятия, чем так часто «грешат» философы. Причем доказать спорность их положений достаточно трудно: все остается будущему. Если же обращаться к опыту прошедшего времени, замечу, что история человечества дает мало шансов говорить о некоей органической демократии. И чтобы поставить точку, прошу вспомнить гегелевское определение действительности. И все же русская молодежь, младороссы, прежде всего, думали о будущем. Сама величественная история России утверждала их в вере в ее великое будущее, в ее предназначение сыграть спасительную роль для всего человечества. Будучи русскими до мозга костей, они считали, что любовь к Родине или русский национализм, проявляется в характере, чувстве долга, в пренебрежении личным, в подчинении личности государству, обществу, его интересам.

Вдумываясь в мысли творцов и сторонников революционного консерватизма и органической демократии, можно заметить, что они весьма талантливо и удачно «схватили» суть исторического процесса. Те же самые принципы органической демократии нашли свое воплощение в программных установках младороссов, обозначавших Россию в форме монархии трудящихся. Тем не менее... Если задум-

маться над теорией революционного консерватизма, то она, в сущности, представляет собой настолько широкое поле для мысли и истории, что может быть использована для доказательства своей правоты людьми самых различных взглядов и положений в обществе. Здесь могу сказать одно — сторонники революционного консерватизма будут всегда настаивать на примате ценностей прошлого, испорченных или забытых настоящим.

«Возвращаясь в фашизм» скажу, что для младороссов можно было с соответствующими поправками иметь свой «символ веры». Но прилагательное «фашистский» уже было неприемлемо: установки гитлеровской Германии «испортили чистую идею». Кирилл Елита-Вильчковский, отвечавший за политическую подготовку младороссов, в своей лекции, опубликованной в 1935 г. писал: «... национал-социализм в теперешней его форме идейно противоречит фашизму: универсальную идею фашизма он подменяет идеей расовой, разделяющей человечество. Он возвел физический признак крови в высшую ценность, расовые свойства — в мерило этики, морали, даже религиозной жизни. Христианскому идеализму и всем исканиям социальной справедливости фашизма и коммунизма он противопоставляет расовый эгоизм. Итальянские фашисты не даром называют его „сатанинским фашизмом“, „фашизмом наизнанку“ ... Как бы то ни было, фашизм в его нынешнем виде далек от того, который мы в свое время так горячо приветствовали. Нынешний фашизм не только не противопоставляет себя германскому национал-социализму, но, наоборот, подчеркивает свою идейную с ним родственность. С фашизмом отождествляют национал-социализм уже не противники фашизма... а наоборот его сторонники. От национал-социализма фашизм перенял его расовую доктрину, и даже культ голубоглазых блондинок». «Эта доктрина, научно совершенно беспомощная, не только снижает самый уровень фашистского мышления, но и лишает фашистскую идею ее духовности и ее универсальности... Национально-расовый эгоизм, возведенный в принцип, оказывается в резком противоречии с христианским учением и христианской моралью. По примеру национал-социализма фашизм склоняется к отрицанию этой морали, как морали слабых, незаметно подменяя ее культом силы и ненависти, укрепляющей национальную сопротивляемость. Благо государства объявляется высшим благом, и польза государства оправдывает все средства. Соображениям целесообразности подчиняются все другие соображения... В союзе с фашизмом, прикрытые фашист-

ской поддержкой, оказываются пораженцы и мракобесы. Наоборот, движения и группы, близкие прежнему фашизму, и ему дружественные, подвергаются не только травле, но иногда и преследованиям»¹⁵⁹.

Например, Жорж Валуа, создавший в середине 20-х гг. первую французскую фашистскую организацию «Фасции», умер в концлагере¹⁶⁰.

В конце своей «защитительной речи», главный политрук утверждал: «...младороссы приветствовали фашизм, пока видели в нем, если еще и не совершенный синтез между духовным наследием старой Европы и требованиями нашего времени, то, во всяком случае, попытку такого синтеза, попытку переоценки ценностей, позволяющей, сохранив подлинно ценное, отбросить ложное, устаревшее или загнившее, попытку взглянуть на мир менее предвзято, более реально, с большей высоты... Так называемые фашистские державы оказываются с точки зрения младороссов враждебными, лишь, поскольку они поддерживают анти-русскую политику, прикрытую идеологией анти-коминтерна. В своей внешней политике младороссы не знают никаких предвзятых „фильств“ или „фобий“ и руководствуются лишь интересами РОССИИ... в плане идеологическом: ни фашизм, ни анти-фашизм, а младоросскость, а в плане внешнеполитическом: одно мерило — интересы России»¹⁶¹.

Со своей стороны, хотел бы подчеркнуть следующее: во первых, идея, теория и практика, почти никогда не представляют собой органическую триаду, во вторых, наличие множественных толкований «универсальных» учений вело к их поляризации.

Революция, эволюция, революция

Свободно фланирующим по улицам европейских городов молодым людям, вероятно, было по сердцу читать строки Герберта Уэллса из его выступления в Лондонской школе политической экономии, как будто обращенные к ним и заставляющие сладко замирать от гибельного восторга: «Мы живем в цивилизации, которая очень быстро распадается. Судьба, ожидающая многих из вас, молодые люди, быть может, ужасна. Вы, может быть, будете убиты, изувечены, избиваемы, обречены на голод, но одно, несомненно: вам некогда будет скучать. Мир, такой, каким мы его знаем, разваливается на глазах. Каждую неделю что-нибудь низвергается или сокрушается, и нет возможности сказать, до какого предела дойдет это крушение». «Как во времена Ноя вам надо строить ковчег»¹⁶². Для младороссов, видимо, было ясно, что этим кораблем может быть только пересозданная по новым революционным принципам советская Россия, монархия трудящихся.

«Революция 1917 года, — писала „Младоросская искра“, — уравнила все слои русской нации НА ОДНОМ ПРОЛЕТАРСКОМ УРОВНЕ. Этого результата она достигла ценой гражданской войны, террора, принуждения и ликвидации целых классов. В итоге, к 1930 году РУССКАЯ НАЦИЯ ФАКТИЧЕСКИ СТАЛА НАЦИЕЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ.

Пролетаризированная русская нация стремится всеми своими силами к лучшей жизни, к духовному просветлению и к материальному благополучию. Из этого стремления нарождается РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БУДЕТ СОВЕРШЕНА ВО ИМЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ. Новое расслоение русской нации неизбежно, но новые социальные слои образуются не сразу. Русская нация не сразу утратит свой пролетарский облик. БУДУЩЕЕ РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В СИЛУ ЭТОГО НЕ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ НЕ ПРОЛЕТАРСКИМ.

Русская национальная революция даст русскому пролетарскому государству монархическое возглавление. БУДУЩАЯ МОНАРХИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО МОНАРХИЕЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ, так как только пролетариат может быть для нее социальной базой»¹⁶³.

Конечно, при чтении этих своеобразных тезисов отчетливо чувствуется желание построить «новый дом», но... служение нескольким господам-идеям обычно заканчивается фиаско. Но с младороссам это-

го печально-насмешливого исхода удалось счастливо избежать уже по причине их способности делать выбор, идти на компромисс, даже на отвержение прошлых задач — делать все, но только не застывать в догме, а двигаться к Родине.

Да, у них, как, впрочем, у всех революционеров и их критиков, есть осознание пробудившейся мощи пролетариата. Они отдают ему должное, но «забывают» упомянуть о том, что пролетарская база государства, даже в форме монархии, плохо и трудно может сочетаться с принципами консерватизма, иерархичности, органичности. Их крик о пролетариате или гимн ему следует воспринимать не только как своеобразную дань уважения новой России, но и через призму причастности их самих к этому социальному феномену — многие работали на заводах и фабриках, трудились в мастерских и пр. Поэтому им была понятна формула ниспровергателей старого мира, нашедшая, кстати, свое отражение в надписи на одной из стен московского «Метрополя». Прочтите. Весьма поучительна.

Но мне все же не ясна духовная составляющая «новых небес». Монархия? Слишком вульгарно. Религия? Зачем она нужна тому, кто осознал себя силой? Беда младороссов в том, что при всей ясности излагаемых мыслей, они как-то не находят нужным довести свое видение той или иной задачи, проблемы до логического завершения, что чрезвычайно утяжеляет задачу исследователя. Короче говоря, дым декламаций скрывает зачастую пламя мысли.

В 1934 г. Казем-Бек в статье с символическим названием «На переломе» (Бедная Россия: все ее бытие связано с бесчисленными «переломами». А толку?! Но может быть, поэтому и нет? — В. К.) низал слова: «Русская революция обусловила возникновение фашизма в Европе (скорее, Версаль. — В. К.)... Совершенная во имя интернационала, октябрьская революция подняла огромную волну национализма (а революций? Нет? Не было ни в Германии, ни в Венгрии? — В. К.), совершенно так же как февральская революция, опиравшаяся на принцип либерализма, оказалась прелюдией к упразднению свободы. Русская революция на первых своих этапах ознаменовала лишь предсмертные судороги старого мира. И лишь в дальнейшем развитии своем подошла она к порогу нового мира. Новый мир уже родился. Он уже создал новую психику, новые идеи, новую породу людей. Фашизм есть первая успешная попытка оформления нового мира. В этом корень и причина универсальности фашизма (в чем конкретно? Искать ответ у Мора или у Кампанеллы? А может быть у Платона или

Макиавелли? Может быть, это усредненность, даже героическая усредненность, готова поглотить все!— В. К.). Русская революция, благодаря опыту которой стал возможным в Европе фашизм, сама еще не завершила своего развития. Она не создала еще того социально-политического строя, который соответствует ее сущности. Она дошла до своего перелома, являющегося переломом судьбы всего человечества. Весь мир подошел к развязке. Начавшаяся в международной жизни неразбериха, когда все поставлено под вопрос... не случайное явление. Эта неразбериха есть внешнее проявление кризиса, вызванного в мире кризисом русской революции (что не сумела взять Европу штурмом? — В. К.). „Русская история имеет значение мировой исповеди“, сказал Хомяков. Кризис русского сознания и русской совести есть предельно актуализированный, доведенный до крайнего напряжения кризис общечеловеческого сознания и общечеловеческой совести (??? — В. К.). От исхода русской революции зависит судьба человечества (от Великой французской тоже зависела, и что же?! И слава Богу, что судьба человечества определяется и не Робеспьером, и не Наполеоном Бонапартом — В. К.). Русская революция будет продолжена и завершена русской нацией... Продолжение революции означает изживание первоначальных ошибок и увлечений, за которые наша нация заплатила дорогой ценой. Завершение революции означает восприятие новых идей, соответствующих огромному сдвигу и исполинским силам величайшей нации земного шара»¹⁶⁴.

Продолжая тему революции, А. Л. Казем-Бек заявлял, что «для националистов вопрос становится не о борьбе с новым человеком, а о замене возглавления»¹⁶⁵. Соответственно «создание базы мировой революции» неотделимо от «народного строительства», а «всемирность русской души» от интернационализма. При этом, конечно, определяющая роль принадлежит ленинскому «барометру нации» — молодежи, о которой лидер младороссов в 1931 г. писал: «Милитаризм, государственничество, преклонение перед твердой властью — таковы основные черты политического сознания советского молодняка. Никакая сентиментальность, никакой „гуманизм“, никакое вегетарианство им не приемлются. Пока в коммунизме она видит „твердую власть“, советская молодежь будет прощать ему то, что ей в нем претит. И, в случае нужды, она будет за него голосовать... за окончание пятилетки, за успех социалистического строительства, за существующую власть, которая постепенно становится властью их сверстников»¹⁶⁶.

Все верно, за исключением слов «прощать» и «претит»: партия всегда права, а с теми, кто был недоволен — а им мог быть только враг — поступали согласно революционному принципу — «если враг не сдается, его уничтожают».

Пожалуй, самым трудным для младороссов было со сроками «изживания коммунизма» и соответственно с началом мирной национальной революции. Любые срывы, промахи, неудачи в пятилетках воспринимались ими как знак приближения желанных изменений. Так, в 1931 г. Информационный центр Союза младороссов в «Младоросской искре» заявлял: «Поскольку изживание коммунизма идет быстрыми шагами, и нарождаются преемники коммунистической партии — национальная революция уже начинает совершаться и дни национального переворота близятся»¹⁶⁷.

В сущности, эта тема горизонта, бесконечного приближения, позволяла поддерживать, даже горячить надежду на скорейшее возвращение домой. Однако само время рассматривалось как некий неопределенный феномен, весьма растяжимый и неконкретный, но позволявший революцию перевести на рельсы эволюции. Даже тоталитарность большевистской власти, после спада надежд на революцию, была поставлена на службу эволюции.

Так, Казем-Бек писал в 1935 г.: «Современные тоталитарные режимы во избежание революций, которые могут уничтожить их достижения, должны стать на путь политической эволюции. В частности, тоталитарный строй, созданный вокруг коммунистической партии в России, вынужден постоянно приспосабливаться к изменяющейся обстановке, эволюция которой независима от него, и которая определяет его собственную эволюцию... одно из поучений, вытекающих из опыта тоталитарных режимов как коммунистический, фашистский или национал-социалистический, заключается в том, что эти режимы сами в себе несут зерно будущих дифференциаций... задача политики в том, чтобы эти будущие неизбежные дифференциации не обернулись распадами, чтобы неизбежные изменения не разрушили политического единства, а лишь видоизменили бы его формы и характер, чтобы сами эти изменения совершились под контролем ответственных представителей государства, а не совершались против них, одним словом, чтобы спуск произошел на тормозах, а не превратился в прыжок в бездну»¹⁶⁸.

В общем, здесь пересказ многих известных мыслей, в том числе и К. Н. Леонтьева, о сути задач настоящего государственника и охра-

нителя. Одно только продолжает быть непонятным: дифференциацию/эволюцию будет определять в нашем случае Сталин? А небольшие изменения сведутся к провозглашению вождя всех народов царем? Безусловно, все это выглядит довольно топорно. Однако сама незавершенность, даже некоторая алогичность построений в конкретике происходившего рождает много вопросов, хотя основная мысль автора ясна. Именно она довольно давно занимала умы младороссов. А Сталин? Что Сталин! Еще в 1932 г. «Младоросская искра» в подтверждение своих идей о «временности» Сталина поместила любопытную выдержку из «Социалистического вестника», чей московский корреспондент, передавая обывательские слухи и разговоры о скорой смене Сталина «мужицким царем» Ворошиловым, который «и родом... свой... не то что „жидюга“ Троцкий или „кавказец“ Сталин», утверждал, что, в конечном итоге, все свидетельствует только об одном — возврате к царю или к «хозяину», который сможет навести должный порядок¹⁶⁹.

Тогда же А. Л. Казем-Бек последовательно и упорно проводил мысль о том, что «кончается первая глава революции, отрицательной по своим явлениям, ошибочная по своим направлениям, но чреватая положительными достижениями, потому что за ней начинается новая глава, глава выправления первоначального направления. Эта глава будет переходом от революции антинациональной к революции национальной... люди, которые в начале искренне считали себя коммунистами, стали сейчас национал-коммунистами, а многие из них стоят уже на пороге чистого Русского национализма... усилия должны быть приложены к забиванию клина между властью и нацией... выражать это противопоставление начала коммунистического и начала национального легче всего в двух определенных областях: в деле обороны страны и в строительстве. Как оборона страны не тождественна с защитой власти, так и социалистические цели строительства не тождественны с национальной потребностью в строительстве»¹⁷⁰.

Весь этот набор громких фраз-перевертышей преследовал одну цель: мы — младороссы — революционеры, способные прозревать в настоящем будущее, а все остальные умы эмиграции, не видящие «за деревьями молодой поросли», годятся в лучшем случае лишь на то, чтобы сочинять различные мемуары, перемежающиеся слезливыми воспоминаниями об утраченном прошлом. И еще: открытость младороссов означала не только способность талантливо подавать себя об-

ществу, но и некую незавершенность, расплывчатость, в чем-то даже незащищенность, в том числе и от истории, творимой на Родине. Их нежелание писать о зверствах и варварстве революционной власти, о новом «красном» рабстве соотечественников можно объяснить по-разному. Взявшие себе лозунг «Лицом к России», они видели картину не лагерей, не процесс создания «механического» человека, а строительства нового мира. Для младороссов были существенны не средства, а та цель, с помощью которых она реализовывалась. Больше того: свое видение процессов, происходящих в СССР, саму советскую жизнь в ее временных формах они подчиняли идеям вневременным, вечным, творящим из хаоса порядок. К таким они причисляли революцию и эволюцию. Именно эти две основополагающие идеи создают, объясняют и уничтожают мир...

Мысли младороссов о революции во многом перекликались с идеями «теоретика интегральной реакции» французского философа Пьера Орднони. В своей книге «Монархическое призвание Франции», как писал в своей рецензии для «Бодрости» И. Кар, он уверял наивного читателя в том, что для некоторых революционеров «революция — это метод достижения определенной стадии; для других, она сама — определенный политический и социальный строй. Первые, — продолжал Орднони, — становятся консерваторами, пока вторые все продолжают проповедь революции без окончания и перманентного героизма. Но и первые несогласны между собой относительно стадии, которой требуется достигнуть, и момента, с которого начинается политический и социальный консерватизм. Вожди революции уничтожаются новыми вождями революции; последние, когда исчезли их сообщники, эксплуатируют революцию для самих себя, как доходное хозяйство... Они превращаются в поборников реакции, и хозяйничанье их становится наследственным»¹⁷¹.

Здесь автор выступает не столько как философ духа, сколько мыслитель быта. Теории стадильности параллельна теория троцкизма. Принцип натуральной иерархии накладывается на принцип естественного отбора. Раскрывая формулу «революция абстрактна, контрреволюция конкретна», Орднони указывал, что «первая говорит человеку о его рабочих орудиях и рабочих часах, о правах и требованиях, сопряженных с усилием. Вторая заинтересовывает его в творчестве, в предмете его усилия, в результате его труда — в конкретном, в сотворенном; и она его вознаграждает»¹⁷². Нелегко здесь понять Орднони. Может быть все очень просто — первая имеет своей

конечной целью всеобщее счастье, вторая — счастье отдельного человека? Мысль Ордони интересна и своим утверждением контрреволюции как общественной силы, имеющей своей задачей «создание сильного государства для того, чтобы воссоздать иерархическое общество, вплоть до верховной власти». Поклонник монархизма писал, что с ликвидацией органического общества и созданием идеи или понятия абстрактной нации «революция изолировала человека, сделав его чересчур великим в абстрактном плане и чересчур малым в конкретном плане». Революция, объяснял философ, враг природы, природности, в то время как контрреволюция выступает всегда за нераздельность природного общественного порядка; соответственно отсюда вытекает требование и необходимость природного общественного строя, которому должна отвечать природная монархия¹⁷³.

Мне трудно, повторяю, понять диалектику Ордони. И, тем не менее, размышления человека, посетившего мир в «его минуты роковые», заслуживают внимания.

В то же время не может не вызывать уважения патриотизм главы младороссов — режимы уходят, родина остается.

Вслед за своим лидером младороссы признавали достижения революции в «постановке вопроса о человеческом достоинстве», в провозглашении «идеи сотрудничества ради общего блага» и «идеи священности труда»¹⁷⁴.

Все так, но не следует забывать, что заботы об этих «предметах» и привели к революции. Более того, известно определение Ф. А. Степуна о том, что «большевизм есть не только ложь, но в известном смысле и истина»¹⁷⁵. Поэтому многим эмигрантам было больно читать и такие политические откровения, как например, «старая монархия и революция не сумели объединиться на деле социального обновления России. После трагического недоразумения Февраля, октябрьское углубление революции становится естественным»¹⁷⁶.

Конечно, некоторая оторопь возникает при чтении этих строк, но это отнюдь не свидетельствует о безграмотности автора, скорее свидетельствует о спектре путей России в то грозное и лживое время смены вех на революционных «отмелях», когда «акушерки считали борьбу с самодержавием своей профессиональной обязанностью... Довоенная Россия была во власти устаревших порядков, устаревших идей и устаревших людей»¹⁷⁷.

Естественно, чтобы тебя заметили, необходима гиперболизация: одни обрушатся с критикой, другие «проглотят». В любом слу-

чае — цель достигнута. Даже если последует опровержение, оно все равно будет работать: ты не забыт, ты неординарен, ты умеешь один говорить «горькую правду»!

Правда также нуждалась в своих авторитетах и глашатаях и даже в критиках. Одним из них был уже упоминавшийся С. Дмитриевский, которому младоросская печать охотно предоставляла свои страницы. Размышляя об известном феномене сменевеховства, он писал в 1932 г., что верно не то, что «Россия неотделима от большевизма, а как раз противоположное: что России большевизм не нужен, что России марксизм враждебен, ее потребностей не удовлетворяет и потому она даже в нынешнем своем поработанном состоянии рвет и ломает пути большевизма... Надо все силы напрячь, чтобы их разорвать... освободить страну, дать ей полную возможность развиваться в национально-революционных путях... В этой борьбе надо конечно использовать все те отдельные слои большевицкого лагеря, которые начали проникаться национальными идеями. Их надо окончательно оторвать от марксизма и влить в ряды солдат национальной революции... борьбу за национальную революцию надо не ослаблять, но, наоборот, усиливать»¹⁷⁸.

Такие декламационные откровения а ля Керенский, видимо, воспринимались на ура молодежью, ждущей и готовящейся к возвращению в новую Россию, где они включатся в революционное строительство родины. Многие оппоненты, противники, враги младороссов нередко язвительно прохаживались над бездеятельностью сторонников и питомцев Казем-Бека. Но здесь, видимо, следует вспомнить, что первейшим младоросским делом было слово веры в свою Родину, слово защиты Отечества от неверующих и равнодушных, слово гордости ее достижениями даже и в большевистской обертке.

Ставка на революцию постоянно перемежалась с надеждами на эволюцию. И если «старики», основываясь на речах партийных деятелей и прочих материалах, утверждали, что «большевики продолжают быть теми, какими они были, и никаких признаков эволюции в национальном и мирном направлении не обнаруживают»¹⁷⁹, то сами младороссы придерживались другого мнения. Рождение новой, перерождение сталинской России младороссы видели в 1931 г. в той же смене тактики по отношению к «спецам»: возвращении их из ссылки, лагерей, премировании, награждении многих орденами, пересмотре тарифов зарплаты для инженерно-технических работников (ИТР)

и пр. Все это так и не так: одних возвращали, награждали, а потом, подержавши на воле, опять сажали. Но примеры «искупления» честным трудом, конечно, были. Агитация и пропаганда были поставлены в первом государстве «рабочих и крестьян» на такую высоту, что западные пролетарии и высоколобые интеллектуалы не могли не верить в жизнеутверждающее строительство «новых небес». И те же младороссы, основываясь на советской самокритике, доверчиво печатали материалы о провале наступления воинствующих безбожников в 1932 г.¹⁸⁰.

В сущности, в ход шло все, что могло подтвердить тезис младороссов о скорой национальной революции. Молодежи усиленно внушалось, что только она может и должна завершить святое дело строительства новой России. Старая революция должна была эволюционировать в новую революцию.

Более того, необходимость эволюции органически диктовалась защитой революции, победившей в одной стране. В 1934 г., покинув на время тему революции, они писали: «Именно внешняя угроза окончательно толкнула власть на путь „оборончества“ и... ускорило пробуждение национализма в массах. То же „оборончество“ послужило и удобным предлогом для ликвидации многих пережитков старого коммунизма, с которым иначе было бы трудно расстаться. „Оборончество“ в значительной степени укрепило Россию вовне. Назревший конфликт на Дальнем Востоке к концу 1934 года может считаться если не ликвидированным, то, по крайней мере, надолго отсроченным. Угроза интервенционистских попыток с Запада перестала быть прямой»¹⁸¹.

Здесь можно «прицепиться» к словам об изживании «пережитков старого коммунизма», но не это здесь главное. Младороссы последовательно и упорно утверждали тезис национального возрождения. И если для «стариков» он был нелеп и одиозен, то у младороссов с их верой в Россию, даже если цвет ее знамени красный, он был вполне правомерен. Соответственно, «социалистическое отечество превращается в Россию, социалистическое строительство — в борьбу за Русскую мощь, пролетарий — в нового Русского человека. Это — наша победа»¹⁸².

Однако для мировой истории коммунистические идеи будут всегда находить своих сторонников и свои ареалы распространения. И не будем забывать, что многие интеллектуалы западноевропейской мысли признавали правомерность бытия национального коммунизма, т. е. с учетом особенностей той или иной страны, где

идет процесс коммунистического строительства. Игнорирование этой реальности ведет к болотным революциям, инициированным «мыслящим тростником», к красным бригадам и красному террору.

Для тех, кто доверчив, добавлю, что идеи всегда имеют нескольких хозяев, которые всегда хотят вместить их в прокрустово ложе своих интересов. И Сталин здесь не исключение. Проблема в том, что бесконечная борьба идей и их «хозяев» рождает персонифицированную идею, наиболее грозное и мощное оружие в умных или послушных руках.

Так, в одной из своих статей С. Оболенский писал: «В 1934 году, когда последствия левой экономической политики угрожали новой катастрофой, власть решительно повернула вправо во всех областях жизни и объявила патриотизм и национальную гордость русского народа самой основой своего существования... Этот режим... характеризуется в области политики, как режим единоличной диктатуры, опирающейся на лозунги национальной обороны и государственного величия Страны Советов. В области социальной — режим иерархичности и жесточайшей общественной дисциплины во имя укрепления государственных интересов. В области экономической это — режим компромиссов между господствующей силой государственного капитализма и неистребимыми частно-собственническими инстинктами и интересами, получившими некоторое, хотя и очень условное признание. С психологической стороны это — режим примитивно-народнический и примитивно-националистический, превративший миф мировой коммунистической революции в оружие советско-русского империализма, раздувающий чувство безусловного превосходства русских над внешним миром и заменяющий недостающее понимание русской традиции и русской судьбы лубком народных добродетелей и национального прошлого. И лишь формально-идеологически это все еще — старый режим пролетарской коммунистической революции. Расценивая этот режим, мы должны, во всяком случае, исходить из того, что в нем нет марксистского отрицания государства, а есть абсолютизация государства, нет уравниловки, а есть строжайшая социальная иерархичность и т. д. Мы... признаем, что строй нынешнего сталинизма является очень значительным прогрессом по сравнению не только с неосуществимым марксистским учением, но и по сравнению с режимом старобольшевистским. Его основные плюсы: он утверждает русскую

государственность, потрясенную революцией; он позволяет укрепиться национальному сознанию, прежде унижаемому и гонимому; и, несмотря на государственный абсолютизм, в нем немного больше свободы и уважения к личности (или, вернее, немного меньше физического и духовного рабства), чем при прежней идейно-коммунистической диктатуре. Считая нынешний сталинизм прогрессом по сравнению со старобольшевистским, мы... предъявляем ему... обвинение в антидуховности. Национализм этого строя ущерблен, потому что из него выхолащены и в него не допускаются основные духовные ценности русской нации... свободу духовного творчества он допускает лишь в тех узких, почти несуществующих пределах... Запретность всякой живой, нетрафаретной национально-политической и социальной мысли лишает руководства инстинктивный национализм масс и искусственно снижает его уровень. Новая российская великодержавность в идейном плане до сих пор не способна себя защищать, потому что сама власть глушит всякое проявление независимого русского идейного творчества... Вся русская религиозная традиция и все ее живые представители оказываются вне сталинского строя и им самим причисляются к стану врагов. Сталинизм создает уродливую псевдо-генеалогию русской нации и русской культуры, в которой не оказывается места ни для преподобного Сергия, ни для Хомякова, ни для Достоевского... Но русская жизнь продолжается, и сталинский режим эволюционирует... с зигзагами, с рецидивами, но эволюционирует»¹⁸³.

Здесь нет комментариев: все предельно ясно, а, следовательно, односторонне, можно сказать. Но здесь есть живая человеческая и философская вера в те проблески эволюции, которая являет собой прообраз будущей национальной революции.

В 1934 г. Казем-Бек в очередной раз настойчиво повторял: «Младороссы с самого начала стремились создать монархическую партию для советского обихода. Союз Младороссов после долгих и напряженных усилий превращается во вторую советскую партию, занимающую положение революционной оппозиции в отношении партии правящей. Правящая — коммунистическая — партия с точки зрения младороссов узурпирует руководство русской революцией. Русская революция должна была быть революцией национальной и социальной. Она должна была произойти. Но младороссы признавали бы необходимой революцию, совершенную не против Престола, а под Престолом, и не до победы, а после победы... Довоенная Россия

была во власти устаревших порядков, устаревших идей и устаревших людей. Все это надо было смести. Надо было разрешить основные проблемы русской жизни: проблему национальностей империи; проблему социальную; проблему хозяйственную. Нужен был второй Петр. Вместо него пришел Ленин... Коммунистический период стал новым периодом Русской истории. Это бессмысленно отрицать. Из этого надо делать соответствующие выводы... первый вывод: в борьбе за будущее надо исходить не из какого-либо произвольно выбранного момента прошлого, а из настоящего, то есть из нынешней советской действительности... все интересы, оценки и суждения младороссов, даже их настроения укоренены в советской жизни... они смотрят на все язвы советского строя и советского быта как на свою болезнь, а не как на чужое зло»¹⁸⁴.

Иными словами — «лицом к России». И это верно. Была лишь одна опасность — потерять свое лицо, пытаясь поспеть за бесконечными изменениями в зеркале сталинской России. Но это не страшило младороссов, для которых жизнь страны лишь подтверждала их тезис об эволюции Родины. Режимы проходят, нации остаются.

Говоря о коммунистической власти, младороссы утверждали, что «она подчинила интересы иностранных компартий интересам Русского государства, от теории мировой революции перешла к теории социализма в одной стране, и от нее к советскому патриотизму, что идейные интернационалисты находятся в опале или ссылке, а у власти находятся люди, которые или стали патриотами, или вынуждены в них перекрашиваться»¹⁸⁵. Эволюцию младороссы видели даже в международных договорах большевиков с западными странами. В 1935 г. в «Бодрости» (№ 30) можно было прочесть следующие строки: «Союз Младороссов считает своим долгом выразить французскому общественному мнению то живое удовлетворение, которое испытывают русские националисты по случаю подписания в Москве соглашения между президентом Лавалем и советскими правителями». «Убеденные, что принципы коммунизма в самой своей основе противоречат человеческой природе, младороссы никогда не сомневались в неизбежной эволюции марксистского режима. Они констатируют с удовлетворением, что эта уж очень продвинувшаяся эволюция принуждает советское правительство возвращаться в области внешних сношений к традиционной политике России. Отказываясь практически от идеи мировой революции и возобновляя связи с державами, стоящими на страже мира, советское правитель-

ство наносит тяжкий удар 3-ему Интернационалу и доктрине Маркса и Ленина»¹⁸⁶.

Оставляя в стороне саморекламу с реверансом французам и прочее «добро», следует обратить внимание, что акцент ставится на «советское правительство», а не на большевизм. Как говорится, кто хочет что-либо найти, тот находит искомое. Это — аксиома.

Князь Александр Путятин в статье «Еще раз об эволюции» писал в «Бодрости» в 1936 г.: «Если пятнадцать лет назад власть, насаждая коммунизм, подчиняя народную волю марксистским законам, разлагала семью, вытравила национальное чувство, призывая народ служить интернационализму, убивала в нем дух, воздействуя на него террором и низводя на нет человеческую личность, и если ныне, чтобы не выпустить из подчинения тот самый народ, которому были неприемлемы эти условия, призывает его к патриотизму, приветствует личность в человеке, восстанавливает семью и говорит о национальной гордости, то налицо — крупные перемены, меняется характер власти, а с ним и самый идеал ее — следовательно, власть эволюционирует.

Эволюцией власти, в сущности, и закрепляется каждый этап эволюции народа; так как в противном случае, если бы власть не эволюционировала, то неудовлетворенные требования масс вылились бы в народный бунт (у нас были трудящиеся массы и советский народ, а бунт мог быть только контрреволюционным. — В. К.)

... Меняя весь характер власти, чтобы сохранить за собой способность подчинять и управлять, Сталин вынужден прикрывать все новые изменения в жизни страны коммунистической терминологией. Вот почему и патриотизм и национальная гордость и ценность собирания Земли Русской и реформы императоров Петра I и Александра II — все это есть „осуществление истинного ленинизма“, а табель о рангах в армии и могучее вооружение Родины — есть лишь „завершение социалистического строительства“.

В тот день, когда власть остановится на пути своей эволюции или когда Сталин не сможет больше скрывать, что он столько лет обманывал народ, что от ленинизма ничего уже не осталось и страна далеко ушла по пути к национализму, — Сталина у власти не будет... вот почему он так настойчиво утверждает, что никакой эволюции в стране нет, вот почему и эмигрантские наши противники... ее отрицали до последних дней»¹⁸⁷.

Далее. Младороссы объявляли Сталина защитником крестьян-

ства только потому, что сельскому населению было разрешено иметь приусадебные участки. При этом они умалчивали о том, что эта «реформа» позволяла крестьянству «подкармливаться», так как революционные лозунги и низкая оплата труда в колхозах не могли избавить людей от полуголодного, зачастую, состояния. Младороссы не писали об установлении колхозного строя как втором издании крепостного права. И не публиковали на страницах своей прессы горькую правду о том, как крестьян насильно загоняли в колхозы.

Для Казем-Бека и его сторонников это было второстепенным, главное — эволюция. В «Бодрости» № 39 за 1935 г. они писали следующее: «Речь идет сейчас о „новой“ морали, которая по существу от старой ничем не отличается, если под старой моралью понимать мораль христианскую, а не предрассудки и язвы, рожденные человеческим несовершенством или экономическими условиями»¹⁸⁸.

Итак, выходит, что Сталин настоящий христианин?! Так думали не одни младороссы. В 1945 г. один из пастырей заявил: «На Родине нашей практически осуществляется христианство... между понятиями СССР и Святая Русь можно поставить знак равенства. 1. Церковь отделена от государства, и этим исполняется завет Христов: воздадите Кесарево Кесарю, а Божие — Богови. Деятельность Церкви и Государства в России можно уподобить двум рельсам, параллельно идущим в одном направлении — вперед. 2. Уничтожена возможность обогащения одних за счет других, опять, согласно Евангелию: „Трудно войти богатому в Царство Небесное“. 3. Принцип обязательного и притом коллективного труда, когда один работает для всех, а все для одного — дышат заветом Апостола» „Кто не трудится, тот не ест“. Таким образом Советский Союз и есть Святая Русь, осуществляющая Евангелие в жизни. Кому же мы обязаны созданием Советского Союза — Святой Руси? Кто осуществляет эту дивную гармонию жизни Государства и Церкви? Это сделал великий, гениальный Сталин»¹⁸⁹.

Конечно, это — политика, вернее эволюция тех, кто очень хотел, желал, стремился верить в добрые перемены. Говоря о Сталине, младороссы в 1935 г. заявляли, что «с государственным идеалом, а вовсе не с коммунистическим идеалом Сталина мы и должны считаться»¹⁹⁰.

Итак, все ушло в прошедшее. И вешать его на шею как мельничный жернов, младороссы, не желавшие утонуть в общей массе эмиграции, не хотели. *Tempora mutantur et nos mutantur in illis*.

Безусловно, важное место отводилось «новым русским», которым было предназначено наставить Россию на путь эволюции/рево-

люции. 2 февраля 1935 г. Кирилл Елита-Вильчковский писал следующие строки в «Младоросской искре»: «Речь идет сейчас об окончательном освобождении революции от марксистских пережитков, об освобождении новых людей от опеки линияющих марксистов. Новый правящий слой медленно кристаллизуется, готовится заменить одряхлевшую партию. Этот новый слой постепенно перенимает из рук старых революционеров рычаги правления. Он становится постепенно носителем государственной и национальной идеи. Надо думать, что разложение старой партии будет идти теперь все быстрее. Партийцы должны будут или расставаться с марксизмом, или исчезать со сцены. Со Сталиным, как со сделавшим свое дело мавром, новые силы развяжутся»¹⁹¹.

Как ядовито подчеркивал Р. П. Рончевский: «Младороссы давно сменили вехи, вехи борцов за Россию, на вехи эволюционистов»¹⁹².

Все это так, и не так. За рубежом на эмигрантских политиков иногда «накатывало» и они начинали «вещать», забывая, что умные люди остались и в России и не все мозги «вытекли» на запад, как утверждают некоторые отчаянные антисталинисты. Сталин не был тем мавром, да и свое дело он еще далеко не завершил. Его тезис об усилении классовой борьбы позволял держать в напряжении всю страну. Партчистки, постоянный образ врага, будь он священник и одновременно японский (в протоколах, бывало, писали «ипонский») шпион, или левый или правый уклонист, опять же повязанные с румынской сигуранцей и с фашистской Германией, или просто обыватель, не сумевший «распознать врага и не донесший органам».

Да и Рончевский в своей оценке не на высоте: сама идеология младороссов с их лозунгом «Лицом к России» позволяет думать, что линия эволюционизма уже была заложена в понятие непрерывной революции, борьбы за нее.

Молодежь задиристо утверждала свою правоту и свой взгляд на Россию. Так, в 1936 г. в ежемесячной чикагской газете 76 очага Младоросской партии «К Молодой России» можно было прочесть горячие и прекраснотушные строки одного из сторонников новой, будущей России: «Если какой-нибудь скептик скажет, что нас в Чикаго все-таки горсточка, и то, что мы делаем, есть капля в море, я отвечаю, нет, не капля в море. Младоросских очагов и ячеек множество, и везде происходит то же самое, что и в Чикаго. Везде куются и воспитываются младоросские кадры для будущей работы в России. Везде

эмиграции прививается истинный национализм и любовь к своей родине. Везде, под младоросским влиянием, из эмиграции выветривается дух интернационализма, ненависти, пораженчества и наплевательства. Процесс оздоровления эмиграции, аналогичный процессу оздоровления России, происходит под нашим водительством»¹⁹³.

Если здесь можно только пожать плечами, дивясь этому птенцу из младоросского гнезда, то и на староэмигрантов, случалось, находило некое ослепление. Так, Н. С. Тимашев писал 12 марта 1936 г. в «Возрождении»: «Из России непрерывной чередой идут вести, которые все имеют один и тот же смысл: обваливаются кирпичи очень прочного здания, каким казался коммунистический строй в той форме, какую он получил в результате сталинского наступления 1929—1932 гг. Факты эти — восстановление чинов и красивых форм в армии, восстановление преподавания истории и географии вместо выброшенной за борт политграмоты, усиленные разговоры о восстановлении моногамической семьи и авторитета родителей, отмена классовых ограничений при приеме в школы, „сочетание личного начала с общественным“ в хозяйстве, выражающегося в приусадебных участках, индивидуальных коровах, премиях и надбавках за усердный труд, усиленное культивирование народных песен и танцев... классической литературы»¹⁹⁴.

Эти наивные в своей детской вере строки должны были еще раз упрочить веру младороссов, и не только их, в начавшийся процесс эволюции власти в России, в назревание национальной революции.

Здесь весьма любопытна, в чем-то парадоксально-утопична, оценка младороссами степени своей известности и степени влияния на Родине. Итак: «Идеи младоросского движения известны в России... тот путь, который привел русских зарубежных националистов к восприятию младоросского движения — этот же путь ведет к тому же совершенно даже самостоятельно и внутри русские массы. Потенциальных младороссов в России сейчас большинство. И это большинство активное. Оно принуждено следовать указаниям режима... но в то же время в нем идет все время процесс нарастания и созревания идей чисто русского национализма. Потенциальных младороссов там можно найти среди героев страны, среди военных, летчиков, интеллигенции, рабочих. Вот почему, следя за советской действительностью, так часто наталкиваешься на выявление тех настроений, тех

действий среди русских масс, которые так созвучны и понятны младороссам зарубежным»¹⁹⁵.

Эволюцию власти младороссы видели в и замене евреев на ответственных постах русскими. В 1935 г. в «Бодрости» (№ 20) можно было прочесть такие строки: «Вместо Кагановичей — Хрущевы. Хрущев во главе Москвы, Жданов во главе Ленинграда, Ежов во главе Комиссии Партийного Контроля, Молотов во главе правительства, Акулов, заправляющий ЦИК-ом под прикрытием опереточного Калинина, Ворошилов с Тухачевским, Гамарником, Каменевым и Блюхером во главе Армии — кроме разжалованного Кагановича и покорного Литвинова, ни одного еврея на высших постах. Вот факт, над которым не мешает призадуматься тем, кто отрицает эволюцию России»¹⁹⁶.

Допустим, в руководстве ВКП (б) оставалось еще немало большевиков, выходцев из еврейских семей. Но дело не в количестве, а в ином. Автор статьи ненавязчиво подводит читателя к мысли, что русское руководство будет лучше еврейского. Возможно. Только вот в чем русский коммунист превосходит еврейского коммуниста? В сущности, дело здесь в том заряде антисемитизма, которому подвержены русские люди, у которых «всемирная отзывчивость», случается, самым естественным образом уживается с ксенофобией. И жертвы здесь с обеих сторон.

Еврейская, во многом спекулятивная и искусственно раздуваемая тема присутствовала в младоросской прессе латентно. Хотя и были, особенно в начале 20-х гг., открытые антисемитские выступления. Сюжетов, имен, фактов, версий — множество.

Почти каждый эмигрант имел свой штамп-представление.

В 1921 г. Сергей Иосифович Гессен в разговоре с И. А. Ильиным о погублении России коммунистами отчетливо сказал следующее: «Революция в России будет продолжаться до сих пор, пока все русские евреи не будут окончательно уверены в том, что сам Марков-второй, став министром внутренних дел, не восстановит черту оседлости, а сам Пуришкевич, став министром народного просвещения, не восстановит процентную норму для евреев. До тех пор революция будет продолжаться... Он явно был уверен в том, что большевистскую революцию в России делают евреи в борьбе за свое равноправие»¹⁹⁷. В заключение своих воспоминаний о Гессене, Ильин не смог сказать ничего другого, что он со своими друзьями «всегда считали его отменно глупым человеком»¹⁹⁸. Сам Ильин в 1928 г. с тро-

гательной заботой писал в письме известному А. И. Лодыженскому: «И не навредил ли Гитлер себе и своей партии, преждевременно объявив, что он намерен делать с евреями»¹⁹⁹.

Уже из этих отрывков видно, насколько сложным было отношение к революционерам эволюции. Проблема будущего России теми же младороссами прямо увязывалась с национальным лицом власти. Именно об этом начинал рассуждать несколько наивно С. Оболенский в статье с характерным названием «Великодержавность»: «Вокруг диктатора Сталина стоит группа людей без сомнения русских, больше того: москалей... Московский человек Молотов—Скрябин, которого Дмитревский давно уже называл типичнейшим национальным революционером, не может своим московским нутром не ощущать Империи так, как совершенно не был способен ощущать ее белостоцкий еврей Литвинов. (Пусть мне по этому случаю не подкидывают антисемитизма: могут быть и существуют лица чисто еврейского происхождения, совершенно растворившиеся в русской стихии и ставшие русскими; но не Литвинов)». Рассуждая о причинах возвышения Вячеслава Михайловича Молотова, автор приводит его характеристику у Дмитревского: «Молотов из чисто русской семьи. Родился и вырос в настоящей русской провинции. Потому-то он не только говорит на чисто русском языке, но и мыслит по-русски. Его душа, как душа почти всех еще русских коммунистов (курсив мой. — В. К.), еще покрыта толстой кожей марксистских предрассудков; но под ней — большая любовь к родной стране... Это Молотов сплотил вокруг Сталина людей своего поколения, людей войны и революции, людей жестких, твердых, суровых, дело предпочитавших теории, во главу угла ставивших не абстрактные теории, а судьбы родной страны». И далее водопад еля на «новых властителей», которые «инстинктивно стремились преодолеть и в себе, и в жизни марксизм (его воплощение они видели в Троцком и в окружавшей его мрази), и на место его антинациональных тенденций поставить интересы русской нации и русского государства (ближе к истине будут слова советской нации. — В. К.)»²⁰⁰.

Безусловный интерес представляет позиция самого Казем-Бека по еврейскому вопросу. В 1934 г. он писал следующее: «Русские должны рассматривать еврейский вопрос с точки зрения взаимоотношения еврейского меньшинства с этническим большинством населения России... Русские должны учитывать право евреев на участие в общественной жизни страны, на борьбу за свои религиозные, культурные

ценности, созданные их исторической традицией... Евреи, со своей стороны, должны учитывать право русских устанавливать в русской жизни общеобязательные нормы, основанные на русской исторической традиции и на задачах, которые Россия ставит себе в своей внешней и внутренней политике... Обсуждать надо подлинную действительность, а не застарелые обоюдные обиды... надо исходить из факта, что последнее слово в русской жизни останется за русскими в силу принадлежащего им на их собственной земле духовного, культурного, политического и количественного господства... В русской действительности налицо тяжелые для еврейства последствия ошибок, допущенных еврейством за время революции. С одной стороны понятно, что еврейство видело в революции 17-го года возможность своего „реванша“ после утеснений, которым оно подвергалось в старой России. С другой стороны, не менее понятно, что народы России раздражены чрезмерной активностью евреев в годы революции и создавшимся „засильем“ еврейских элементов... Младороссы отрицают расизм... Национализм младороссов утверждён на духовной основе, и мерилom его является принадлежность к определенной культуре. Расизм утверждается на материальной культуре, и мерилom его является принадлежность к определенной крови. Можно, конечно, признавать, что кровь содержит в себе известный „мистический элемент“, являясь источником, „соком“ жизни. Во всяком случае, расовый национализм находится в непреодолимом противоречии с имперским началом, которое для разноплеменной России является определяющим... еврейский вопрос в России есть прежде всего вопрос приспособления российских евреев к общей органической жизни империи. И русские — носители и блюстители имперского начала — поставят вопрос прямо и четко: права всякого имперского гражданина любого этнического происхождения будут пропорциональны его гражданскому долгу... От русского еврея зависит его собственная гражданская судьба. Он может претендовать на „равноправие“, если он принимает „равнодолие“. Органическое государство может быть только государством иерархическим. Прогрессия в социальной иерархии связана с увеличением качества ответственности и количества обязанностей. Еврей наделен многими чертами, которые позволяют ему успешно соперничать с „арийцами“... От него зависит, как он будет ими пользоваться. Надо иметь в виду, что современное государство — государство не формальное, а органическое. Поэтому не так существенны в современной жизни буква какого-либо закона,

как дух его. И еврейский вопрос в России решится духом новых государственных норм, а не буквой их. Короче говоря: если российский еврей будет солидарен с российским гражданином другой расы, нежели с американским, германским или британским евреем, то Россия не будет мачехой для него. Если же российский еврей будет солидарнее с иностранными евреями, чем со своими согражданами, то Россия... матерью ему не будет. Против этого евреи не имеют ни права, ни основания возражать. И, прежде всего потому, что, отрицая расизм, надо отрицать всякий расизм: не только арийский, но и семитский»²⁰¹.

Политические процессы в СССР дали повод младороссам утверждать о выступлении на авансцену русского террора, русского бонапартизма. Казем-Бек писал: «Революции порождают страх, но и энтузиазм. К концу революций остается только страх. И хуже всего, когда страх гримируется под энтузиазм... Происходящая концентрация власти готовит почву для монархии. В этом основной смысл всего революционного процесса (не все революции оканчивались посадением на трон очередного царя. — В. К.)... Субъективные стремления вождей, преходящие настроения толп не могут помешать историческому процессу развиться до своего логического конца. Основные задачи не меняются от заблуждений одного поколения. Основная проблема русской нации, это имперская проблема. Обосновать, утвердить, осуществить имперское начало на шестой части земной суши — таково первое и первостепенное задание, которое сама история ставит перед Россией... В нашей русской действительности на очереди раскрепощение духа и освобождение энергии»²⁰².

Основная мысль автора верна и понятна: здесь речь идет о национальной революции, так и хочется сказать — очередном апофеозе нашего вечно неудовлетворенного и вечно заблуждающегося русского духа. Вероятно, именно он диктовал такие мысли-тезисы, как: «индустриализация была нужна социализму, но и России нужны были заводы». «Надо было оберегать границы „социалистического отечества“, но это — границы России»²⁰³.

Однако не все было так просто с «Третьим Рейхом». В первом номере 1934 г. «Младоросская искра» писала: «За 1933 год германская национальная революция достигла многого. Она завершила германское единство и превратила нацию в монолит (можно вспомнить, что германский павильон на всемирной выставке в Париже был спроектирован именно в форме монолита с орлом на передней стороне. Он

как бы преграждал путь знаменитой скульптуре Мухиной „Рабочий и колхозница“, установленной перед советским павильоном. Весьма символично! — В. К.) Она заложила основы Третьей Империи. Она отвоевала германской дипломатии инициативу в международных делах. И этим ОНА ПРЕВРАТИЛАСЬ В УГРОЗУ для нас русских... Во первых, мы, русские, дали немцам обогнать себя на пути к возрождению (одно замечание: СССР оставался „империей“, а Германия только стремилась стать ей. — В. К.). Во вторых, немцы приучили себя к мысли, что им удастся восстановить свое благосостояние лишь за счет России... Перед гниющим коммунизмом уже не стоит расштатанный капитализм (всего лишь хлесткая фраза, за которой ничего нет. — В. К.). Перед нами растущий мировой фашизм. И дни коммунизма сочтены. Это казалось бы то, к чему должны были бы стремиться все русские, к чему они все и стремятся. И сегодня над нашей нацией нависла новая опасность. От Сциллы гниения в коммунизме она рискует быть отброшенной к Харибде **НОВОГО ПОРАБОЩЕНИЯ ВНЕШНИМИ СИЛАМИ**»²⁰⁴.

В этой ситуации была провозглашена «двойная задача Русской Нации: освободиться внутренне и защититься вовне». В «Младоросской искре» излагались такие пьянящие своей смелостью и грандиозностью планы: «Если внутренний взрыв сбросит власть, кадры, созданные в эмиграции, должны быть приданы внутренним силам для совместных усилий по обороне и по воссозданию Русской мощи». В том случае «если иностранное нашествие начнется до свержения власти, зарубежные кадры должны быть брошены в Россию для определенных прямых действий, имеющих целью захват власти в период осложнений, вызванных войной. По достижении этой основной цели — все внимание обороне и ликвидации войны. В этом случае своевременность прямого действия — условие успеха. Место русских в этом случае: ни на стороне „красных“, ни на стороне иностранцев. Русские кадры должны стать русскими национальными легионами. Их порыв, их воля, их штыки призваны будут обеспечить торжество русской национальной революции. Третье решение явится результатом иностранной оккупации России. Если Россия завоевана, если расчленение и колонизация ее из замысла претворяются в действительность, Русская Национальная Революция будет силой вещей перенесена в иную, новую плоскость. Русская национальная революция превратится тогда в Русское национальное восстание. Пример Нижегородского ополчения укажет тогда путь Русским Национальным Силам»²⁰⁵.

Здесь яркий образчик того, о чем в 1934 г. писал А. Л. Казем-Бек: «Все согласны в эмиграции, что в области саморекламы, которую мы называем пропагандой, рекорд поставлен младороссами. Но в наш век, век стремительности, пропаганда должна вестись соответствующими методами и темпами. Для успешности пропаганды нужна шумиха, нужна демагогия, нужна самореклама»²⁰⁶.

И ее хватало. В том же 1933 г. «Младоросская искра» писала о «догнивании коммунизма» и стоящей у двери «мировой дезинфекции»²⁰⁷. Акцентируя внимание на крахе либерализма в мире, она не уставала подчеркивать, что «Германия была беременна Хитлером», с именем которого связывали свои надежды на будущее свыше 14 млн. избирателей 5 марта 1933 г. «Национал-социалистическая революция, как и фашистская, явилась своего рода „превентивным“, предохраняющим средством против революции коммунистической... Через пятьдесят лет слово „марксизм“ не будет иметь никакого смысла в Германии», заявил министр внутренних дел Геринг²⁰⁸.

Прогностика всегда является одним из самых популярных, хотя и опасных, занятий для тех, кто на политике сделал себе имя. Так, тот же П. Б. Струве в конце 1932 г. опубликовал в «России и славянстве» статью о закате господства Сталина и Гитлера. В частности, он утверждал, что «деспотия в лице Сталина, как выразителя большевизма и ленинизма, и демагогии, в лице раздувшейся до мирового значения фигурки Хитлера, терпят сокрушительное поражение». Правда, спустя четыре месяца, он писал уже другое: «Историческая судьба социал-демократии должна состоять в ее демарксизации. Этот путь ей указывают две фигуры, одинаково, но, может быть в весьма различном смысле, для нее роковые: Ленина-Ульянова... и Адольфа Хитлера, как человека, зажегшего и поведшего большие народные массы в бой против лежащих в основе коммунизма идей классовой борьбы и интернационализма... События в Германии имеют, как я уже не раз указывал в печати подлинно всемирно-историческое значение»²⁰⁹.

Здесь какие-либо комментарии не нужны.

Возвращаясь к младороссам, отмечу следующее: свой отказ от революционных действий они в 1934 г. объясняли тем, что, не будучи «вегетарианцами», они отвергают «а/ ставку на интервенцию, как нереальную, несовместимую с национальным достоинством и не соответствующую интересам России; б/ ставку на народное восстание, неосуществимое в общенациональном масштабе, грозящее анархией и расчленением России и несущее неоправдываемые жертвы; в/ ме-

тод терроризма, организуемого из заграницы, бьющего вслепую и разлагающего не власть, а применяющего его организацию; г/ метод вредительства, приносящий больше вреда Нации, чем власти»²¹⁰.

А в чем же заключается активность самих младороссов, за исключением самоусовершенствования в любви к Отечеству? Это — «а/ создание „лаборатории национальной мысли“ — разработка идеологии, программы и тактики; б/ подготовка кадров политических вожakov национальной революции и участников будущего строительства; в/ организация штаба и баз национальной революции, пропаганда в России и за границей и подготовка будущего сотрудничества России с иностранным миром». И далее: «Эту активную работу младороссы противопоставляют бесплодному „активизму“ одних и отвлеченному философствованию других эмигрантских организаций»²¹¹.

Практически, это опять самореклама, кроме «лаборатории национальной мысли» — отлично поставленной младоросской прессы.

Хотя здесь можно опять-таки вспомнить появление в 1935 г. Младоросской партии, создававшейся на месте прежнего Союза Младороссов. Ее формирование было обусловлено сознанием младороссами своего долга «дойти до замены нынешней правящей коммунистической партии — новой». Отсюда появляется лозунг о второй советской партии: «в условиях советской действительности должны быть развернуты организованные человеческие кадры для замены старой, обанкротившейся партии. Основная задача новой партии — захват власти для возглавления дальнейшей исторической эволюции Русской жизни»²¹².

Все, вплоть до критических выступлений Сталина на партийных съездах, пленумах, конференциях и пр. младороссы старательно использовали для поиска национальной революции. Так, анализируя выступление вождя мирового пролетариата на январском пленуме в 1933 г. по проблемам и провалам колхозного строительства, младороссы увидели одно: «советы и колхозы, гиганты промышленности и красная армия — лишь формы, за которыми она (партия. — В. К.) не могла закрепить своего содержания. Коммунисты строят то, чем пользоваться не могут. Они в какой-то степени только готовят почву для других. Эти другие, — националисты, — практики, уже готовятся принять наследие революции»²¹³.

Легко, живя в настоящем, иронизировать над младороссами. И «большие надежды» младороссов, прежде всего, объяснимы верой в феномен революции продолжающейся.

Дорога не истина, а слово, сказанное в нужный момент. Когда началась вторая мировая война, Глава младороссов эволюционировал, т. к. имел уже давно другую точку зрения — о поддержке СССР в борьбе с его неприятелями, прежде всего с Германией.

Однако и здесь были свои сложности, связанные с историей, с интересами двух государств, двух миров.

Еще в сборнике «К Молодой России...» (1928 г.) рисовалась картина прошлых и будущих отношений России с Западом. «То, что дал Запад, мы игнорировать не можем. Мы в головах своих переварили и разобрали Европу. Под ее влияние, как наше общество Петербургского периода, мы уже не попадем. Однако мы выжмем из Запада все соки, снимем все сливки, которые могут быть полезны нашему народу. Мы смажем западным маслом скрипучие колеса родной телеги. Так сделали когда-то наши предки с Византийским наследием, — Третий Рим возьмет все лучшее — если найдем что-нибудь пригодное, — и от Первого Рима. Только довольно раболепства перед Римским правом и латинскими кругозорами. Запад был страшен, пока наше самосознание дремало — со смерти Петра. Благодаря Петру Запад материально перестал быть угрозой. С революцией 1917 года кончается и моральная опасность — начинается ассимиляция остатков Петербургского периода, которые войдут в нас и переработаются... элемент европейских достижений войдет в нас: мы, как Петр, обучались у врагов. Но дальше нам не по пути. Мы скажем Европе, как вежливые новгородцы: „Ты себе, а мы себе“»²¹⁴. Отдавая дань фактору крови, младороссы писали, что «в Русской смеси процент крови «широких кругозоров» значительно преобладает над кровью „узкой“ Европы (какие мессианские ноты звучат!!! — В. К.)»²¹⁵.

Несколько позже, в 1935 г., в «Бодрости», украшенной цитатой из Мишле «Мир законности кончается там, где кончался в Средние века — на Висле и на Дунае... Если мы признаем Россию — мы признаем холеру, разложение, смерть», младороссы жестко отмечали: «Враги для нас — не расы, не нации, не племена. Враги для нас те, кто презирает нашу историю, нашу культуру, кто зарится на наше достояние, для кого борьба с ленинским наследием есть предлог для борьбы с „гнилой душой Достоевского“». Безусловно, младороссов можно было понять, когда в парижской «La presse» академик Бертран писал: «Пойдем ли мы на поводу у полуазиатской страны, которая для нас, людей древней цивилизации, представляет лишь самое отвратительное варварство и которая побеждена заранее?»²¹⁶

Должно быть, академик вспомнил калмыков на берегах Сены в Париже, когда «азиатское страшилище» восстанавливало в начале XIX в. легитимность в Европе. Или ему не давали покоя сюжеты о «глупости» русских, жертвующих собой в Великой войне, чтобы помочь своим союзникам?

В ответ на упреки некоторых эмигрантских газет за «нецивилизованное» отношение к «цивилизованным» европейцам и американцам младороссы, подчеркивая хищнический характер их отношений к России, писали: «Ни европейцы, ни американцы не пожелают, да и не смогут помочь нам. Они более или менее вежливо будут выслушивать наши протесты и заклинания, продлевая и совершенствуя свои торговые договоры и контракты с СССР. И наши разъяснения о чудовищности разрушения храма Христа Спасителя приведут разве лишь к тому, что иностранцы поспешат скупить открытки и фотографии разрушаемого собора... Буржуазная Европа и капиталистическая Америка сами вооружают руку, которая заносит над ними меч. Их помощь советской индустриализации — финансовая, промышленная, техническая — помощь деньгами, знаниями, людьми будет продолжаться, пока сами они не будут раздавлены. Каждый успех строительства в СССР, к которому европейцы и американцы приложили руку, есть успех в борьбе против них»²¹⁷.

Что бы сказали младороссы, узнав о тесном военном сотрудничестве Германии и России? Что благодаря Рапальскому договору была создана база для советско-немецкого экономического сближения, прежде всего, в области военных технологий. Как пишет С. А. Горлов, этот своеобразный военно-политический союз подпитывали идеи реванша в Германии и мечты о мировой революции в Советской России²¹⁸.

В установлении необходимых контактов сыграл участник восстания в Германии в 1919 г. — Карл Радек: он был тем «звеном», «через которое стало возможным... наладить отношения между Германией и Россией»²¹⁹. Главнокомандующий рейхсвером генерал фон Зект еще в 1919 г. настаивал на целесообразности связей Рейхсвера с РККА. В одной из своих книг он писал о том, как он пришел к мысли о необходимости опоры для Германии на Советскую Россию в борьбе за ликвидацию тяжелейших и позорных для его страны условий Версальского договора²²⁰. «Первые контакты с этой целью имели место, начиная со второй половины 1919 г. и шли по нескольким каналам: через Радека в Берлине (февраль-декабрь 1919), а после его

возвращения в Москву — по линии миссии по делам военнопленных... а также через Энвер-пашу, прибывшего летом 1920 г. из Берлина в Москву с поручением Зекта установить тайные германо-советские связи»²²¹. По мнению Зекта (сентябрь 1922), сотрудничество Берлина с Москвой своей целью ставит для немцев усиление России в экономической, политической и военной сферах, но одновременно такая политика должна укреплять и Германию через создание в стране Советов военной промышленности, столь необходимой возможному будущему союзнику Берлина²²².

В начале 1921 г. в Германии для сотрудничества в военно-промышленной сфере была образована «Особая группа Р» («Sondergruppe R» R – Rusland, Россия) во главе с майором Фишером²²³.

В ноябре 1922 г. был подписан договор с «Юнкерсом» о производстве металлических самолетов и моторов²²⁴. В 1926—1933 гг. на советской территории располагались военно-учебные центры рейхсвера (летная школа в Липецке, танковая школа)²²⁵. В 20-е гг. были созданы и действовали такие советско-германские предприятия, как авиазавод в Филях, химзавод «Берсаль» по производству отравляющих веществ около Самары, фабрики по производству с помощью Крупна боеприпасов в таких городах, как Златоуст, Тула, Петроград²²⁶. Действовала танковая школа в Казани²²⁷. Шло сотрудничество и в области организации и реорганизации советского военно-морского флота: строительство подлодок, сторожевиков, торпедных катеров и пр.²²⁸. В советских танках Т26, Т28, Т35 были использованы достижения немецкой технической мысли²²⁹. В 1932 г. в Германии по приглашению Шляйхера побывала советская делегация во главе с Тухачевским, который был принят и Гинденбургом. «Приход Шляйхера к власти оживил ожидания Москвы относительно улучшения всего комплекса советско-германских отношений... 19 декабря (1932 г. — В. К.) Шляйхер заверил Литвинова „в своей приверженности германорусской дружбе“... Намекая на германских коммунистов, Шляйхер указал на их противоречивое поведение: с одной стороны, они делают вид, что борются против Версальского договора, с другой — они противодействуют любому усилению военной мощи Германии и разглашают это за границей. Литвинов по этому поводу сказал, что он считал бы вполне естественным, если бы с коммунистами в Германии обращались таким же образом, как в России имеют обыкновение обращаться с врагами государства»²³⁰. Ситуация коренным образом изменилась после отставки Шляйхера и прихода к власти Гитлера.

«Поддерживать отношения с режимом, выступи (а) вшим с крайних позиций антикоммунизма, антисоветизма и антисемитизма (три „а“ — В. К.) и установившим за короткий срок... террор... Москва не решилась... И, хотя Гитлер в своем правительственном выступлении в рейхстаге 23 марта 1933 г. заявил о своих намерениях „сохранить дружеские отношения с СССР“, а 13 апреля 1933 г. ратифицировал Московский протокол от 24 июня 1931 г. о продлении Берлинского договора о ненападении и нейтралитете, негативное отношение советских лидеров к Гитлеру не изменилось»²³¹. 16 июня 1933 г. министр экономики Германии А. Хугенберг вручил председателю экономической конференции в Лондоне Х. Коллинзу меморандум. В нем немецкий финансист «под предлогом преодоления экономического кризиса наряду с требованием вернуть Германии потерянные колонии, потребовал предоставления Германии новых территорий для колонизации» за счет СССР и призвал западные государства положить конец революции, выросшей в России. Этот меморандум отрезал пути возврата к рапальской политике²³². Экспорт Германии в СССР в 1931 г. — 762, 7 млн. марок, в 1934 — 63, 3, в 35 — 39, 3, в 36 — 126, 1, в 37 — 117, 4²³³. В 1933–34 гг. Радек снова привлекался для урегулирования двусторонних контактов: были и плоды: визит Тухачевского в 1936, продолжение военных поставок в Россию, сотрудничество по линии разведок, НКВД²³⁴. Сформировалась основа ВПК в России — завод в Филях, ныне им. Хруничева и другие²³⁵. Но можно сказать по иному: создавалась промышленная база для расширения революционного пространства.

Патриотизм: «Отцы и дети»

«Многие „общественники“ оказавшиеся в эмиграции, затаили в себе злобу против своей нации. Да и затаили ли? Те, которые раньше твердили о народе-богоносце, теперь кричат об осатаневшем народе. Те, которые сокрушались о темноте народа при царизме, теперь плачут над народом, поработанным большевизмом. И если в 1905 году были интеллигенты, приветствовавшие японского микадо с победой при Цусиме, то теперь есть такие интеллигенты, которые годами взывали к иностранцам, чтобы те поставили Россию на колени. Эмиграция рассеялась по белому свету и настроилась погребально. Она считает Россию кладбищем прошлого, в то время как сама Россия признает себя колыбелью будущего»²³⁶.

Да, у эмигрантов-интеллектуалов, или желавших казаться таковыми, интеллигентское «жаление» России стало, в сущности, врожденной чертой со времен шестидесятников, чей опыт был перенят через сотню лет. Правда, результат был один — о нем все знают. Немного об интеллигенции. Наиболее ярко прошлись по ее адресу в 1933 г. в «России и славянстве». «Надо сказать, — писал Цуриков, — что „интеллигент“ и интеллигентный человек не синонимы. С исчерпывающей ясностью это было показано еще 25 лет тому назад П. Б. Струве в „Вехах“. Не всегда „интеллигенты“ являлись интеллигентными людьми и далеко не все интеллигентные люди являлись „интеллигентами“. Например, Столыпин был человеком в полной мере интеллигентным, но „интеллигентом“ не был ни в коей мере; а убивший его Багров, хотя и был интеллигентом, но интеллигентность его можно оспаривать»²³⁷.

Возвращаясь к прерванной мысли, замечу, что это «жаление» самым парадоксальным образом вызывало свирепые «схватки». Однако родить что-нибудь дельное, увы, не получалось. Пример: для берлинского «Нового слова» Сталин был «круглый дурак, сын алкоголика и сумасшедшей»²³⁸.

В сущности, вся политическая жизнь эмиграции шла под двумя известными лозунгами: «В борьбе обретешь ты право свое» и «Движение — все, конечная цель — ничто». Только вот «борьба» больше походила на грызню, доносительство, демагогию, где более удачливый подвергался общей травле со стороны других «знатоков» России и русской души. Не избежали этого и младороссы.

Так, проф. Шахматов в 1932 г. находил, что «младороссы слишком много приемлют из современной русской действительности и

что это может помешать им преодолеть нынешнее комсомольство»²³⁹.

На эти и подобные упреки-обвинения у младороссов был готовый ответ, что «они могут не опасаться заразы. Они привили себя от болезни и она им уже не опасна»²⁴⁰. И поэтому младороссы с особым, надо полагать, злорадством печатали того же Керенского, утверждавшего, что «стоит только сдернуть с искровских литературных юношей их кирилловское облачение, и получится стопроцентный сталинский комсомолец, с его ненавистью к свободе, с его преклонением перед безудержным насилием правящего меньшинства над большинством... зачем же „младороссам в Советском Союзе“ (так именуются в „Искре“ сталинские ударники) менять привычного своего Главного Насильника — Сталина — на нового, выписанного из-за рубежа — Романова?»²⁴¹ Поэтому ядовитые стрелы бывшего «временнообязанного» не причиняли никакого вреда тем, у кого была мощная прививка, уверенность в правоте своего лидера.

Однако это не спасало младороссов от обвинений в большевизме. На них «вешали всех собак», не только «свои», но и братья-славяне. Так, в 1932 г. после покушения «первого зеленого диктатора» Павла Горгулова на французского президента Пьера Думера в польской и югославской прессе появились сообщения о связи убийцы с младороссами.

Обвинение было совершенно неосновательным уже потому, что в программе Всероссийской национальной крестьянской партии «зеленых» значился пункт о неприятии монархического устройства в будущей свободной от коммунистов России. Были там и такие строки, что «диктаторская крестьянская партия „зеленых“ не допустит существования в России ни одной социалистической и ни одной монархической организации... президентом, т. е. главой Всероссийской национальной республики должен быть тот, кого выберет (через посредство своих партий, а не на улице) весь русский народ, но только русский патриот, отнюдь не коммунист, не еврей, не инородец и не иностранец и не женщина. Если же умышленно или по ошибке президентом государства Российского был избран коммунист, социалист, монархист, еврей, или инородец, или иностранец, или женщина, зеленая партийная армия произведет немедленно насильственный переворот» Как писали младороссы этот «свихнувшийся человек... дошел до идеализации преступления. Он возомнил себя искупителем. Он, дескать, спасет Россию. Выстрел Принципа послужил ему при-

мером... Он верил в спасительность войны... Вышел Горгулов из той больной среды, в которой политическая борьба переплетается с нервным расстройством... Именно с горгуловщиной боролось младоросское движение... Ибо горгуловщина — препятствие на пути к национальному возрождению»²⁴². В сущности, младороссы здесь в очередной раз выставили своих противников как людей, нуждавшихся во врачебном попечении.

В то же время не следует полагать, что все «отцы» и авторитеты в русской эмиграции с насмешкой относились к «детской болезни» молодежи: многие видели в ней силу, с которой надо считаться. Так, Ф. А. Степун — идеолог «Нового Града» призывал эмиграцию подходить к младороссам, взгляды и идеология которых «созвучны эпохе», с достаточной серьезностью. Член Главного совета младороссов генерал Б. И. Чернавин в свою очередь отмечал, что их с «новоградцами» сближает поиск новых форм для новой социальной эпохи и многие предпосылки у них общие²⁴³.

В 1936 г. «Бодрость» писала: «Когда эмигрантские горе-„патриоты“ толкуют о „неважности“ территории и готовы под этим предлогом, отдать хоть всю Украину, хоть всю Сибирь, они расписываются в окончательном забвении традиционно-русского понимания государственности... И когда наше поколение предстанет перед судом истории, когда для наших потомков все наши сегодняшние внутренние распри станут историческим воспоминанием, останется последний вопрос, — тот самый, который всякое последующее поколение предъявляет всякому предыдущему: оставили ли мы неумаленной ту землю, на которой совершается историческая судьба нашей нации?»²⁴⁴

Здесь представляется уместным порассуждать о территориях, государствах, империях, преемственности и ответственности поколений о судьбе России. Итак, революция в Российской империи поставила перед победителями и побежденными проблему власти. В одном случае — ее укрепления, в другом — возвращения. Но общим являлось одно — сохранение территориальной целостности страны. Трудностей перед обеими сторонами было немало — одна из главных заключалась в своеобразной незаконченности революции, что требовало от победителей «железной рукой» возвращать «на мгновение» утраченное, как это было на Украине или на Кавказе, не допуская никаких мнимых или подлинных попыток разрушения строящей в одиночку социализм многонациональной советской державы, что показали политические процессы второй половины 1930-х гг. В отли-

чие от «практиков-победителей», действовавших в своей стране и располагавших всем необходимым для строительства нового общества, «теоретики-побежденные», проигравшие гражданскую войну, рассеянные по всему миру, не имевшие опоры на Родине даже в крестьянстве, не находящие общего языка по ключевой проблеме будущего государственного устройства территории СССР, оказались в несравненно худших условиях. В головах многих российских эмигрантов «бродил» уже не «призрак коммунизма», а «призрак национализма».

Строились планы, программы, формировались партии с нелегальными отделениями в СССР, создавались подпольные военные организации, боевые группы с целью спасения «своей» Родины от «коммунистической тирании». Хотя была и разница; украинцы, сторонники «самостийной Украины», или представители кавказских народов выступали за освобождение своего народа, за самих себя, в то время как российские государственники ставили одну задачу — «единая и нераздельная Россия».

Так, в конце 1920-х гг. в эмиграции была создана Лига русских офицеров и солдат, состоявшая в основном из украинцев. Свою главную задачу она видела в освобождении Украины от большевизма и в создании украинского государства, независимого от СССР. Ее члены полагали, что как только на украинской земле появится русско-украинская рота, то на борьбу с ненавистной властью поднимется весь народ. (Поражение в гражданской их ничему не научило. Равно они не учитывали того фактора, что революция под жесточайшим контролем большевиков, «прессовавших негодных уклонистов», продолжалась в сельском хозяйстве, промышленности, просвещении. — В. К.) Свою обособленность от РОВС и других подобных организаций деятели Лиги объясняли тем, что в истории создания «великого русского государства бывало и так, что отдельные ветви русского народа силою исторических судеб ставились в полусамостоятельное, а иногда и самостоятельное положение, которое обязывало их, прежде всего, прочно встать на ноги... для того, чтобы потом помочь своим братьям... никогда ни Украина, ни Сечь не забывали, что они русские и православные»²⁴⁵. Эту организацию и ее программу опять-таки можно назвать «русскими». Но сплачиванию русских, как уже неоднократно указывалось, препятствовала их политическая грызня между собой; мешало также различное отношение к СССР и Германии.

В более выгодном свете выглядели украинские организации, та-

кие как Украинская войсковая организация и ее преемница — Организация украинских националистов, а также Украинская народная казачья организация во главе с бывшим гетманом П. П. Скоропадским.

И можно понять наших братьев-славян: в России многие видели лишь своеобразный конвой с его железным распорядком — шаг влево, шаг вправо... Трудно понять другое — почему среди многих просвещенных ревнителей свободы для своей родины стойко держится и поддерживается убеждение, что русский — это жандарм, а остальные народы в евразийской России — его жертвы. Такие правдолюбыв заботливо хранили и пополняли запас сведений о «несправедливостях и злодеяниях» (разумеется, русских) центральной и местных властей еще с седых времен, но почему-то о своих не желали знать и помнить или выдавали их под флагом защиты своего народа, своих национальных интересов.

Те же украинские притязания также были не лишены имперского характера, например, утверждение моего однофамильца о том, что большинство населения в СССР (80 %) принадлежат к украинской нации, не говоря уже о таких славянских странах, как Польша и Чехословакия²⁴⁶. В отличие от русских эмигрантов, украинские лидеры, такие как Е. Коновалец, С. Бандера, А. Мельник, Р. Шушкевич, сумели создать довольно сильные организации, доставлявшие немало хлопот соответствующим структурам в СССР.

Надо сказать, что сама политическая обстановка в 1930-е гг. способствовала развертыванию украинского вопроса. К власти пришел Гитлер с его планами установления «нового порядка» и продвижением германской нации на Восток. Для украинских националистов он был той личностью, которая поможет создать «вильну и незалежну» Украину. Знакомый с положением в СССР и мечтами эмиграции английский публицист и политик М. Маггеридж писал: «Относительно украинских сепаратистов, находящихся вне России, можно сказать, что они, вероятно, нашли бы германо-польское вмешательство в дела Украины в своих интересах. Не пришлось бы удивиться, если бы украинские сепаратисты получили от Германии и Польши некоторые обещания в том смысле, что названные державы удовлетворятся предоставлением им некоторых экономических и торговых преимуществ, а в остальном предоставят самим украинцам автономию в их внутренних делах. Ценность подобных обещаний, конечно, довольно сомнительна, и весьма возможно, что Скоропадскому пришлось бы

ограничиться довольно призрачной властью по примеру нового императора Маньчжоу-Го или по примеру самого Скоропадского во время германской оккупации 1918 года. Однако Скоропадский и другие украинские изгнанники не имеют иного выбора. Они не видят пред собой ничего иного, как либо продолжение советской власти на неопределенное время, либо иностранное вмешательство... Украинские сепаратисты... готовы бороться с Германией и Польшей против коммунистического центра России. Положение неукраинских русских эмигрантов еще сложнее. Для них всякое расчленение Российской империи являлось бы не меньшим злом, чем господство большевиков... Перед русскими эмигрантами является альтернатива — либо желать продления господства советского строя, который они ненавидят, либо быть свидетелями того, как враги империи используют немощность этого строя... Было бы, однако, бесполезным отрицать, что для Европы, в ее совокупности, возможное расчленение России и отход некоторых ее областей к Германии, Польше и Японии предоставляло бы некоторые выгоды... Другие державы... раз они не готовы вступить в вооруженную борьбу с Германией и Японией и раз они не могут предоставить названным державам других территориальных компенсаций за свой собственный счет, то им остается удовлетвориться тем, что наступательные импульсы Германии и Японии будут направлены в стороны, наименее вредные для европейских держав»²⁴⁷.

Здесь нужно и вспомнить, что 26 января 1934 г. был заключен пакт о ненападении между Берлином и Варшавой на десять лет. Предусматривалось его сохранение в случае войны с третьими странами. По сути дела это означало взаимодействие в агрессии — следствием договора стало участие Польши вместе с Германией в разделе Чехословакии в 1939 г.

Начальник российской миссии в Белграде В. Н. Штрандман в письме к В. А. Маклакову подчеркивал, что некоторые заявления Гитлера не оставляют сомнений относительно его намерений довести борьбу с большевиками до конца. Планов было множество, но ни один из них не гарантировал целостности России, тем более, что, как подчеркивал автор письма, «существуют течения, придающие значение разговорам и статьям о создании великой Украины с 45-ю миллионами душ». Причем эта возможность некоторым эмигрантам кажется легкой достижимой: «В ней они склонны видеть начало нового благополучия, новой гарантии своей собственной безопасности».

Не забывал В. Н. Штрандман упомянуть и берлинское интервью П. П. Скоропадского сотруднику белградского официоза «Време». В нем бывший гетман, объявляя надежды на возрождение российской монархии утопией, в решительном тоне говорил о будущей Украине как самостоятельной и независимой державе²⁴⁸.

В своем многозначительном ответном письме от 9 января 1939 г. В. А. Маклаков писал: «Вопрос об Украине очень сложен, не только потому, что это уравнение с несколькими неизвестными.

Я не говорю о настоящих украинских сепаратистах, которые жаждут одного — независимую Украину. Эта перспектива соблазняет их разными, не очень почтенными приманками: возможности играть роль, занимать более видные места в маленьком государстве. Эти украинские честолюбцы находят сторонников и на Западе, которым они за помощь обещают всякие блага, начиная от выгодных концессий и кончая обещаниями следовать их политическим указаниям. С ними у нас не может быть общего языка: это мародеры во время русского несчастья... Вопрос становится сложным и даже трагическим только для тех, кто стоит за Россию; они думают, что для самой России может быть полезно освобождение Украины от большевиков, хотя с помощью Гитлера, хотя бы ценой уступок. Такие люди по тактическим соображениям не хотят этого говорить — и потому лицемерно раздувать идею независимой издавна Украины, которую будто бы надула и притесняет Москва.

Эти рассуждения я могу понимать и, не называя это изменой, как позицию больших и маленьких Скоропадских, более того — я приведу его в пользу еще два соображения. Во-первых, если бы действительно создавалась Великая Украина, то она обладала бы такой мощью, которую не смогли бы переварить наши соседи, ни Польша, ни даже Германия; такая Украина, кроме того, не соответствовала бы этнографической Украине, включала бы в себя русские элементы, которые бы неудержимо тянули к России. Если бы действительно создалась такая Великая Украина, то дело шло бы к объединению России, и для меня совершенно безразлично, что оно вышло бы из Киева, и что там бы и осталась столица России»²⁴⁹.

В сущности, здесь какие-либо комментарии излишни. Оценка царским дипломатом украинского вопроса достаточно серьезна и основательна для рассматриваемой здесь проблематики. Его корреспондент Е. В. Саблин, стремясь показать тем же англичанам всю важность «сохранения целостности российского тела в пределах СССР»

подкреплял свои рассуждения выдержками из выступления Г. Вильямса — авторитетного эксперта по русским делам. Еще в 1917 г., выступая в Кембридже, английский ученый подчеркивал, что главным и определяющим фактором обеспечения единства Российской империи выступает русский народ, язык которого стал главным и определяющим фактором развития в различных сферах жизни страны²⁵⁰. «Представляется, — писал Е. В. Саблин, — что было бы бесполезным и даже вредным пытаться найти аргументы в пользу раздела страны, которая создавалась веками. Если рассуждать абстрактно, то, конечно, российскую территорию можно было бы разбить на ряд новых независимых государств, в их числе Сибирь, Дальний Восток, Туркестан и Украину, отдельные народности и племена Кавказа и даже богатый лесами север России. Необходимо, однако, наряду с другими соображениями, иметь в виду, что такого раздела никогда не потерпит русский дух с присущим ему динамизмом, который упорным трудом в течение веков развил и сплавил эти районы в одно изумительное целое. Любая попытка раздела поведет к нескончаемым гражданским войнам, которые остановят не только экономическое развитие, но и самую элементарную экономическую жизнь на территории вновь созданных государств. Избегая активного участия в этой борьбе и ограничивая себя ролью наблюдателя за этим всеобщим разрушением, иностранные государства, конечно, воздержатся от капиталовложений и деловой активности... „Балканизированная“ Россия как антипод единой России не только мало подойдет для приложения западных капиталов, но, напротив, может существенно способствовать финансовым беспорядкам, тяжкое бремя которых уже давит весь мир»²⁵¹.

Определенная часть эмиграции воспринимала курс Кремля в русле национальной политики. Как остроумно заметил Е. В. Саблин, «Оттого, что Русью владели татары, она не стала Татарией, не стала она и СССР... Правительство, извините, сволочное, но Россия на месте и никуда она не исчезла и не исчезнет»²⁵². Новую Россию он видел в форме союза народов, как конституционную монархию, которая была бы привлекательна для всех входящих в ее состав частей, с предоставлением всем народам прав административного и экономического самоуправления при оставлении за центральным правительством сферы внешних сношений, армии и финансов²⁵³.

При этом не следует забывать, что балканизация может идти и через федерализацию, регионализацию даже через губернизацию,

чтобы потом всю историю «отмыть» в европейских каналах цивилизации.

А какова была позиция и теория младороссов? В январе 1939 г. А. Казем-Бек писал в статье «Решаем украинский вопрос», что возникновение украинского вопроса следует отнести ко временам походов Батгя на Русь, когда в 1240 г. им был razорен стольный Киев. С тех пор юго-западная Русь стала «превращаться в многострадальную „украину“... Судьба нашей „окраины“, бывшей в свое время колыбелью и оплотом нашей государственности и нашей культуры, заслуживала не только большего внимания. Она заслуживала и преклонения... От имени русского национализма мы обязаны признать за украинским народом право на культурную и государственную самостоятельность в общих пределах нашей общей же Империи... Задача русского национализма не только в том, чтобы препираться и торговаться с национализмом украинским, а в том, чтобы оказать этому последнему решительную поддержку. Выступая от имени имперского единства, русский народ должен принять на себя все требования украинского народа и братски разделить с ним борьбу за осуществление его стремлений. Именно в этом и ни в чем другом смысл нашего утверждения, что украинский вопрос будет решен только народами нашей Союзной Империи в соответствии с геополитическими нуждами и духовно-политическими целями их великого собрата, украинского народа. В существовании Союзной Империи, раскинувшейся на востоке Европы и на севере Азии, заключен источник таких необозримых ценностей, такого неограниченного богатства и такой неизмеримой силы, что покушение на целостность этого в прямом и лучшем смысле Евразийского мира должно признать величайшим преступлением против каждого в отдельности и всех вместе взятых народов, составляющих этот мир... Из... отрицания сепаратизма не может проистечь отрицание прав на самостоятельность народов нашей имперской семьи, нашей Восточной „Лиги наций“, — единственного органического, естественного и целостного союза народов... Отрицая сепаратизм, мы отрицаем и все виды централизма в нашей гигантской стране. Централизм может только истощать и связывать силы таких гигантов. Огромность территориального тела становится источником не силы, а слабости, если это тело не организовано во всех своих частях, проявлениях и, если угодно, измерениях. Самостоятельные государства с нормально развитым национальным сознанием, ор-

ганизованные в наднациональной Империи, — такова „формула“ великой державы завтрашнего дня»²⁵⁴. Умение красиво излагать свои мысли у А. Л. Казем-Бека здесь сочетается с некоторой недоговоренностью, неконкретностью. Тем не менее, предлагаемое им «римское» решение не допускало «раздела имущества».

Именно этим зачастую занимались в эмиграции: само русское общество с его различными организациями и структурами делилось на два ярко выраженных крупных лагеря — «пораженцев» и «оборонцев». Первые видели возможность свержения большевизма и, соответственно, освобождения страны в интервенции. Вторые защищали тезис о том, что какая бы ни была власть, но Родину необходимо защищать. Наиболее последовательными сторонниками лозунга «Ни пяди русской земли» выступали младороссы. Политическая программа «Союза младороссов» с их коронным лозунгом «ни белые, ни красные, но русские» представляла собой смесь монархизма с социализмом, круто замешанном на итальянском фашизме. С именем И. И. Толстого — активного деятеля в «Союзе младороссов», где он был политруком, что страшно шокировало многих эмигрантов — связана обошедшая страницы многих зарубежных изданий жесткая полемика с «пораженцами». Диспут был связан с событиями на КВЖД и угрозами СССР («Красный Рим») со стороны Японии («Желтый Рим») Собрание происходило 5 марта 1934 г. в Русском доме.

Основной доклад «От Карамзина до младороссов» читал П. Б. Струве, призывавший эмиграцию в современной ситуации быть вместе с Японией, которая может помочь стране освободиться от большевизма.

(Несколько позже в своей вотчине — газете «Россия и славянство» — Струве очень по философски заметит: «Я ставлю вопрос: как относиться русским к борьбе, происходящей на Дальнем Востоке? и отвечаю, прежде всего, формально и так: во всяком случае, с русской точки зрения» Правда, несколько раньше он заявлял, что «русской точки зрения вообще не может быть»²⁵⁵. Если полагать, что твердокаменность есть порок для философа, то Струве выказал себя достойным продолжателем непредрешенства. Тогда же, в 1934 г., он писал, что не следует пугаться неких захватов японцами, так как, дескать, всем известно, что «колонизация не то что Сибири, но и самой Маньчжурии... нашего Дальнего Востока... по климатическим условиям — совершенно недоступна японцам»²⁵⁶.)

Его оппонент И. И. Толстой тогда заявлял, что эмиграция, во всяком случае, молодая, не будет на стороне врагов России. Главное внимание в своем выступлении, в котором оспорил мысль Струве о том, что у «национальной России есть только один враг — большевизм и советская власть», он уделил личности докладчика, его политическому прошлому. При этом он «назвал позором для дома, носящего имя императора Николая II, появление в активной роли П. Б. Струве». После этого зал настоял на удалении Толстого из зала²⁵⁷.

Позже сторонники Толстого устроили обструкцию Струве в Белградском университете, где он как новый профессор должен был прочесть вступительную лекцию. К провалу лекции приложили свои старания и приверженцы сербских коммунистов. В итоге его забросали гнилыми яйцами, скандируя «долой ренегатов», «вон», «живела (Да здравствует – В. К.) Советская Россия»²⁵⁸.

Известный В. В. Шульгин предлагал залу поразмыслить о возможности ассимиляции немцев русскими, проводя параллель с норманнами. Фактически диспут получился с элементами скандала. Тогдашняя атмосфера в зале была передана в стихотворении, которое здесь воспроизводится, благодаря памяти присутствовавшего там Н. И. Толстого.

...К развлечению Белграда –
Было сразу два доклада –
В одном, тряхнувши бородой,
Явился Струве пред толпой.
Он говорил, что русским надо
Лизать и пятки у микадо!..
И на него, как Божий бич,
Свалился граф Илья Ильич...
Толстого Льва последний внук –
и младоросский «политрук»...
И в политическом угаре
Он возражал, как на базаре...
Такой поднялся кавардак:
Звонил Даватц и так и сяк...
И даже Знаменский жандарм
кричал с галерки: «все aux armes».
Вопили старцы и юнцы
А национальные мальцы –
Как исступленные иудеи

Ревели дико с галереи:
Убей его, распни, распни!
Но Струве, Боже сохрани!..
Ушла вся группа младороссов,
Ушел и Петя Абrikосов...

(Некоторые комментарии: В. Х. Даватц — математик, журналист, автор книг об эмиграции; Знаменский — жандармский полковник; «национальные мальцы» — члены Национально-трудового союза нового поколения, избравшие методом борьбы с большевиками террор; Петя Абrikосов — собирательный образ русского студента в Белграде. Второе собрание состоялось в 1936 г. На нем опять выступал И. И. Толстой, но уже без Струве. Обильно цитируя «Мейн Кампф», «младоросский политрук» предупреждал уже об агрессивности Германии относительно России. И несколько слов об этом удивительном человеке с трудной судьбой и русским характером. Выпускник Морского корпуса. Участник Гражданской войны. Выжил в ледовом походе Владимира Оскаровича Каппеля. По характеру был ровным человеком, но не без вспышек. Религиозным человеком он, скорее всего, не был, хотя своего сына Никиту — будущего академика РАН — воспитывал в вере. В Югославии граф кормил семью тем, что развозил фильмы по «городам и весям» приютившей его страны, делал игрушечную мебель, сапожничал и пр. После освобождения Белграда получил благодарность советского командования за помощь в организации госпиталя. Отправил сына в Красную армию. Вернулся после войны на Родину, в Москву, на Арбат. Практически вся его дальнейшая жизнь была связана с Московским университетом, с филологическим факультетом, с сербскохорватским языком. Власть КПСС считал преходящей, которая закончится где-то в конце века²⁵⁹.)

В своей полемике с «пораженцами» младороссы охотно использовали имена авторитетных лиц, например, выдержки из заветов Виктории Феодоровны:

«Если мы — великая нация, мы поднимемся сами.

Если же мы обречены на гибель, не иностранцы нас поднимут.

Иностранцы нас не только не поднимут, а просто прикончат»²⁶⁰.

Тактика и стратегия младороссов имели успех не только у молодежи, но и у людей, успевших повоевать, среди офицеров и генера-

лов. Более того, их взгляды на Россию разделял Кирилл. В его годовом обращении, опубликованном в 1932 г. на страницах «Младоросской искры», были следующие строки: «Я от всего сердца желаю успеха в творчестве окрепшему и познавшему любовь к Родине Русскому человеку... приветствую нарождение новой жизни, как зарю величия Моей Родины и будущего счастья человечества. Каждый успех в строительстве есть победа русского народа. Допустимо ли мешать ему в достижении полного торжества? Каждый Русский человек должен всеми силами помогать возрождению могущества своего Отечества. Особенно важно это сознавать нам, выкинутым за пределы России. Только помогая воссозданию Русской мощи, мы опять сольемся со своим народом и вернемся на родную землю»²⁶¹.

Для Р. П. Рончевского и некоторых легитимистов это приветствие и призывы к помощи в то время, когда шла коллективизация со всеми ее, мягко говоря, перегибами, звучали дико, вызывая возмущение в среде русской эмиграции. Сами же младороссы, вдохновленные поддержкой своего государя шли дальше. В том же 1932 г. А. Л. Казем-Бек в своем докладе говорил следующее: «Мы должны придерживаться тактики путей наименьшего сопротивления и наибольшей целесообразности. Когда у нас есть, например, возможность войти в открытую дверь, мы не должны в нее ломиться и тем менее карабкаться по водосточной трубе, чтобы проникнуть в дом через окно второго этажа»²⁶².

Такое определение политической работы вызывало вполне законное возмущение у тех, кто отстаивал принцип ведения действительной, результативной борьбы, сопротивления не эфемерного, а реального. Для них «наименьшее сопротивление» означало его максимальное свертывание, а «открытая дверь» ассоциировалась с советской разведкой, где ярким примером служила известная операция «Трест».

Бравлируя своей независимостью и правотой установок, сторонники Казем-Бека в своей прессе печатали антимиладоросские выступления. Даже в ругательствах и критике в свой адрес они видели еще одно доказательство своей жизненности, еще одно средство выставить своих оппонентов демагогами, людьми, равнодушными к судьбам своей родины – «непредрешенцами», даже материал для учебных занятий по политпросвещению. Ярким образчиком могут служить следующие слова И. А. Ильина: «Ясно уже, к кому приспособляются и подделываются „младороссы“, делая ставку на „человека револю-

ционного стиля“. Они идут совсем не к русскому крестьянину... и не к русскому рабочему, впервые постигшему весь ужас государственно-коммунистической монополии в области работодательства; и не к замученной и униженной русской интеллигенции, — а к коммунистам. Они сближаются с угнетателями России; они принимают именно их за русских, за Россию, с ними они братаются и ассимилируются; в этих религиозно-нравственных и умственно-искалеченных болтунах они видят „нового русского человека“. Они братаются с отбросом коммунистической революции»²⁶³.

Именно подобная велеречивость, не позволяющая автору спуститься с небес на землю, позволяла младороссам, кстати, тоже не особенно жалующих «почву», легко парировать обвинения философа и переходить в наступление.

Весьма остроумно младороссы отражали иные атаки на свое Движение: сама история давала им для этого обширный материал. Так, в 1936 г. в журнале «Кавказ» (издавался в Париже с 1934 по 1939 гг. «Орган независимой национальной мысли»). Редактором был Гайдар Баммат — бывший министр иностранных дел Республики горцев Северного Кавказа) был опубликован антимладоросский материал некоего Вахтанга Карелели (В. Цицишвили), писавшего следующие строки: «Проникая вглубь в смысле событий, отчетливо вырисовывается лишь столкновение двух идей, двух сил — это: старая как мир, никому никогда не удававшаяся попытка делать историю, и противоположное ей — нормальное течение естественного хода исторических событий... Когда Муссолини стремится в духовном отношении вернуться к истокам итальянской истории, возвести в культ почитание старого Рима или Шарль Моррас призывает вернуть трон потомку сорока королей, создавших Францию — это понятно, но какой историей, и какой Россией вдохновляются „русские“? Что за культ она думают восстановить? Культ Москвы Иоанна Грозного или Архарова? Если Муссолини, эволюционируя, воскресил в себе римлянина, А. Л. Казем-Бек логично должен был бы воскресить в себе, если не перса Назыр Магомет-хана, то хотя бы хаджи Казем-Бека и стремиться в духовном отношении вернуться к истокам истории славного сопротивления его предков России, а не возглавлять безголовых, тех, кто вторично хочет наложить свои лапы на Кавказ». Реакция последовала незамедлительно в виде письма С. Хатаева в редакцию «Бодрости». Защитник младороссов ядовито подчеркивал, что если, по мнению В. Карелели, «не существует» общероссийской

истории, то, следовательно, нельзя говорить и об общегрузинской истории, а лишь — об отдельных ветвях грузинского народа. «Если Муссолини, эволюционируя, воскресил в себе римлянина, то Вахтанг Карелели, эволюционируя, должен был бы „воскресить в себе“ грузина, веками доблестно боровшегося против персов и турок, которые помешали ему создать Грузию, обессилившего в этой борьбе и обращавшегося в Москву с просьбами о помощи, целовавшего крест на службу России „навечно и нерушимо“»²⁶⁴. Со своей стороны могут лишь здесь назвать имя одного из моих любимых поэтов — Николоза Бараташвили, утверждавшего иной образ России. В поэме «Судьба Грузии» были и такие строки:

Только у России под крылом
Можно будет с персами сквитаться.
Лишь под покровительством у ней
Кончатся гоненья и обиды
И за упокой родных теней
Будут совершаться панихиды.

С «отцами» у младороссов, как уже понятно, были старые счеты. Неоднократно, в различных вариациях, в младоросской печати высказывались суждения о том, что ошибочность староэмигрантской тактики заключается в некоем психологическом изломе, мешающем «трезвой» оценке русской революции и в незнании ими современных процессов в мире. «В 1917 году, — горячился Кирилл Элита-Вильчковский, — Октябрьская революция была воспринята ими как феномен, выходящий из рамок истории. Коммунизм был абсолютизирован, т. е. воспринят как неизбежное зло. При наличии таких предпосылок мистического характера все дальнейшие подходы к революционной России оказались искаженными и в оценке русских событий весь исторический опыт и все исторические знания, которыми справедливо гордились староэмигранты, оказались поневоле неприменимыми. Действительно, если принять революцию за явление апокалиптическое, если как догмат утверждать неподчиненность советского мира историческим законам, то никакая рациональная политика в отношении России невозможна... Те, кто эволюцию советской России объявили а priori невозможной, не могли противопоставить коммунизму ничего более реального, чем „непредрешение“ и ставку на механическое вправление России при помощи штыков назад в историю, из которой она как бы выпала»²⁶⁵.

Не менее интересно дальнейшее продолжение списка грехов по «правдолюбу» Элите-Вильчковскому. Итак, «официальное возглавление эмиграции приняло в отношении рядовой эмиграции, так и в отношении иностранцев, особый тон: всякое беспристрастное освещение событий рассматривается как тактическая ошибка, как „игра“ на руку большевизму. Этой страшной формулой закрывались рты. Все внутри-русское решили подавать как нелепое, карикатурное, обреченное на провал. С иностранцами говорили как с детьми. Их пытались запугать. Результат получился обратный: сгущение красок привело к тому, что действительно ужасные стороны революционной действительности стали вызывать улыбки снисходительного недоверия („бедные люди, они столько перенесли...“) и за самыми редкими исключениями с эмигрантскими источниками вообще перестали считаться... Твердя о людоедстве, торжествующем на просторах России, о рабстве и невежестве, староэмигранты только укрепляли давнишние западные предрассудки... Освобождать такую страну у иностранцев было мало желания. Тогда народилось желание купить помощь иностранцев, торговаться с ними, и на этой торговле староэмигранты потеряли не только доверие, но и уважение иностранцев... они все без исключения, открыто или в душе презирают эмигрантов, предлагающих за проблематичную помощь иностранных штыков, не только пяди земли, но и целые территории»²⁶⁶.

Предложить можно все для спасения России, но с выкупом всегда обстоит дело значительно труднее. И наиболее дальновидные эмигрантские политики понимали, что, пойдя на определенные уступки, при одновременной ставке на сепаратизм, можно потерять всю Россию. Хотя некоторые были готовы примириться с расчленением России, ее «балканизацией», лишь бы ликвидировать сталинский режим. Другие же целостность родины ставили превыше всего и готовы были примириться с «временным сохранением Сталина, если этим кладется предел домогательствам наших сепаратистов и иностранных друзей»²⁶⁷.

Тем более, что речь шла о спасении родины, которая для патриотически настроенной российской эмиграции не была ни Совдепией, ни Триэссерией, а Россией, той Россией, чья политика была направлена, в частности, на возвращение ранее отторгнутых земель — например, Западной Украины и Западной Белоруссии.

Иными словами, определенная часть эмиграции воспринимала курс Кремля в русле русской национальной политики.

Практически, отношения между «отцами» и «детьми» выяснялись по многим направлениям. Весьма примечательным может служить здесь «полемика» с П. Б. Струве по вопросу «великой депрессии», захватившей Запад в конце 20-х—начале 30-х гг. «Младоросская искра» в 1931 г. экспрессивно писала: «Весь мир сотрясается от конвульсий капиталистической системы, миллионы честных и работоспособных людей обречены на нужду, голод, самоубийства и преступления из-за чудовищной безработицы. Крупнейшие тресты, банки, фирмы вылетают в трубу... Академик же... смеет писать, что „все любительские толки о „конце капитализма““ ни что иное, как „ограниченность и тупоумие“, которые „находят себе поддержку в неврастении и истерии, изливающихся в историческом импрессионизме и сочетающихся с дилетантизмом и даже верхоглядством“... Мы обращаем внимание „политика и экономиста“, что его соотечественники десятками тысяч загоняются в многомиллионную толпу жертв того самого капитализма, в честь которого он столь несвоевременно курит фимиам. Промотавшимся „политикам и экономистам“ пора перестать измываться над людьми, потерявшими самое элементарное, первичное право человека — право на труд»²⁶⁸.

В сущности, здесь нет полемики: это нравоучение, списанное как бы со страниц советской прессы.

А что же еще писали сами оппоненты младороссов? Достаточное представление об этом сюжете дает статья в «Последних новостях» под названием «Идеология и тактика младороссов». Ее автор, скрывшись под инициалами А. Р., писал: «Все их творчество в этой области (историко-философские взгляды — В. К.) заключается в пересказе или текстуальном воспроизведении отдельных цитат из писаний Льва Толстого, Достоевского, К. Леонтьева, Гоголя. Младороссы просто экспроприируют политическое мировоззрение указанных писателей, приклеивая к этой славянофильской системе идей термин „младоросскость“. В основу своего мировоззрения они кладут примат религиозного начала. „Без веры в Бога нельзя ни быть, ни стать младороссом“ (Казем-Бек). Вера эта конкретизируется в положительной религии православия. В нем младороссы видят центр и сердцевину русской жизни. Залечив свои раны, православие двинется к великим целям, увлекая за собой по пути мессианства новую русскую культуру... Лозунги их частично повторяют тезисы РДО (Республиканское демократическое

объединение – В. К.), как-то: лицом к России, признание внутренних процессов, ставка на живых людей живой России. Младороссы стремятся привлечь к „неомонархизму“ – не членов зарубежных союзов, а сегодняшних комсомольцев, красных пионеров и, быть может, членов ВКП... появление группы младороссов нужно рассматривать, как отчаянную попытку последышей бывшего правящего сословия вернуть потерянное навсегда их отцами влияние на русскую жизнь, – попытку, обнаруживающую еще раз их органическую неспособность всерьез понять уроки истории»²⁶⁹.

Здесь можно, конечно, сказать, что не цитаты и не выпячивание православия определяли философию младороссов, но говорить об их «неспособности» было бы совершенно несправедливо. Скорее, автора заметки можно упрекнуть в «заказном» характере его строк.

Сам А. Л. Казем-Бек в своем открытом письме к П. Б. Струве на тему «отцов» и «детей» писал: «Именно „дети“... осознали трагедию «отцов» и не смели бичевать и поносить их. Тем неприятнее, тем болезненнее воспринимается „детьми“ каждая вольность отдельного „отца“... Вы указали, что „катастрофу России, великое всемирно-историческое событие нельзя вменять отдельным поколениям. Можно осмысленно говорить о политических ошибках отдельных лиц“. Конечно, не одно поколение создало те условия, в которых могла совершиться катастрофа России... Понятие „поколение“... слишком расплывчато... Если признать ответственными за тяжчайшие политические ошибки отдельных „возглавителей“ целого поколения, то этих возглавителей следует видеть, прежде всего, в государственных и общественных деятелях, в партийных лидерах, в вожаках общественного мнения... Они ответственны перед историей, которая их и будет судить. Мы – „дети“ – на роль судей не претендуем. Мы только просим: пусть деятели, ответственные за политические ошибки, которые привели нас всех (и „отцов“ и „детей“ и „внуков“) к нынешнему безвременью, – пусть эти деятели проявят больше терпимости к усилиям „детей“, ошибки которых еще не привели к конкретным результатам, на основании коих можно было бы судить. Если „отцы“ не желают быть адвокатами «детей», то пусть они не спешат становиться „прокурорами“. И не только потому, что у них нет на это никакого права, но и потому, что еще рано подводить итог усилиям «детей»... Какое чувство вызовут во всех „детях“, фразы, брошенные на Вашем собрании (22 января – В. К.) Д. С. Мережковским: „Говорят: старшие обанкротились, погубили Россию. С такими демагогическими прие-

мами мы к молодым не пойдём. Наша слава, наше величие, что мы здесь сидим“... Видеть в последствиях поражения... «славу» и «величие», значит упиваться поражением, — духом поражения. Если это философия, то это — философия самоубийства. И на деле это и есть духовное самоубийство. В восклицании Д. С. Мережковского, пожалуй, заключается объяснение общей агрессивности „отцов“: Как? „Дети“ рошщут? Они тяготятся на чужбине? Маловеры! Невежды! Недоросли! Они не понимают, что „наша слава, наше величие, что мы здесь сидим“.

Вы закончили свое выступление словами: „Людей нужно щадить и стараться понять, что зло и ложь надо обличать и искоренять“... „Отцы“ должны щадить теперь „детей“, так как этих „детей“ они не смогли или не сумели воспитать. Упустив из рук государственную власть и политическое господство, «отцы» упустили из рук и самую возможность воспитать себе преемников, которым можно было бы безболезненно передать „дар преемства“»²⁷⁰.

«Русская молодежь за рубежом, — продолжал Казем-Бек, — перестает, прежде всего, быть русской. На диспуте о смене поколений целый ряд ораторов отмечал прогрессивное понижение интереса эмигрантской молодежи к общественным делам: „молодежь не ходит на собрания, устраиваемые для нее“. Зато молодежь увлекается спортивными состязаниями, успехами техники, кинематографическими новинками, танцами. Она стремится уйти в личную жизнь, отмежеваться от русской „политики“ не потому, что недооценивает значения политики вообще. Она именно нуждается в каких-то внешних показателях реальности политики. И таким показателем для нее может быть только успех. На вашем же диспуте (с П. Б. Струве о „смене поколений“ — В. К.) раздавались возражения против требования успеха. Вы сами (и совершенно основательно) отметили, что „нельзя опорачивать государственные начала с неуспехом“. Если вы правы по существу, то вы не правы в представлении той зеленой молодежи, которая незаметно подросла за рубежом Отечества, которая была воспитана на политическом и имущественном „неуспехе“ старших поколений... Эмиграция просто не заметила, что ее молодежь выросла почти беспризорной... души их оторваны от той среды, к которой они принадлежат. Русские юноши в громадном большинстве не верят в политическое будущее эмиграции. Зарубежная русская политика кажется им чем-то вроде толчения воды в ступе.... Борьба же эта не увенчается успехом, если молодежи не показать успеха или, на ху-

дой конец, возможности успеха (именно феномен „успеха“ „родил“ лозунг „Лицом к России“, позволявший показать достижения Родины. — В. К.)... В сущности, все сводится к умению найти для неизменного содержания такую форму, в которой оно отвечало бы требованиям времени»²⁷¹.

Со своей стороны, младороссы уже в далеком 1930 г. особое внимание стали обращать на подготовку технических специалистов, компетентность и авторитет которых были бы востребованы в новой России на командных должностях. Именно этим было вызвано и обращение младороссов-техников к своим бывшим по гражданской войне соратникам, работающим на заводах Рено и Ситроена, с призывом совершенствовать технические знания, набираться мастерства по избранной специальности²⁷².

Эта инициатива могла помочь удержать для одних, укрепить для других связь с Родиной. Случались и прямые контакты с советскими людьми. Судя по донесениям младороссов, они вели во Франции пропагандистскую работу, например, среди советских моряков и спортсменов: команды пароходов «Зырянин» (1938), «Онега» (1935). Аркос» (1936), «Ладога» (1936), футболистов «Спартак» (1936)²⁷³.

Младороссы неустанно подчеркивали, что «борьба не могла прекратиться с нашим исходом с Русской земли. В противном случае наш исход был бы простым дезертирством. Между тем никто не ведет борьбы. „Верхи“ заговаривают зубы массам... Массы, разочарованные и изверившиеся, уходят в чужой быт. Безверие рождает отчаяние. Волна самоубийств поднимается и не видно еще ее гребня... Эти „верхи“ конечно враждебны большевикам, и даже настолько враждебны, что и Россию причисляют к „лику“ большевиков. Но отсюда вовсе не следует, что они приветствуют борьбу эмиграции с большевизмом. Младороссы не бьют по своим. Они бьют по тем, которые в свое время распластывались перед Февралем, которые подчинялись главковерху Керенскому и только теперь храбрятся перед редактором унылых „Дней“, которые примазались к борьбе, когда ее начали другие, которые утопили эту борьбу, которые осели на реках вавилонских»²⁷⁴.

«Пусть мы „дети“ и неправы в своих суждениях. Пусть мы невежественны, бездарны, самодовольны, нахальны, грубы. Все равно мы существуем, — подчеркивала младоросская молодежь, — и не собираемся сдаваться. Все равно мы будем считаться с действительностью (которую, кстати, не мы создавали). И мы все равно победим, в ко-

нечном счете, так как сама жизнь — наша союзница. И вся наша борьба все равно останется тем, чем она была с самого ее начала, — борьбой освободительной, раскрепостительной, национальной. Если наши сегодняшние пути окажутся ложными, мы без колебаний сойдем с них и станем на иные пути. Мы в тактике сознательные и законные оппортунисты: мы ищем наименьшего сопротивления и наибольшей целесообразности. И мы не только не стыдимся этого, а наоборот, скорее видим в этом достоинство. Но мы не можем позволить, чтобы „отцы“ сомневались в наших побуждениях, в наших стремлениях... Если нам не хотят помочь, то пусть хоть не мешают. Большого нам не надо»²⁷⁵.

Можно предположить, что весь этот младоросский «взрыв эмоций» был просчитан, имея своей целью своеобразную рекламу своего движения-движителя, как единственно верного в условиях эмигрантского времени.

Дорогу «Главе» торил Кирилл Елита-Вильчковский, который еще в 1931 г. утверждал: «Молодняк пойдет за тем, кто покажет, что лучше понимает национальные пути России, чем провалившиеся на испытании коммунисты (это когда же произошло?! — В. К.). Когда строительство будет возглавлено Императором, можно будет себе позволить какое угодно волеизъявление: голосовать за коммунизм станет ничтожное меньшинство. Но если предложить на выбор „непредрешенство“ или строительство, хотя бы коммунистическое, то коммунизм, конечно, только выиграет»²⁷⁶.

Вряд ли русский народ знал что-либо о «непредрешенцах». Здесь важно другое: утверждение, что российский народ по своей натуре монархист. С этим тезисом трудно согласиться, зная, что к этому времени в России выросло новое поколение, воспитанное в духе новой идеологии. Но в то же время нельзя отрицать подсознательную и сознательную веру в «хозяина», «твердую руку», в того, кто олицетворяет верховную власть в России.

Ведя открытые атаки на «отцов» по всему фронту, младороссы были в то же время готовы терпеть своих политических оппонентов, если они возвышали авторитет Движения в той или иной форме. Примеров предостаточно. Так, в ноябре 1931 г. на собрании 15 очага в Париже выступал упоминавшийся здесь М. М. Артемьев, прибывший из России и представлявший «подпольные общественные течения», покрывшие своей сетью СССР. За чрезвычайно лестную оценку младороссов ему сошло с рук высказывание о том, что православие не

может служить «становым хребтом в младоросском мировоззрении». По его мнению, «христианство в современном мире – пустой звук», «оно умирает, должно умереть, чтобы воскреснуть в новой форме, в новом раскрытии»²⁷⁷.

Отсутствие каких-либо комментариев к этим оценочным суждениям, задевавшим честь младороссов, можно толковать по-разному. Во первых, младороссы считали себя достаточно сильными, чтобы не обращать внимания на подобные выпады. Во вторых, публикация иных взглядов в своей прессе только укрепляла ее авторитет. В третьих, само отношение к религии у младороссов было весьма сложным. Трудно подобрать фразу, которая бы точно передавала настроение молодежи – возможно, ею будет странное словосочетание «кристальная аморфность». Практически, младороссов, прежде всего, интересовала борьба, политика, средства и методы достижения своих целей, и возможно, что Артемьев был прав: не православное мировоззрение служило основой идеологии младороссов, а советский монархизм?

В то же время следует подчеркнуть, что одним из трех пунктов младоросской программы-минимум было требование свободы совести. Среди россыпи корреспонденций, материалов, сюжетов из жизни в Советской России можно было встретить и материалы о положении православия в стране. О политике воинствующего атеизма с его целью уничтожения веры. Казем-Бек писал на Пасху в 1932 г.: «Гонения, террор укрепили Церковь. Потеряв количественно, Она возросла качественно. Мученичество возродило пастырей и паству. В новых условиях, среди новых нужд и новых запросов, Православная Церковь сумела перестроиться внешне. И Она уцелела. Это – главное. Остальное приложится... Сегодняшние массы верующих ушли в себя. Это, прежде всего – кадры. Их количественное соотношение с безразличным большинством и активно-безбожным меньшинством не существенно. Существенна... их способность донести веру до тех дней, когда массы народные потянутся к ней, чтобы освятить плоды своих трудов и одухотворить свои творческие усилия»²⁷⁸.

Однако все же вера была своеобразной константой, не подверженной быстротекущей практике политической жизни. Именно поэтому основное внимание уделялось политической борьбе с теми же «отцами». При этом следует отметить, что младороссы мгновенно ухватывали у них все, представлявшееся им ценным и необходимым.

Так, в 1932 г., когда П. Н. Милюков выступил в Париже с докла-

дом, в котором подчеркнул, что о создании на Дальнем Востоке буферного государства на территории, отторгнутой от Советского Союза, могут мечтать только те эмигранты, которые не думают о родине. Солидаризуясь с Павлом Николаевичем, младороссы, в то же время, возражали против его тезиса о том, что «если интересы России будут задеты, то нам здесь надо защищать советскую власть». «Не власть, переходили в атаку „дети“, нам надо поддерживать. Надо уметь отличать волю нации от воли власти. Не власть мы здесь должны защищать, а истинное стремление русской нации защищать свои национальные интересы»²⁷⁹.

Эта «детская порка», вероятно, очень повеселила Павла Николаевича, но для младороссов это было типичным — быть правее правых. «Досталось» от младороссов и А. И. Деникину, который, заявив себя противником «буфера», в то же время подчеркнул, что, если он и появится, то над ним должен развиваться русский стяг. Именно на этом «допущении» и сыграли «дети», смотря несколько иначе — глубже и дальше — на поставленную проблему: «„Буфер“ может возникнуть и существовать не иначе, как под японским протекторатом. При этом цели, преследуемые японцами, совершенно противоположны нашим национальным задачам. От протектората до аннексии — полшага... Единственным оправданием буфера, казалось бы, представляется цель военная: база для национальных формирований, область, откуда „начнется поход“. Но неужели наше двенадцатилетнее пребывание среди иностранцев оставило среди нас наивных людей, думающих, что правительство „буфера“, связанное и зависимое, получит от держав-покровительниц средства для военной затеи, цель которой завоевание русской территории и восстановление русского могущества?»²⁸⁰

Но в целом, младороссы обеими руками подписывались под словами генерала о том, что «если жертвовать Дальним Востоком, то почему не создать буферной Украины, буферной „Казакки“, почему не отдать Финляндии Карелию и Ингерманландию, почему не пожертвовать Бессарабией? Если раскроить русскую землю на „буфера“, то коммунистическая власть будет свергнута, конечно, но что тогда останется от России?» «Еще не пришел купец на торжище, на котором разложены рваные ризы России, а мы уже просим: „Берите, выбирайте...“ — горько говорил Деникин»²⁸¹.

Итак, и здесь была правота младороссов с их лозунгом «ни белые, ни красные, а русские». Об этом твердил, в сущности, и великий

князь Дмитрий Павлович, который на собрании 12 июня 1935 г. в своем выступлении сказал: «Но патриотизм наш не должен быть лишь патриотизмом прошлого, а только патриотизмом настоящего и будущего... Разгром Армии будет вовсе не шагом к возрождению нашего Отечества, а страшным ударом по России и русскому достоинству»²⁸². Фактически, здесь ставился знак равенства между Красной армией и Русской армией. В то время как для Р. П. Рончевского это было бы возможно только после того, как Красная армия свергнет коммунистическую власть²⁸³.

Именно русский дух младороссы видели в свершениях Родины. Григорий Бутаков в 1934 г. писал, что в «русской катастрофе мы видим не одно только разрушение. Гораздо больше, чем разрушения, мы видим в ней созидания и творчества. Русская катастрофа создала нового русского человека, который чувствует, как и мы, который, как и мы, превыше всего любит свою Родину, с ее дикой природой, с ее старой культурой, с ее новым строительством, с ее радостями и невзгодами. Среди дикой тайги и пустынных степей вырастают создаваемые творческой мощью нового русского человека (здесь не надо забывать о лагерниках. — В. К.) фабричные гиганты-комбинаты. Запах фабричного дыма для нас гармонирует с запахом леса и степи»²⁸⁴.

Омоложение страны, увеличение количества городов, рост численности рабочих, умножение населения страны — все это служило очередным доказательством для младороссов рождения новой России. Весьма любопытны и следующие строки С. Зеньковского о новой географии России (1936 г.): «Рабочие центры, вводимые на окраины, играют роль московского мелкого дворянства, опоры центральной авторитарной власти. Эта система еще облегчается тем, что рабочий из центральных областей... благодаря коммунизму и советскому вненациональному патриотизму, не встречал особо яростного приема у местных национальных элементов и в результате легче ассимилировал и легче ассимилировался. Все это, конечно, значительно изменяет путь разрешения многочисленных национальных проблем в духе обще-советской государственности, фактически окрашенной имперско-русской культурой и пользующейся русским языком»²⁸⁵.

Забывалось одно — на Востоке личность должный раб власти. Там на первом месте всегда стоят интересы государства, такой своеобразный государственный каток, перед которым личность падает ниц. Лишь в редких случаях и на весьма недолгое время у нас на Руси был диалог.

Нина Алексеевна Кривошеина, вспоминая свое увлечение младороссами, писала: «Главное, что меня привлекло к ним, — был их лозунг: „Лицом к России!“ Лицом, а не задом, как поворачивалась эмиграция, считавшая, что с ней из России ушла вся соль земли, и что „там“ просто ничего уже нет. Конечно, это „лицом к России“ не все младороссы могли вполне воспринять и переварить; иногда они впадали в нелепое и почти смехотворное преклонение, в восторг перед „достижениями“. В первые же месяцы моей младоросской эры мне пришлось быть на докладе о промышленных и технических достижениях в Советском Союзе, где повторялись вслепую данные советской прессы, и где выходило, что до 1920 г. в России и вообще не было промышленности, ни техники... вообще ничего! Я заявила, что на следующем же собрании этого очага берусь доказать, насколько все тут ошибаются. В самом деле, через неделю, собрав в памяти все, что я могла знать о развитии тяжелой промышленности в России от моего отца (крупного промышленника А. П. Мещерского — В. К.), я рассказала „очагу“ о фабриках московского или волжского купечества, о теплоходах на Волге, о телефонизации (одной из старейших в Европе!) и т. п. Сперва мне кто-то возражал, и даже довольно резко, но я не дала себя забить, и кончилось тем, что многие (из более молодых младороссов особенно) признались, что в первый раз в жизни все это слышат»²⁸⁶.

Именно советская пресса, будучи основным источником информации о ситуации в СССР, не раз приводила младороссов к выводам явно преждевременным. Например, в постановлении СНК СССР (1936) об упразднении Комакадемии, «фабрики коммунистических догматов», и передаче ее секций и штата в АН СССР младороссы усматривали закат марксистской идеологии²⁸⁷. Публикация в «Комсомольской правде» о «черных» и «зубастых» младороссах как бы свидетельствовала о «бессильной злобе» тех, кому был не по душе рост их движения²⁸⁸. Хотя в России, за исключением «компетентных органов», никто не отслеживал деятельность организации А. Л. Казем-Бека.

Тем не менее, один из самых интересных и сложных сюжетов связан с отношением младороссов к России/СССР, с оценкой своей роли в современном им мире. Так, один из лидеров Молодой России в июне 1939 г. отчетливо и высокопарно писал в «Очаговой политике»: «Младоросское движение за рубежом несет и пропагандирует Русские идеи в мире, знакомит внешний мир с настоящими

задачами России, с устремленностью Русской нации, с ее традициями и историческим путем. Это то звено, которое связует русскую действительность с действительностью мировой, т. е. выполняет как раз то, чего не может делать сейчас Россия, скрытая под официальной маской коммунизма»²⁸⁹.

Для мира, должно быть, было страшновато узнавать, что «азиатское страшилище» еще живет и надеется на того, кто его «пожалует и поцелует» и тогда — настанет преобразование России! И, разумеется, именно младороссам с их кредо «Лицом к России» отводилась здесь ключевая роль.

В умы молодежи широко внедрялась идея о начавшейся с 1917 г. эволюции, в результате которой на смену старой ленинской гвардии приходит молодежь с иными установками. Именно на ее энтузиазм, на «национальную гордость» каждого русского, на «землю и волю» крестьянина, на энергию «нового человека» делали ставку младороссы²⁹⁰. Не могли не ободрять их сведения о том, что со второй половине 30-х гг. в литературоведении шел откат от вульгарно-марксистского понимания русской классики, когда стихотворение «Смерть поэта» означало всего лишь «художественное выражение идеологии социальной группы», а творчество Гоголя объяснялось его раздумьями об «экономически слабой дворянской усадьбе»²⁹¹.

Реальные картины из жизни в СССР пережегались у них с весьма упрощенными представлениями, не отражающими адекватную ситуацию в действительности.

Так, неудачу аграрной революции они в 1931 г. обуславливали сознательным саботажем работников колхозов и совхозов, «срывающих план Сталина»²⁹². В то же время, полемизируя с «отцами», младороссы восклицали, что «НЕ РАБЫ восстанавливали и увеличивали мощь России; НЕ РАБЫ выносят на своих плечах тяжесть строительства; НЕ РАБЫ ведут пассивное строительство в деревне»²⁹³.

По мнению младороссов, те «эмигранты, которые смешивают национальные и антинациональные элементы пятилетки и величают ударников „советскими овцами“, бьют не только по коммунизму, но одновременно и по национальному чувству и приносят вред не только коммунистам, но и России»²⁹⁴.

Однако неприятели младороссов сумели «отыграться» на Казем-Беке, подняв шум в печати о конфиденциальной встрече в парижском кафе в 1937 г. А. Л. Казем-Бека с бывшим русским дипломатом, перешедшим на советскую службу А. А. Игнатьевым.

В 1937 г. на страницах «Возрождения» появилась за подписью Н. Алексеева живописная заметка, озаглавленная «ГПУ и Младороссы»: «31 июля. 4 часа пополудни. Кафе „Рояль“ — дорогое и редко посещаемое эмигрантами, возле Мадлэн.

Внутри у окна сидит Александр Львович Казем-Бек. С ним некто в сером, постоянный наблюдатель на советских выставках в Париже... Пьют кофе, поглядывают на улицу, кого-то ждут.

Но вот и третий. Постаревший, обрюзгший, с мешками под глазами, усталый в движениях. Хорошо одет, держится с достоинством, есть какой-то лоск. Командорская ленточка Почетного Легиона. Тербит мундштук. Кивок, два-три слова. Он уходит вглубь зала и садится в угол, за выступ стены, так что с улицы его невидно.

Глава младоросской партии и его советский спутник бросают недопитое кофе и поспешно перебираются в тот же укромный закулок. Последний пришедший рассказывает, он ведет беседу, он командует. Александр Львович подобострастно слушает, наблюдатель в сером, попыхивает папиросой, время от времени одобрительно кивает головой, молчит. Читает „последние Новости“. Его дело сторона. Он обеспечивает официальность свидания.

Что за конспирация? Кто сей важный гость?

— Бывший граф Алексей Алексеевич Игнатъев. Бывший паж, бывший военный агент императорской России в Париже, б. царский генерал, а ныне знатный человек из Москвы, говорят, главный инспектор военно-учебных заведений СССР.

Таков факт. Свидетели — наш бывший посол в Вене, Н. Шебеко, редактор „Возрождения“ Ю. Ф. Семенов, полковник ген. штаба С. С. Писаревский, его супруга и автор данных строк. Все пятеро хорошо знают и Казем-Бека, и Игнатъева.

Мы уселись по соседству и созерцали представителей первой и второй советских партий... Я лично подходил к их столику вплотную, чтобы лучше рассмотреть Игнатъева. Казем-Бек, увидя меня, растерянно поздоровался и смутился до чрезвычайности. Игнатъев совсем забился в угол и время от времени поглядывал оттуда на нас недружелюбными глазами. Некто в сером повернулся боком и начал мять в руках газету...

Эмигранты и члены младоросской партии, в первую голову, конечно, сделают надлежащий вывод»²⁹⁵.

Поднявшийся шум в эмигрантской печати заставил А. Л. Казем-Бека «просить Государя об освобождении... от должности докладчика

при Его Императорском Величестве по вопросам иностранной политики»²⁹⁶.

В обрамлении из похвальных слов своему верноподданному отставка была принята. В сущности, это случай не имел особых последствий для младоросской партии, строившейся на железной дисциплине. При этом, несмотря на всю шумиху, контакты были продолжены. Сам Казем-Бек писал великому князю Дмитрию Павловичу следующее: «С Игнатьевым виделся еще раз. Он напуган, но видит выход из положения для самого лишь в том, чтобы своему военному начальству сделать доклад о нас, как о силе, которая нужна и выгодна делу обороны страны. Из этой личной заинтересованности Игнатьева, который теперь думает о самозащите, для нас открываются неожиданные и обширные перспективы. Мне придется через пару недель встретиться с Игнатьевым в Виши, где он будет уже иметь сведения о том, как реагировали в Москве на всю эту историю»²⁹⁷.

Из этих скудных сведений можно сделать несколько предположений.

Первое — советская разведка «разрабатывала» Казем-Бека. Имевший прочные связи с некоторыми французскими государственными деятелями, обладавший авторитетом в русской эмиграции, встречавшийся с Бенито Муссолини и рядом других крупных политических фигур на европейской сцене, глава младороссов мог быть «использован» как агент влияния. Такая тактика разведки СССР вошла уже в ее практику и примеров «удачных приобретений» было достаточно.

Второе и менее вероятное — через руководимых Казем-Бекем младороссов, живущих по многим странам, советское руководство могло попытаться получать интересующую его информацию.

Третье и совсем неприемлемое — шел обычный процесс вербовки на разведслужбу с присвоением звания и выплатой денежного довольствия. Но... Казем-Бек был из тех интеллектуалов, которых можно было привлечь на свою сторону высокими идеями, но отнюдь не «презренным металлом».

Сам глава «Молодой России» с его патриотизмом не мог проигнорировать контакты с графом Игнатьевым по проблемам обеспечения обороноспособности Родины. Здесь надо учитывать и психологию встречи: вели разговор два дворянина, посвятившие свою жизнь России, которой угрожал автор «Мейн кампфа».

Какой-либо фиксированный результат встреч укрыт в архивах. Но суть исследуемой проблематики состоит не в том, чтобы детали-

зировать биографию Казем-Бека, вернувшегося, повторяю, в 1956 г. в СССР и начавшего работать в Московской Патриархии, а в ином — в алогизме теоретических изысков «Молодой России».

Именно теоретических, так как ее практическая деятельность, повторю, ограничилась эпизодами пропагандистской работы среди экипажей советских торговых судов, заходивших во французские порты.

И в качестве посткриптума добавлю, что необратимого оттока из младоросских рядов не наблюдалось. В 1937 г. ряды сторонников Казем-Бека резко возросли. Причин этому было множество. Возможно, главная была в том, что мир декларируемых младороссами идей и установок позволял им быть одновременно «монархистами-легитимистами, шедшими под лозунгом „Царь и Советы“, националистами, фашистами и... младобольшевиками»²⁹⁸. Но мне представляется, что молодежь все же привлекало одно — вступая в ряды младороссов, они сознавали свою причастность к судьбе Родины, ее защите от германского «Дранг нах Остен».

К. Елита-Вильчковский писал в 1936 г., что «вообще нет двух миров, двух лагерей, полярно и во всем противоположных, абсолютно отрицательных или абсолютно положительных. Это раздвоение, это упрощение нужно только тем, кто хочет мирового столкновения или тем, кто пленник старых слов. Есть много миров, соприкасающихся в разных планах, развивающихся, меняющихся как все живое, и говорить можно лишь о преобладании в них добрых или злых начал, не отрицая ничего вкуче, всюду ставя на положительное и поддерживая положительное. И главное, основное: полегче с обобщающей мистикой, слишком удобной для проведения низких делишек! Полегче с борьбой за примат культуры, когда она оборачивается борьбой за гегемонию расы! Полегче с крестовыми походами, прикрывающими колонизационные планы»²⁹⁹.

Излюбленная и безопасная тема для новичков и младороссов со стажем — нападки на «староэмигрантов», на тех, для «услаждения» которых в «Возрождении» от 12 октября 1931 г. поместили карикатуру, смысл которой состоял в том, что «русский человек там назван новым советским животным, которое можно „доить как корову, запрягать как мула, стричь как барана и драть как Сидорову козу“».³⁰⁰

В 1934 г. в «Бодрости» писали: «Жизнь сложна и многообразна, и сухой схемой ее не охватить. Староэмигранты этого не хотят понять. Для них существуют лишь два отвлеченных понятия: больше-

вики и Русский народ, угнетатели и угнетенные. Это они поддерживают русофобские настроения за границей, изображая русских беспомощными рабами. Это они, ради своей схемы, приписывают пораженчество Русским массам. Это они твердят о вырождении Русской Нации на радость расистам всех стран. Это они раздражают чужие аппетиты, подрывая веру в Русскую мощь»³⁰¹.

Весьма грубо и не совсем справедливо: ненависть к большевикам и запальчивые высказывания о рабской покорности, как отличительной черте русских, еще не означали потерю веры в Родину. Хотя тут же хочется добавить, что исповедуемый в среде «стариков» тезис об аморфности русского народа внушал им надежду, что «толпу» можно будет использовать против ее властителей при возникновении благоприятной ситуации, например в случае вторжения иностранных войск на территорию страны.

Ситуация, была весьма и весьма непростая. Николай Александрович Бердяев писал: «Русская эмиграция, конечно, представляет собой господствующие классы старой России (а как быть с „серой шинелькой“? что делать с казаками, рабочими Воткинских заводов — они тоже принадлежали к господствующему классу? — В. К.). В этом нравственная фальшь ее восстания против Советской России, которая, все-таки, по существу, рабоче-крестьянская („защитник“ Советов забывает, что суть любого государства определяется властью, в данном случае большевистской. — В. К.). Но это соотношение несколько изменяется потому, что значительная часть эмигрантской молодежи превратилась в рабочих. По экономическому положению своему это — пролетарии и интересы их пролетарские. Поэтому они не должны быть равнодушны к социальному вопросу и интересам труда»³⁰².

Действительно, все было непросто в эмиграции для русских беженцев, зато какое раздолье для философствующих! Но лучше уж верить в сказки с их *moralite* в свадебном оформлении, нежели докучать себе и другим нигилизмом тех, кто утверждали с пеной у рта, что «в совдепии не осталось уже больше русских», а «все родившиеся в России после революции подлежат поголовному уничтожению», или, наконец, что «Россия — их бывшее отечество»³⁰³.

Характерным для тактики младороссов была ее определенная незавершенность, изменчивость, противоречивость. Она вся была в движении мысли, зачастую опережающей и уничтожающей одна другую. Итак: 1933 г. «Младоросская искра» № 30. Строки: «Союз Младороссов выдвигает свою программу простую и четкую. Точкой

отправления для ликвидации наследия коммунизма младороссы признают упразднение компартии. Поэтому младоросская программа минимум состоит из одного, единственного пункта: Союз Младороссов признает и политически поддержит в России и за границей ту власть, которая упразднит коммунистическую партию и ее филиала»³⁰⁴.

Разве это не опровержение тезиса о преданности младороссов царю, которому они клялись проложить дорогу в Кремль? Или, может быть, младороссы здесь говорили о себе?

При этом старое изречение «больше быть, чем казаться» младороссы вывернули наизнанку. Чего стоит их «величавое» согласие (1934 г.) спасти Россию в случае внешней угрозы вместе с коммунистами, если они объявят о упразднении своей партии!³⁰⁵

Далее: «Борьба с коммунизмом есть борьба за возвращение русских к власти в Русской стране»³⁰⁶.

Звучит весьма привлекательно, но позволю себе поставить риторический вопрос: в ушедшей Российской империи ключевые посты занимали только ли русские? Неужели в большевистской России ответственными работниками были лишь евреи!? И последнее: разве идея коммунизма органически чужда русскому народу XX века, более того, самим младороссам? В сущности, процитированный выше лозунг нуждается в небольшой корректировке: «Борьба с коммунизмом есть борьба за приход младороссов к власти в Русской стране». В этом случае все будет логичным и обоснованным, исходя из корневого определения младоросскости. И еще: противники младороссов нападали на младороссов за их словесную эквилибристику, беззастенчивую подмену понятий. Самым ходовым было обвинение в том, что, декларируя свою преданность интересам родины, они защищают коммунизм, отказываясь от борьбы с ним. Действительно, о младороссах можно приблизительно сказать так: «Жила бы страна родная, и нету других забот». Но забывается одно, при всей любви к фразе, жонглированию словами, у них было чувство причастности к происходящему в России, даже в ее коммунистическом обличье — «судьба родины важнее судьбы власти».

В 1932 г. генерал Араки заявлял: «Наша страна приняла решение распространить национальный идеал через семь морей, на пяти континентах, даже если для этого придется прибегнуть к силе, мы потомки богов; мы должны царить над миром»³⁰⁷.

Теперь слово Тики Като, заявлявшего в своей программе национальной реорганизации Японии: «Государство должно иметь право

объявлять войну нациям, обладающим территориями слишком обширными или управляемыми бесчеловечным образом. Пример: отторгнуть Австралию от Великобритании и дальневосточную Сибирь от России»³⁰⁸.

Весьма резонное заявление, встречающееся и в наше время.

В отличие от «детей», многие «отцы» встретили захват Маньчжурии Ниппоном «с распростертыми объятиями... Японцам приписывалась не только незаинтересованность и терпимость, но даже и особые симпатии к русской культуре и на «православности» генерала Араки строились самые славянофильские легенды... те, кто собирались при помощи японцев «спасать Россию», превратились в верноподданных императора Канг-Те. Три организации сейчас, при широкой поддержке японцев, призваны объединять и контролировать русское население в Маньчжурии. Это «бюро по делам русских эмигрантов», «Военный союз» и «Всероссийская фашистская партия». Все три организации оказываются по существу – не русскими, а маньчжурскими. В благодарность за права гражданства, дарованные Маньчжурией русским, они обязуются считать Маньчжурию как-бы своей второй родиной. Харбин уже не база для формирования фантастических белых армий. Наоборот: русские военные становятся частью маньчжурских вооруженных сил. Защита самостоятельных русских интересов становится нелояльностью к Маньчжурии. Не японцы вовлекаются русскими в борьбу с коммунизмом, а русские маньчжуры вовлекаются в пан-азиатское движение. «Начиная с ближайшего воскресенья», пишет харбинская «Заря» от 26. 9. 35., «по кружкам молодежи Бюро будет проведено открытие Пан-Азиатских секций... по одинаковой программе: после вступительного доклада К. В. Родзаевского, представитель общества „Се-Хо-Хой“ г. Като сделает большой доклад об яматоизме. Этим докладом откроется работа Пан-Азиатских секций, имеющих в виду заложить прочный фундамент реального сближения молодой эмиграции с народами Азии, ныне объединяющимися вокруг своего авангарда – Ниппон. План работы этих Пан-Азиатских секций включает... следующие пункты: „Закат Европы и пробуждение Азии. Ниппон – в авангарде Пан-Азиатского движения. Наша русская позиция. Откуда явились славяне и скифы, азиатское влияние в русской истории и русской культуре... Почему мы должны быть вместе с ниппонцами. Наши общие задачи, наши общие враги. В чем не правильность младоросских установок. С ниппонцами против ком-

мунизма. С ниппонцами за строительство новой Азии... Маньчжоу-Ди-Го, как котел сплава пан-азиатского единства“... как во времена Орды, русских людей заставляют поклоняться чужим богам и русскую культуру унижают перед культурой желтых, что же теперь все притаились — и никто ни слова? Не знают? Не понимают? Или боятся? В эти дни малодушия мы гордимся младороссами Дальнего Востока, высоко держащими русское знамя. Мы горды, что наш представитель в Маньчжурии был первой жертвой японских репрессий. Мы горды, что именно наши утверждения противопоставляются пан-азиатской пропаганде»³⁰⁹.

В марте 1936 г. «Бодрость» перепечатала любопытный материал из «Young Russia», ежемесячного бюллетеня младоросской партии в Великобритании: «Всея, основанной на христианской традиции, культуре белых наций угрожает в настоящее время держава, стремящаяся шаг за шагом, установить свою гегемонию над остальным миром, — нация, которая не знает иного идеала, кроме обожествления собственной силы.

Если бы Японии удалось завладеть областями Русского Дальнего Востока, она не остановилась бы на этом. Как правильно отмечает наш осведомитель, она использовала бы богатства этих областей для подготовки борьбы со своими обоими белыми противниками — с Великобританией и с Америкой.

Японская угроза должна бы соединить наши Империи в едином усилии для отражения этой растущей опасности. И для этой цели следует желать, чтобы русской нацией управляли более подходящие представители Русской исторической традиции, чем клика оппортунистов, руководствующаяся обанкротившейся материалистической доктриной (последний штамп был явно преждевременен — В. К.)»³¹⁰.

22 марта 1936 г. на первой странице «Бодрости» была помещена цитата из речи Гитлера в Карлсруэ от 7 марта: «Великая нация должна строить свою судьбу лишь собственными силами». Собственно говоря, эта выцветшая от дряхлости истина должна была еще раз напомнить пораженцам историю той же России, воззвать к их патриотизму в связи с японской угрозой. Сами младороссы так оценивали ситуацию: в 1936 г. кн. С. Оболенский в статье «Тучи на Дальнем Востоке» писал: «Прямо или косвенно, вся политика Японии на азиатском материке направлена в настоящее время к овладению дальневосточными позициями России, к вытеснению русского фактора из Восточной Азии. До тех пор, пока Россия — при каком угодно прави-

тельстве — стоит твердой ногой на побережье Японского моря, пока она, через пустыни и степи Средней Азии, граничит с Китаем, пока она, в военном, в хозяйственном и в культурном отношении, сохраняет на Д. Востоке свое положение великой державы, — до тех пор Япония ничего еще не достигла на материке. И наоборот, если Россия не станет на Д. Востоке, то Япония завтра окажется полновластным хозяином всей Азии и Тихого океана. Ибо без России ни Англия, ни Соединенные Штаты не смогут сделать буквально ничего против безостановочного продвижения Японии... Япония борется с Россией, когда, проникая в Северный Китай и во Внутреннюю Монголию, она вгоняет клин между Россией и Китаем.

Япония борется с Россией, когда военными демонстрациями, дипломатическими интригами, угрозой и подкупом пытается подчинить своему политическому влиянию китайское центральное правительство, которое в момент решительного столкновения может оказаться союзником России, находящимся в японском тылу. Япония непосредственно борется с Россией, плетя интриги в потерянных Китаем среднеазиатских землях и продвигая к их границам свои войска. Восточный Туркестан и Внешняя Монголия, — это бесспорно евразийские земли, — после китайской революции естественно и неизбежно перешедшие под протекторат России, являются сегодня... узлом азиатской, а, следовательно, и мировой политики. Пока русское влияние не поколеблено во Внешней Монголии, японское владычество в Маньчжурии не может считаться закрепленным и Россия, находясь в непосредственной близости к собственно Китаю, имеет возможность поддержать сопротивление китайских националистов японским вымогательствам. Но достаточно вытеснить Россию из Внешней Монголии, как Китай окажется наглухо отделенным от России, и одновременно повиснут в воздухе обойденные с правого фланга русские позиции на Дальнем Востоке.

Потеря Китайской Восточной ж. д., конечно, явилась для России ударом. Но она не поколебала и не могла поколебать Русской великодержавности. Это был один из эпизодов борьбы, отсрочившей решительное столкновение и не предрешившей его исхода.

Но русская нация — не советская власть, а Русская Нация — не может допустить крушения Русского влияния во внешней Монголии... И для своей внутренней силы, и для своего международного положения Россия должна окончательно рвать с марксизмом, с его фразеологией... Нужен разгон Коминтерна, нужна окончательная,

решительная, полная замена марксистской идеологии Русским национализмом»³¹¹.

Здесь «советы патриота в ультранациональной упаковке», «мысли русского человека», «размышления охранителя», подаваемые из «безопасного далека», производят несколько странное впечатление смещением конкретики исторического анализа с декларативностью пропагандистских установок. Конечно, можно иронизировать и дальше, но суть все же в другом — в вере в русское Отечество.

В отличие от некоторых «стариков» с их грузом «пронафталиненных» воспоминаний, и способностью не видеть за деревьями леса, младороссы провозглашали лозунг: «Все, что национальное — наше». Иными словами, «все, что способствует расцвету, культуре и силе нации, независимо от того, как и при каких обстоятельствах это создано» является достоянием нации. При этом само «оборончество» младороссов было продиктовано принципом служения нации и не связано с режимом. «Смена режима — дело исключительно внутреннее и нация не может отвечать за ошибки режима головами своих членов или материальными и территориальными богатствами страны»³¹². А. Л. Казем-Бек подчеркивал, что «из любви к Родине родился национализм. А дальше явилась любовь к национальному прошлому, явились зачатки национальной преемственности»³¹³.

Вопреки устоявшимся суждениям правоверных эмигрантов, младороссы считали ту же печально известную постройку Беломорканала полезной и необходимой для государства, хотя и не оправдывали варварских методов властей при его строительстве. Признание успехов в индустриализации — Магнитка, ДнепрогЭС, в военном деле — создание огромной Красной армии, в конечном итоге — нахождение положительных сторон в сталинской конституции: все это резко контрастировало с общим тоном эмигрантской прессы, на чьих страницах регулярно печатались мнимые и подлинные сюжеты об ужасах в Советской России.

Потерявшие родину, младороссы не утратили гордости за ее успехи и ее мощь. Именно лозунговость была одной из форм воздействия на молодежь. Особенно эффективно она «работала» на воспитание патриотизма, веры в Россию, в ее особый путь. На страницах прессы регулярно помещались соответствующие высказывания, например, из Достоевского: «Могуча Русь и не то еще выносила. Да и не такие назначения и цель ее, чтобы зря повернула она с веко-

вой своей дороги, да и размеры ее не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно и останется до сути своей такую же прежнюю, святой нашей Русью, как и была до сих пор»³¹⁴.

Как вспоминал Н. И. Толстой в беседе с автором этих строк, чтение советских газет позволяло им получать информацию о жизни в России, ощущать себя частью ее удивительного бытия.

Н. Философов писал Казем-Беку: «Мы приветствовали победу Сталина над Троцким. Мы приветствовали пятилетки. А когда нам возражали, что это достигается чудовищными усилиями, жертвами, ценой страданий, когда нам говорили, что Сталин готовит силы для похода на мир, мы отвечали, что не важно, что думает Сталин. На мировой революции он свернет себе шею, а заводы останутся»³¹⁵. Все плохое можно было объяснить просто и правдиво: «Лес рубят, щепки летят». Более того, объясняя свое нежелание обширно писать о красном терроре, младороссы заявляли, что «о крови и разрушениях, которых стоил коммунистический опыт, известно всем»³¹⁶.

Если затронуть обязательный вопрос о лагерях, то стоит напомнить, что их «историческая необходимость» была обусловлена самим ходом борьбы за социализм, когда новая идеология предполагала лагерь для носителей старой или иной системы взглядов. При этом лагерная система была рассчитана на «перевоспитание» вплоть до уничтожения социально-неполноценных, бывшей «расы господ». В то же время всем известна положительная оценка прогрессивным Западом деятельности Сталина — главного устроителя и чистильщика новой России. Здесь можно вспомнить Лиона Фейхтвангера, Андре Жида и Ромена Роллана и многих других, видевших в России новое слово человечества.

Так, французский коммунист Ивон в своей книге воспоминаний «СССР — каков он есть» (*U. R. S. S, telle qu'elle est*) писал о ровесниках младороссов следующее: «В сущности, она глубоко здорова по существу и со страстью отдается учению; правда, отчасти, чтобы избежать невыносимой политической атмосферы. В ее мозги вбили немало разных слов, но она их воспринимает по-своему. Для нее „революция“, „добро“, „прогресс“, „социализм“, „Родина“ — однозначны. Фразы „социализм и капитализм“ давно уже имеют тот же смысл, что „Россия и ее враги“. „Стремление к социализму“ — это „увеличение русской мощи“. Когда она говорит: „наша индустрия“, „наш трактор“, „наш блюминг“, „мы перегоним Америку“... эта детская гордость является потенциальной силой,

которой могла бы позавидовать пресыщенная молодежь старого мира»³¹⁷.

В конечном итоге, можно заключить, что в России строился национальный социализм, о чем так упорно твердили младороссы. Плохо это или хорошо? Сам этот термин получил широкое хождение в 1950-1960-х гг., когда в странах народной демократии начались процессы «отхода» от копирования практики в СССР. Достаточно вспомнить восстание в Венгрии в 1956 г. Относительно России все гораздо сложнее. Национальный социализм в многонациональной стране всегда будет иметь имперскую окраску. Смена произойдет лишь при рождении или перерождении культуры, цивилизации. Этот процесс уже идет, и до появления мира во всем мире осталось недолго, если только на небесном циферблате не сдвинется стрелка и все человеческое не обрушится, как это было с известной башней. Да и наши «инженеры человеческих душ» не отставали: достаточно вспомнить поездку советских литераторов на Беломорканал.

Конечно, с одной стороны, Сталин был для них ненавистен, с другой — это была личность, продолжавшая стратегический курс на укрепление единой и неделимой России, соответственно, его можно было считать национальным деятелем. Здесь можно вспомнить и введение Сталиным обязательного преподавания русского языка в национальных республиках, воспевание в советской прессе «великого русского народа» и Российской республики — «первой среди равных». В сущности, все младоросские споры вокруг личности Сталина сводились к следующей дилемме — поставит ли он все на национальную карту или на мировой пожар? Иными словами: эволюция или революция. Революция в открытой или закрытой форме!?

Тема строительства нового мира трактовалась, кстати, теми же младороссами по разному. Пример. В 1931 г. советские пятилетки вызывали не только чувство гордости у русской молодежи за возрождение невиданными темпами своей далекой Родины. Были и те, кто видел в них угрозу Европе. Так, К. Елита-Вильчковский писал: «Пятилетка готовит не мир, а войну... Все или ничего... в населении, брошенном в котел пятилетки, проснулись крайние чувства. Тот, кто радовался новой крыше, требует теперь турбину, какой нет в Америке. Тот, кто интриговал в сельсовете, сжигает в хлеву неосторожного комсомольца. Тот, кто хотел торговать с Европой, хочет теперь покорить ее. И отсюда новый вид национализма, грозного, наступательного, пропитанного ненавистью к иностранцу, к западу,

известному только по тем его представителям, которые на русских костях строят Магнитогорск, Асбест и Днепрострой... Пятилетки готовят войну для торжества социализма. Этой войны сейчас хочет каждый, — каждый по-разному. Для одних, — это возможность восстания, для других — надежда на грабеж, для энтузиастов — это исполнение миссии, для униженных — это месть... Построенная на крови пятилетка порождает ненависть. Задуманная нечеловечно, — она уже переросла человеческие силы. И если не последует ее случайного срыва, или не будет разорвана противоестественная связь между Сталиным и молодежью, между разрушением и творчеством, — Европа окажется в страшном и диком положении перед стихийной лавиной, которую она сама вооружила и сама направила на себя»³¹⁸.

По сути дела, по своему повторяя Струве, он в романтической форме — «кровь», «ненависть», «противоестественная связь» — излагает идею революции продолжающейся. Эффектные противопоставления типа «разрушение-творчество» все же не должны затенять роль Версаля, «Mein Kampf».

В 1933 г. Казем-Бек в своем докладе, посвященном «последнему и решительному бою» писал: «Про Россию смеют еще говорить... что русский колосс не страшен, что ноги у него глиняные. Необходимо, чтобы во всех концах света убедились, что русский колосс стоит на гранитной глыбе, что кулак у него стальной. Это нужно не только России, но и всему человечеству, так как ТОЛЬКО НЕПОБЕДИМАЯ РОССИЯ В СОСТОЯНИИ БУДЕТ ВЫПОЛНИТЬ СВОЮ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКУЮ МИССИЮ... И В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ПРОГРЕМИТ В РОССИИ ГРОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, РУССКАЯ НАЦИЯ ВОССТАНОВИТ СВОЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СРЕДЕ НАРОДОВ ЗЕМНОГО ШАРА. И только тогда начнется эра русской международной политики. Тогда Россия начнет разбираться в международном хаосе, чтобы осуществить реальную справедливость, чтобы утвердить мир всего мира. Ибо в этом культурно-историческая миссия России: в том именно, ЧТОБЫ УТВЕРДИТЬ СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР НА ЗЕМЛЕ И ОГРАЖДТЬ ЕГО. Не женевскому торжищу, повторяющему трагикомический опыт строителей башни вавилонской, установить нормы сожительства народов (где говорят о нормах, там их и раньше всех, как нередко случается, и нарушают. — В. К.). Не международный парламент, А МЕЧ РОССИИ-АРБИТРА — ИСТОЧНИК МИРА В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ. МИР ПОД СЕНЬЮ РУССКИХ МЕЧЕЙ: ТАКОВА ОСНОВНАЯ ЗАДА-

ЧА РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ. Только в создании прочного мира — оправдание гегемонии великих империй. Была „*pax romana*“, оправдывавшая господство Рима. БУДЕТ „*PAX ROSSICA*“, которой оправдается господство России»³¹⁹.

Во многом взгляды младороссов и их лидера Казем-Бека были схожи с воззрениями П. Н. Милюкова. Так, бывший министр в 1934 г. утверждал следующее: «Советская власть есть очень плохая... но это, тем не менее, русская власть, с которой необходимо считаться... Эта власть имеет все шансы с течением времени улучшаться — общение с культурным западом может только этому способствовать, — если же она паче чаяния не улучшится, то от русского народа зависит в любой момент ее свергнуть. Для запада и его культуры опасность грозит не стороны Советской России... а со стороны Хитлеровской Германии... Опасность грозит России не от продления советской власти, а от возможного на Россию покушения со стороны ее соседей, которое поведет за собой нарушение целостности русской государственной территории, донныне с достаточным успехом охраняемой советской властью и ее дипломатией: помогать этой дипломатии есть патриотический долг русской эмиграции»³²⁰.

Другой «зубр» эмиграции П. Б. Струве и его сторонники в 1934 г. считали иначе: «Советская власть не есть русская власть: Россия оккупирована властью ей чуждой и органически ей враждебной; эта власть органически враждебна не только по отношению к России, но и ко всякой другой власти во всяком другом государстве; именно как с такой, органически враждебной властью с ней надлежит считаться каждой иностранной державе... Советская власть не имеет никаких шансов улучшаться с течением времени — идея органической эволюции ей чужда, и она совершает „эволюции“ лишь в плане тактическом... по прежнему советская власть ждет лишь случая, чтобы обрушиться всеми своими средствами на культуру „буржуазную“, ей принципиально враждебную. Напротив, Хитлеровская Германия, при всех ее внутренних пороках, есть явление исторически враждебное советскому строю и в этом качестве выполняющее роль защитника западноевропейской культуры от грозящей ей с востока смертельной опасности. То же *mutatus mutandis* надлежит сказать о современной Японии... Нужно прежде и превыше всего думать об его (СССР — В. К.) свержении, которое при настоящих условиях может стать результатом сравнительно незначительного толчка извне; вопрос территориальной целостности России не должен быть во всех

случаях рассматриваем как основоположный при господстве большевиков в России, тем более, что самое господство в России советской власти есть наибольшая угроза целостности России и может неотвратимо повести к ее конечному внутреннему распаду»³²¹. Какие-либо комментарии здесь не нужны: все предельно четко и ясно. Но, тем не менее, у Струве в годы Великой отечественной войны или Второй мировой войны, или советско-германской настроение было иное: в победе русских над врагом он не сомневался. Об этом есть стихотворение В. Л. Гальского, посвященное «Великому старцу» Струве³²².

Предвоенные годы «Как невесту Родину мы любим, бережем как ласковую мать»

24 марта 1938 г. Кирилл Владимирович в своем обращении писал: «Долгие уже годы я веду борьбу за восстановление на родине исторического строя („Царь и Советы“ — это другая форма государственного устройства. — В. К.), при котором она веками крепла и развивалась, не личные побуждения заставляют меня бороться за русскую законную монархию, а уверенность в том, что она одна способна изгладить все зло, причиненное смутой России и ее народам.

Недовольство народных масс, навязанной стране диктатурой проявлялось с начала революции в разных формах, но могло казаться, что хотя бы люди, возвысившиеся при этой диктатуре, преданы ей. События последних лет, последнего года, в особенности, показали, однако, что и среди этих людей, достигших власти, почестей и материальных благ, беспрестанно возрастает брожение.

В окружении самого диктатора постоянно возникают заговоры, попытки — пока не увенчавшиеся успехом — свергнуть тираническую власть, исходят из среды, с нею тесно связанной. Более убедительного доказательства общей ненависти к существующему строю не может и быть.

Диктатор всюду видит измену. Ему не на кого положиться. Он беспощадно уничтожает своих действительных или мнимых противников. В кровавой борьбе с оппозицией, проявляющей себя во всех областях государственной и хозяйственной жизни страны, диктатура громит государственный аппарат, подрывает военную мощь России и разлагает ее вооруженные силы. Этим диктатор доказывает всему миру, что им руководит лишь властолюбие, что он преследует личные цели, что ему чужда забота о благе народа.

Он, однако, клеймит, как „врагов народа“ всех, кого он подозревает в неверности самому себе, но первый и подлинный враг народа — он сам.

... При неизбежном крушении нынешней диктатуры отсутствие новой власти, которая могла бы сразу взять в руки управление страной, грозило бы России неисчислимыми бедствиями (так не бывает: всегда найдется кто-то, который скажет — „Есть такая партия“ и подберет власть. — В. К.). Главной опасностью была бы новая граждан-

ская война, которая повлечет за собой угрозу расчленения государства и отторжение исконных русских земель... (Сталин уже успел воспитать в новом поколении ненависть к таким выступлениям и страх перед ними – В. К.) Для преодоления смуты, разлагающей русскую жизнь на протяжении почти четверти века, необходимо быстрое установление национальной власти. Это может быть обеспечено лишь законной монархией, строительство которой сочетает преемственность управления с новым духом и требованиями времени.

Монархия, основанная на единении нации, на уничтожении партийной и классовой розни, на религиозной терпимости и свободе совести, на равноправии всех народностей империи, на широком участии народа в управлении страной и хозяйством, на наследственности власти монарха, постоянного, беспристрастного и природного судьи, – спасет Россию от внутренней слабости и внешних опасностей и выведет ее на путь благоденствия и процветания... православная церковь... должна сохранить каноничное устройство... Никому, однако, не может быть возбранено прославлять единого Бога и в ином исповедании веры... монархия не несет кары и мщения. Она высоко оценит заслуги перед отечеством в годы лихолетья русских людей внутри и вне России и сумеет вознаградить их... Я не могу отдать должного усилиям русских военных, благодаря которым создавалась на суше, на море и, особенно, в воздухе вооруженная сила России. Воскрешение воинского духа и овладение современной военной техникой останутся заслугой военачальников, на которых поднялась преступная рука безумной власти.

Военное могущество нынешней России послужило гарантией неприкосновенности нашей земли. Вооруженные силы России, еще подвластные обреченной диктатуре, создавались на исконных воинских основах. Они составляют среду, в которой я вижу преемницу прежней военной силы России (все верно: Пугачев, Антонов – Суворов, Тухачевский!? – В. К.). Интернациональные теории, программы и лозунги не смогли поколебать в этой среде любовь к отечеству... Она – неотъемлемая и лучшая часть русского народа, наследница многовековой славы российских армии и флота»³²³.

Если революционаризм есть высшая форма патриотизма, то Кирилл Владимирович блестяще подтвердил свою репутацию. Но здесь важна не только его личность, но и мысли, идеи, перепутанные с «фразами». Можно с достаточной уверенностью говорить, что, по-

втория младороссов, он делал ставку на военный переворот и диктатуру мундиров. Именно армия своими победами будила надежды в эмиграции, тем более что была, не удержусь от иронии, и традиция.

В августе 1938 г. читатели «Бодрости», в связи с вооруженными провокациями страны Ниппон в районе озера Хасан и занятия японцами сопки Безымьянной и Заозерной, могли прочесть слова кавалера пяти орденов Красного Знамени, маршала Блюхера: «Какое солнце вы предпочитаете видеть на Дальнем Востоке? То ли, которое красуется на японском флаге, или восходящее солнце новой русской государственности, начинающее согревать нашу родную землю после очищающей революционной грозы»³²⁴.

Эти слова, произнесенные еще в 1922 г., не теряли своего значения уже потому, что речь шла о русской земле, о территориях, освоенных еще российскими мужиками и казаками. Как и в Советской России, в младоросской прессе патетически писали: «Сопки Безымьянная и Заозерная стали заслуженными горами страны. Когда-нибудь вершины их будут украшены памятниками. Они сослужили нам, русским, великую службу. На склонах их, — подчеркивал Казем-Бек, — русский дух претворился в кровь. Эта кровь была пролита за отечество, за землю — за русскую землю, ради ее обороны и неприкосновенности... они превратились в вершины русского сопротивления... Отечество в опасности — вечная магическая сила, стремительно мобилизующая патриотизм... Будущее России — в русском патриотизме. Борьба за отечество есть, прежде всего, за оборону отечества. Сегодняшний режим не облегчает, а затрудняет эту борьбу. Русские патриоты, русские националисты именно поэтому должны противостоять ему»³²⁵.

Отсюда следовал еще один лозунг: «вся власть Армии». Только она могла, разгромив начисто императорскую Японию, привести к свержению Сталина, к национальной революции. Несмотря на всю слабость, даже безнадежную беспомощность таких рассуждений, эти мысли в младоросской среде имели успех. Почему? Ответ может быть один: вера в действие, в армию, в народ-строитель. Но зыбучий романтизм младороссов не учитывал твердокаменности «комсомольцев-добровольцев», сталинских соколов.

При этом замечу, что само существование патриотизма держится отчасти «благодаря» войнам!?

А как же дух?!

К этому вопросу можно подвести рассуждения К. Елиты-Вильчковского. Говоря в 1938 г. о расизме, как идеологической базе будущей войны против СССР, он подчеркивал, что этот «племенной» феномен дает плоды даже в свободолюбивой Франции, где газета «Матэн», говоря о России, заявляла о том, что 180 миллионов «двуногих животных», «предводительствуемых животными», «не интересны для цивилизованного мира». В Италии, продолжал Елита-Вильчковский, газета «Дифеза делла Рацца («Защита расы») писала о запрете властей возможности брачных союзов между итальянцами и турками, а также «представителями славянизированных народов азиатского происхождения в Восточной Европе, к которым принадлежит основная масса москвитов или великороссов»; в свою очередь газета «Верита» обращала внимание на то, что «для Советского Союза после мюнхенского поражения остается одно: судьба Австро-Венгерской империи»³²⁶.

Читая эти строки, многие русские люди, вероятно, вспоминали Александра III, завещавшего нам помнить, что единственными союзниками России являются ее армия и флот.

А пока следовало в очередной раз довольствоваться заклинаниями о необходимости устранения Сталина! В статье «Новая Европа» (6 марта 1938 г.) Казем-Бек писал: «Власть самодура, окруженного маньяками „мирового пожара“, все еще тяготеет над нашей страной и подрывает ее обороноспособность... Удары... по... оплоту нашей независимости и великодержавности — по армии — показали всему миру, что в России господствует власть не только паразитарная, но и вредительская... В настоящее время нет, и не может быть, иной переходной власти, кроме власти военной... После Мюнхенской мирной конференции, когда рождается новая Европа, нашим единственным лозунгом... может быть только: ВСЯ ВЛАСТЬ АРМИИ»³²⁷.

Итак, надежды на человека-строителя не оправдывались: оставался уже проверенный человек с ружьем!

12 апреля 1938 г. К. Елита-Вильчковский выступил в «Бодрости» с замечательной во многих отношениях статьей с громким названием «Время революционеров». Итак: «То сотрудничество, которое мы предлагаем наследникам сталинской диктатуры, — поскольку они не будут представлять сил антирусских, антигосударственных, пораженческих, центробежных, — есть лояльное сотрудничество ради блага России, ради защиты русского единства и неприкосновенности рус-

ских границ — первого и необходимого условия дальнейшей борьбы за русское будущее. Роль первой советской партии сводилась к тому, чтобы ускорить крушение старого мира и, освободив миллионные массы от всех духовных, исторических, национальных, социальных и хозяйственных уз, совершить прыжок из царства необходимости в царство свободы (!!! — В. К.). Роль второй советской партии сводится к тому, чтобы путем учета всех духовных, исторических, национальных и хозяйственных необходимостей обеспечить безболезненный переход из царства данного в царство возможного, из мира, где действительность складывается из борьбы фантазии с силой вещей, в мир, где действительность определяется силой вещей, управляемой, организованной, одухотворенной и преображенной... Если прямое участие в событиях для нас закрыто... мы... посредники между внешним миром, не связанным еще с нарастающими революционными силами в России и фактическими осуществителями назревающего переворота, не знающими внешнего мира, не ощущающими его сочувствия и его поддержки. Конкретно: наша революционная роль в это „время революционеров“ в революционных событиях завтрашнего дня заключается, прежде всего, в ускорении революционных событий путем обеспечения оппозиционным силам поддержки извне — поддержки со стороны тех, кто стоит за мощь и целостность России и сотрудничает со Сталиным только потому, что русское государство в их глазах олицетворяется им (это признание дорогого стоит! — В. К.). Мы знаем уже, что этому олицетворению приходит конец: новая государственность представлена Верховным Советом, а не генеральным секретарем разложившейся партии (распад и гниение они, что, увидели в появлении на страницах „Правды“ статей об истории России, ее характере? В политических процессах!? Романтики! — В. К.), новая мощь представлена Красной Армией — отбором техническим и патристическим, а не ежовским аппаратом... Наша посредническая роль уже вышла из области благих намерений (неужели дорога подошла к искомому входу?! — В. К.) и наша революционная задача требует от нас сейчас в первую очередь технического усилия (изучайте технику, работая на тех же заводах Рено, чтобы свои знания и опыт передать родине. — В. К.)»³²⁸.

Фантазии на тоненьких ногах, уже завязших в родимой почве, которой не они первые вдохновлялись и не последние проклипались.

И немного о посредничестве.

25 октября 1938 г. Казем-Бек писал в «Очаговой политулечебе»: «Без всяких серьезных иностранных связей мы в дальнейшем утратим всякую свободу действий вне пределов России, так как неугомонную политэмиграцию принудительно заставят „свернуться“ всюду, где она не будет опираться на влиятельные местные круги... без серьезных иностранных связей мы никогда не разрешим основной проблемы — финансовой, от разрешения которой зависит все будущее нашего Движения... без серьезных иностранных связей мы в будущем будем относительно бесполезны для нашей собственной страны. Последнее соображение приобретает особую актуальность теперь, когда с разгромом советской дипломатии и с расстрелом генералов... контакты между Россией и внешним миром свелись почти к нулю. Таким образом... одна из основных задач Русской политэмиграции в том, чтобы исполнить свою дипломатическую миссию. Следовательно, одним из аспектов Младоросской Партии является ее роль чрезвычайного посольства Русской Национальной Революции»³²⁹.

Итак, больше казаться, чем быть. Итак, опять мечтать и думать про себя... Далее по Пушкину.

В том же 1938 г. «Бодрость» в своей передовице писала следующее: «Персональный тиранический режим... можно было бы как-то сносить, в ожидании его постепенного упразднения — если бы только он не подрывал обороноспособность и международную действенность нации (не означало ли сия туманная абстракция необходимости расширения границ Советской России? — В. К.). Но поскольку этот режим пасует перед темпами нынешней международной борьбы, остается одно: эволюция должна привести к революции. Нужно еще раз поднять Россию на дыбы, поднять дисциплинированно, еще раз собрать воедино все едва восстановленные силы, и бросить Россию вперед по ее мировому пути (топча парижские бульвары, легко было казаться новым спасателем, объединяя в своих планах мечты Сталина и Троцкого — В. К.). Имя же лошадиного средства, необходимого для этой цели: военная диктатура... ВСЯ ВЛАСТЬ АРМИИ! (иными словами, старое как мир и излюбленное большевиками преторианское лекарство! — В. К.)»³³⁰

Только все эти рассуждения-призывы не укладывались в единую картину возможного очередного эпохального перелома, на которые так богата российская земля. Разумеется, надежды на армию были в некоторой степени вызваны «признаниями» героев процессов 1937 г. о своих антисоветских планах. При этом сторонники Казем-Бека, ви-

димо, считали, что в армии, тем не менее, есть офицеры, которые могут решиться на свержение Сталина.

Хотя со Сталиным, повторяю, все было неизмеримо сложнее. Месяцем позже, в феврале 1938 г. К. Елита-Вильчковский писал, что в сталинской политике сплетаются русские интересы и отзвуки марксистских теорий³³¹. По его мнению (К. Елиты-Вильчковского), именно древнее разделение на сытых и голодных предопределило создание современной блоковой системы: на одной стороне – сторонники передела мира, революционеры, на другой – охранители status quo, консерваторы. Блоки, продолжал он, созданы самой «жизненной необходимостью, перед которой бессильны все утопии (марксизма, расизма, Лиги Наций) и которая заставляет (хотя бы ценой угрызений совести) Сталина дружить с капиталистами, арийцев – с желтыми... Нужда подстегивает сближение, идеология его облегчает, демагогия превращает брак по расчету в нерасторжимый, священный, от века определенный союз. Все три элемента: экономический, политический, сентиментальный сливаются в одно и соединяют несоединимое...»³³².

Прекрасные слова, которые имеют и то достоинство, что их можно перевернуть, сказав, что любой священный союз можно разрушить по известным выше причинам. Примеров тому много: каждый может выбрать себе по вкусу.

Весьма интересны и жестоки объяснения Казем-Бека диалектики насилия: «Наступательная сила всегда обвиняется в зверствах. Обвинение в насилиях и произволе неизменно сопутствует слабеющей стороне. Люди, хотевшие завладеть дубиной, которая оказалась как раз не в их руках, называют себя антифашистами... Разве и в нашей эмиграции не голосили всех громче именно те, которым лавры и возможности Дзержинских, Менжинских, Ягод, Ежов... не давали покоя»³³³.

В свете размышлений о «браках по расчету» интересна сама оценка советско-германского пакта. Казем-Бек писал (27 августа 1939 г.): «Это все не значит вовсе, что пакт с Германией будет прочен. Во первых, пакты – вещь хрупкая и недолговечная. Во вторых... немецкие пакты особенно непрочный и скоропортящийся товар... И вот ненадежность пакта – его главный недостаток... В заключении можно сказать, что РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ НЕ ИСЧЕРПЫВАЕТСЯ СТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКОЙ (очень красиво, товарищ Сталин был бы доволен! – В. К.). Русский патриотизм может со временем примириться с Германией, если она решительно пойдет по пути, на

который она, как будто, готова встать. Но извинение за „Мейн Кампф“ должно быть дано НЕ СЛОВАМИ, А ФАКТАМИ. Русские пождут фактов. Пока же лить воду на немецкую мельницу они все же не будут. Япония, конечно, враг № 1. Японский империализм должен быть раздавлен. Но это не значит, что русские склонны поощрять развитие империализма германского. И поэтому немцам надо знать, что в сердце европейской войны СИМПАТИИ РУССКИХ ПАТРИОТОВ БУДУТ НА СТОРОНЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ (здесь не расплывчатые, следовательно, буржуазные „симпатии“ а политика определяет стратегию действий. — В. К.)»³³⁴

Гораздо откровеннее на эту тему писал в «Очаговой политучебке» в 1938 г. старший младоросс А. Георгиевич. По его мнению, «в основе деятельности Гитлера лежит не идеология борьбы с коммунизмом, как думают наши наивные пораженцы, а идеология мировой гегемонии германской расы... германская военная интервенция в России имеет своей задачей не восстановление великой, могучей державы, а присоединение к Германии русских земель... наши пораженцы утверждают, что большевизм „абсолютное зло“, а потому борьба с этим злом возможна всеми способами, даже с риском нанести смертельный удар Матери-Родине»³³⁵.

Здесь автор был абсолютно прав: многие военные «зубры» и «быки» эмиграции видели в Германии только орудие для возвращения на свою Родину, которая будет способна вернуть себе имя восточноправославной империи.

В феврале 1939 г. Александр Казем-Бек писал в статье «Немцы и мы»: «И тут и там утверждение „тоталитарного“ государства и „тоталитарного“ общества. И тут и там пожизненный фактически, хотя и не наследственный вождь, рассматриваемый не только как правитель, но и как учитель, почти пророк (в России общество, сплошь состоящее из интеллигентов, именно так всегда и рассматривало кормящую руку. Более того, руки даны многим только для одного — аплодировать, аплодировать и громко аплодировать! — В. К.). И тут и там принципиальная нетерпимость к религии, ко всем религиям, объясняемая тем же самым стремлением заменить все культы единым, опять же „тоталитарным“ культом господствующего, официального учения. И тут и там забота о своеобразной, но вполне параллельной „спартанизации“ населения, через соответствующее воспитание и тренировку молодых поколений... И тут и там... одинаковая система иерархической организации народа: „единая партия“,

руководящая страной по директивам вождя, фактически составляющая отбор, элиту, монопольно поставляющая „начальство“ во все отрасли жизнедеятельности народа... Разница в „мифах“. В одном случае миф избранной расы. В другом случае миф пролетариев всех стран. Борьба мифов объясняет все. Время развенчивает мифы. Избранность расы в современном мире – мире перенаселенном и цивилизованном – не может быть реализована. Это в лучшем случае отвлеченная ценность... Более того, всякая попытка к реализации такого мифа приведет к конкуренции в „избранничестве“. И тогда земля стала бы крошечным адом (люди так долго живут в нем, что перестали замечать его. – В. К.)... Миф мирового пролетариата развенчан еще ранее... Вавилонская башня „Интернационалов“ всех оттенков и нумераций насадила современные... национализмы. В их столкновении повинна та же горемычная Лига Наций, повинны эсперантисты (и велосипедисты! – В. К.) и масоны, люди Первого, второго и третьего Интернационалов... По существу русских и немцев может разделить лишь их национализм. Толкать их на взаимную борьбу могли бы только их национальные эгоизмы. Русский национализм в его новом просветленном и возрожденном облике ставит себе задачи творческие. Захватнические и разрушительные стремления ему чужды. Русский национализм поглощен вопросами строительства Союзной Империи Российского Мира. Русский национализм не имеет никаких задних мыслей в отношении Германии. Его отношение к Германии определяется отношением Германии к России»³³⁶.

Здесь Казем-Бек затронул ряд острых и вечных тем, о которых написаны «горы» книг. Поэтому позволю себе лишь несколько замечаний. Миф вечен, поэтому время не может его развенчать. Правда, миф может сменить венки. Теперь о «столкновении национализмов»: автор всюду видит «след» «homo sapiens», но не упоминает феномена иррациональности. И еще: судя по тексту, есть темный национализм и светлый, вернее, «просветленный». Это деление мне представляется весьма условным уже потому, что история, в особенности, ее исследователь в каждом отдельном случае меняют краски национализма.

Так было много упоминаний о национализме, что совершенно необходимо дать слово культуре, основному его компоненте.

В 1939 г. некто, спрятавшийся под инициалами «С. О.» (может быть, Сергей Оболенский? – В. К.), писал следующее: «В Советском Союзе... до недавнего времени, официально принятое понятие „куль-

туры“ почти не шло дальше устройств уборных (режимы приходят и уходят, а проблема остается! — В. К.). В эмиграции, напротив, „культуру“ слишком привыкли отождествлять с „тленом Империи“, воспринимая ее в чисто интеллектуальном, или в чисто эстетическом, и притом уже упадническом аспекте. Между тем культура — не просто устройство большого числа уборных, и не только интеллектуальное или эстетическое творчество. Культура человека или целого общества, — это их определенная общая настроенность... В современной Германии существуют ученые, без сомнения, владеющие в совершенстве всеми плодами германской научной и философской мысли, существуют художники, прошедшие через все эстетические искания современности, — но и те и другие оказались варварами, поскольку они поклонились плотским и, в конце концов, бесчеловечным богам национал-социализма... несмотря на Вагнера и Ницше, несмотря на ультра-модернистические формы послевоенного германского искусства, варвар сидел в них всегда. А что же в России? Остается ли русский человек культурным в самом основном, несмотря на американизацию (где, в фильмах ли? — В. К.), несмотря на серость „культуры“ сталинизма и, несмотря на почти полное отсутствие свободного интеллектуального творчества в Советском Союзе. Два обстоятельства свидетельствуют о том, что на этот вопрос надлежит отвечать положительно, во первых, отмечающаяся всеми иностранцами человечность личных отношений в Советском Союзе, во вторых, напряженность духовных исканий среди новых русских поколений, засвидетельствованная всей советской литературой. Если же верно, что громадное число людей в России идут учиться не для того, чтобы занять доходное место, а для того, чтобы узнать, как устроен мир, или для того, чтобы быть в состоянии с толком читать Пушкина или написать приличную картину, то эти люди уже культурны, в самом основании... уже готовы к восприятию и русской религиозной философии, и русского искусства, и всех вообще плодов старой русской и мировой культуры. Из них и образуется новая духовная элита, отбор, являющийся таковым не только потому, что в нем будут и пушкинисты, и философы, и художники, но, прежде всего, потому, что ко всякой деятельности вообще он будет подходить с двумя основными и исконными качествами русской духовной культуры: с уважением к человеческой личности и с уважением к ценностям человеческого духа»³³⁷.

В сущности, здесь опять вера, надежда и любовь к своей России.

В 1939 г. «Бодрость» шутила: «От коммунистической партии в России остался сейчас только „Краткий курс ВКП (б)“, а от коммунистических доктрин длинная история их уничтожения»³³⁸. Легко им умным было!

В октябре 1938 г. А. Л. Казем-Бек, вновь обращаясь к проблеме тоталитаризма, утверждал, что все тоталитарные режимы суть революционные. Объясняя свою мысль, он писал: «Новая эпоха порождает тоталитарность. Если революция захватывает страну, в ней утверждается тоталитарность... когда три великих державы, как Россия, Германия и Италия утвердили на своих территориях... определенную тоталитарность внутренней политики, можно ли было ждать, что международная жизнь будет ограждена и отмежевана от этого новшества?.. Дело в том, что революционный цикл мировой истории далеко не закончен. Мировая революция нарастает. Ее процесс в полном развитии... Каждая страна участвует в мировой революции через свое внутреннее обновление. Чем менее революционно по форме это обновление, тем счастливее данная страна. Но эволюционные формы обновления не всем даются... Пока мировая революция не завершилась... нечего надеяться на лучшую жизнь. Революции, как результат исторической необходимости, всегда оправданы (например, задним числом. — В. К.). Они всегда приводят к стремительному прогрессу. И после них жизнь стабилизируется на новом и высшем уровне. Нет основания для пессимизма в прогнозах. Человечество построит новый и лучший мир... Закон концентрации силы, закон тоталитарности подчинил себе фактически всю планету»³³⁹.

Много «умной воды» и веры в «светлое будущее». Вероятно, цель всех этих строк заключалась в одном — в утверждении того, что революция в своем «тоталитарном смысле и качестве» оправдывает средства.

12 ноября 1939 г. в передовице, озаглавленной «К новому миру» Казем-Бек, опережая время и предвосхищая международные инициативы, писал: «Но наше дело, дело всех нас, всех современников отдать себе уже сегодня отчет в том, что свержение Гитлера еще ничего не решит в области „конструктивной“. Пока надо, разумеется, прежде всего, обуздать этого виновника мирового разбоя. И пусть это непосредственная цель войны. Но за этой целью войны, непосредственно и сразу встанет цель мира.

Новый мир должен быть построен и организован так, чтобы четверть века спустя он не привел к новой, третьей великой войне. Тако-

ва аксиома, перед которой будут поставлены устроители этого нового мира...

Нашей России будет принадлежать первое место в ряду держав, на которых ляжет ответственность за мир всего мира, за утверждение нового вселенского равновесия, за осуществление международной справедливости, за создание мировой гармонии на месте мирового хаоса.

От нас, русских, зависит, чтобы наша Империя была достойна своей великой миссии»³⁴⁰.

Ему вторил Д. А. Городенский в своей статье «Европа после Гитлера»: «Младороссы — убежденные сторонники „мировой гармонии“, т. е. добровольного сочетания интересов всех свободных народов мира, основанного на взаимоуважении и понимании, а не на силе оружия, завоеваниях, расизме или безумных умозаключениях людей „сошедших с рельсов“.

Роль России определяется ее географическим положением между Азией и Европой. Ее задача — дать пример другим, создав социальную справедливость и материальное благосостояние прежде всего у себя, на своей территории, и затем уже, со всем спокойствием отсюда вытекающим (и доказавшим свое превосходство) распространять свой идеал, не прибегая к огню и мечу. Будем и станем сильны, но не с тем, чтобы злоупотреблять нашей силой.

Россия должна охранить себя на Западе, не насилуя национальной жизни малых народов, не отнимая их достояния и играя с открытыми картами. Проводя все меры, обеспечивающие ее безопасность, Россия не должна становиться пособником подозрительных и гнусных комбинаций, соучастником в „операциях кистенем из-под моста“. Мы же, младороссы, должны перед всем миром спасти лицо Российской нации»³⁴¹.

В 1939 г. формула русского национализма гласила: «Освободиться внутри, обороняться вовне». Раскрывая ее смысл, Казем-Бек писал: «Русского национализма нет в „красном“ лагере, в котором необходимость внутреннего освобождения — освобождения от сталинской тирании — не осознана и не признана. Русского национализма нет также... в том „белом“ лагере, в котором необходимость обороны от внешней опасности не понята. О том, с позволения сказать, „лагере“, в котором существует ставка на саму внешнюю опасность, говорить вообще не приходится. Это просто сборище отщепенцев — предателей русского происхождения, утративших право называться русскими»³⁴².

Здесь Казем-Бек практически разворошил эмигрантский муравейник. Проблема власти и средства по ее достижению были и оставались всегда центральными в эмигрантском интеллектуально-политизированном сообществе. Я не буду здесь говорить о генералах Шкуро или Краснове, видевших в будущей войне возможность посчитаться за изведенную ими горечь поражения и освободить Россию немецким оружием. Лучше приведу выдержки из статьи, опубликованной в 1939 г. «Новой России», известного всем Г. П. Федотова: «Власть Сталина менее всего советская. Давно уже было замечено, что лозунг „Вся власть Советам!“ звучал бы революционно в России... Нет ни малейшего сомнения в том, что в ближайшее... время государственной формой национальной России не может быть ни западный парламентаризм, ни монархия. Остаются советы... торопиться надо со Сталиным, а не с советской властью или с коммунизмом. „Долой Сталина“ – сейчас единственный общенациональный лозунг для поращенной России». «Коммунизма в России нет, – продолжал автор, – а партия сохранила от коммунизма только имя. Все настоящие коммунисты или в тюрьме, или на том свете. Партия стала лишь необходимым аппаратом власти в тоталитарно-демагогическом режиме. Она лишь приводной ремень, передающий очередные приказы диктатора страны». «Ради России, – писал далее Федотов, – мы должны желать в настоящий момент, чтобы власть перешла в руки честных и беспартийных людей (первый пункт нашей программы-минимум – уничтожение коммунистической партии и ее филиалов – ред.), специалистов государственной работы, а не расправы. Правительство красных командиров и инженеров, отдавших все силы обороне и хозяйству страны – вот о чем мы должны просить Бога для России... Будут ли они выходцами из народа, детищами революции или сынами старой России и старой интеллигенции, это все равно. Символически было бы прекрасно соединение двух слоев – старой и новой России – в одной правительственной команде. Численный перевес явно будет на стороне рабоче-крестьянской России, созданной октябрем. Вероятно, сохранится и символика октября, нам здесь одним чуждая, другим ненавистная. И от нас потребуется усилие ума и воли, чтобы признать желанное воплощение национальной России в новой форме „советской власти“»³⁴³.

Все это было близко младороссам, давно выступавшим с подобными идеями и предложениями в духе «согласия и примирения». Но

здесь опять-таки заметна старая черта интеллигенции, я говорю о прекраснотушии, которое не раз ее подводило в недавней истории нашего Отечества. Здесь каждый может вспомнить свой пример.

Так, в 1938 г. размышляя о «советском парламенте», Казем-Бек отмечал: «Эта роль может быть мала, но может быть и велика. Подобострастное подчинение Сталину не первый прецедент в истории. Конвент пресмыкался перед Робеспьером, пока не смог его раздавить. И наша Государственная Дума состояла не из одних светлых личностей, что не помешало ей свергнуть тысячелетнюю монархию и трехсотлетнюю династию»³⁴⁴. Александр Львович здесь не хочет видеть ни разницы французской и русской жизни, ни того, что вовсе не Дума срушила самодержавие, ни различия между пресмыкательством и покорностью, смирением. Он не желал замечать того, что фигура Сталина приобрела черты древнего героя, с именем которого связана вся жизнь и надежды и новое слово в истории.

Но, тем не менее, не одна политика занимала Казем-Бека. По его инициативе в Париже в декабре 1938 г. были созданы «Обеды за круглым столом». Их задача заключалась в том, чтобы «создать в среде эмиграции более культурную атмосферу, не смотреть больше друг на друга как на врага, не культивировать бациллы гражданской войны, не воспринимать другого как „мерзавца“ из-за различия политических взглядов»³⁴⁵. В них тогда участвовали многие знаменитости, например. Н. Тэффи, Р. Гуль, В. Ходасевич, М. Алданов, Н. Берберова³⁴⁶.

10 сентября 1939 г. Казем-Бек через «Бодрость» обратился к младороссам Америки. «В день объявления Францией войны Германии, — писал он, — вы должны запомнить, что младороссы в Европе с этого грозного дня приступают в полном единодушии к выполнению своего личного, младоросского, национального и имперского долга. Мы с нашими естественными „природными“ союзниками поднимаемся на борьбу с нашим общим врагом, вожделения которого направлены против нашей страны, против нашего Отечества и его достояния. Никакие „пакты“ не отменяют целей германского империализма, открыто выраженных и облеченных в доктрину национал-социализмом... Оружием, пером, мыслью, волей и прежде всего жертвой проложим мы наш путь — к м о л о д о й Р о с с и и!»³⁴⁷

Из военной почты.

Денис Давыдов писал своим друзьям из французской армии: «Наш идеал, создать нашей энергией и нашим мужеством новую эру благоденствия и спокойствия. Мы боремся всеми силами для дости-

жения этой цели, и если кто-нибудь у нас навсегда останется здесь, мы знаем, что память о нас всегда останется с Вами; и я надеюсь, что наша жертва не будет напрасной. Перед нами пример наших отцов и старших братьев, они сделали, что могли. Через 25 лет пришел наш черед. На этот раз мы должны сделать лучше, такова общая цель»³⁴⁸.

Однако так думали далеко не все: многие были недовольны громким заявлением Казем-Бека о предоставлении своей партии в распоряжение союзников. Некоторым младороссам показалось, что это заявление означает одно – конец свободе и независимости Младоросской партии. Оправдания центра, аргументы которого были основаны на общечеловеческой правде и справедливости, мировой совести, вызвали обратную реакцию: «Все они сволочи. Хотели, чтобы Россия еще раз таскала для них каштаны из огня. Пускай потаскают для России»³⁴⁹. В этой сложной ситуации 1940 г. Н. Философов в письме к Александру Львовичу писал: «1. Внешняя обстановка – силы дерущихся не имеют большого перевеса ни с той, ни с другой стороны. Победа зависит в большой степени от дальнейшего поведения России. Трещины внутрипартийные – цементировать аргументацией русской, а не всечеловеческой. Цементировать с напором на младоросскость, а не с точки зрения отвлеченной правды, права и справедливости, свободы и прочего грима, которым мажет сейчас свою волчью харю старушка Европа. 2. Внутрирусская обстановка – два козыря в руках Сталина. Чем больше пахнет трупом от старухи Европы, тем опаснее для русского возрождения Сталин. Или национальная революция в России, или мировая завируха. И это независимо от того, какая лошадь проскачет по телу Европы. Верю, что Россия все-таки выгребет, пораженцы еще раз сядут в лужу, нам же надо сохранять нашу веру в Россию, как мы верили тогда, когда еще не могли доказать своей правоты ни эволюцией, ни пятилетками, давшими нам в руки уже только постфактум – доказательства. 3. Внутрипартийная обстановка: необходим пересмотр всей партийной организации, всего механизма и необходимы вехи для внутрипартийной работы. Строй мирного времени превратился в кашу. Эту кашу надо, во что бы то стало расхлебать»³⁵⁰.

Эвфемизмы в адрес Европы, надо полагать, объяснялись «русским провинциализмом», не простившим просвещенным европейцам их «предательства» в 1917 г. А острый тон письма был вызван зигзагами генеральной политлинии «впечатлительного» Казем-Бека, как например, «поездки в Италию давали перегиб в сторону фашиз-

ма. Встречи с французскими депутатами — переоценки демократической формы правления»³⁵¹. Однако здесь, если и обвинять кого-то в «чрезмерной впечатлительности», то этого самого автора, забывающего, что истории противна статичность, и, наоборот, свойственна живая игра. Весьма спорна и «правда» Философова, утверждавшего, что «развитие людей идет со ступеньки на ступеньку. Семья, род, племя, народ, нация, человечество. Большинство тех, для кого предназначена генеральная линия — только что из белых и красных превратились в русских националистов и на ступень „всечеловечности“ они еще не перешагнули. Чрезмерный перегиб в сторону мировой правды, как аргументации, в данный момент будет бить мимо цели»³⁵². Начало хорошее, но конец явно смазан: «всечеловечность» для Казем-Бека означала совместную борьбу Франции с угрожавшей СССР Германией.

Относительно «мировой правде» замечу, что это понятие относится к числу вечных мифов, которыми кормится человечество, правда, весьма плохо, в кризисные моменты его истории. В каждом конкретном случае суть этого феномена определяется ее толкователями и временем распространения. В нашем случае обращение к ней обусловлено было разгоравшимся военным пожаром, точнее, переделом мира. Поэтому мысль Философова не была лишена смысла, учитывая его ненависть к просвещенной Европе.

Излагая свое видение ситуации, Философов, писал: «... этот национальный подъем должен быть пропитан насквозь русскостью, он должен быть связан с духом и плотью России. А ты нам доказываешь, что нужно умирать за Данциг! Никаких Европ! и особенно не связывать... нац. русские интересы с какой-нибудь европейской коалицией, — это большая ошибка. Мы с каждым, чьи интересы совпадают с нашими. Мы против всех, если интересы их нам угрожают. Ставить ставку определенно на кого-нибудь, это ошибка в плане государственном, это ошибка даже и для нашего эмигрантского муравейника, ибо она ведет к печальным последствиям. Ты знаешь, что некоторые русские организации ставили ставку на определенную диктатуру и диктатора. Все остальные русские для них были жидовствующими, продавшимися и т. д., и они их „разоблачали до конца“ и тоже „топили“... Мы ничем не можем сейчас сказать чтобы защититься, кроме как — что мы ни европофобы, ни европофилы, мы — русские... Мы молчим и живем одним сознанием: какое счастье быть русским, сыном великой страны! у которой все есть, ибо это мир, которой ниче-

го не нужно! и особенно „великих европейских событий“. Русскому миру нужен мир – нужно лучшее, справедливейшее устройство жизни. Борьбе за справедливейшие нормы жизни – государственной и социальной – мы должны отдавать все свои силы и только когда это будет достигнуто, может проявиться самая значительная черта русского духа: его всемерность и всемирность. Только тогда вы сможете написать в заголовке „Бодрости“ слова Достоевского: „Русский человек сочувствует всему человеческому, без различия национальности, крови и почвы“... А сейчас должны думать, трудиться и жертвовать только русскому миру и народу. Иначе... В советском романе „Барсуки“ руководитель восставших крестьян (уже при сов. власти) говорит: „А нас забыли? Мы даем труд, хлеб, свою кровь! Нас забыть нельзя“ и в другом месте: „А то возьмем, разобьем город и перепашем плугом... Пусть хлебушко растет. Нас забыть нельзя“. Это забытие первейшего и необходимейшего есть самое страшное и роковое. Это есть разрыв. Мы не должны забывать народ, его желание, стремление, даже когда перед глазами маячат „великие события Европы“ и „великий Данциг с Гдыней в придачу“! Это наш первый долг позаботиться о тех, кто держал и держит нашу империю. Мы верим в наш народ, он выгрет, устроит свою жизнь, усилит мощь... будет благоденственным для мира всего мира. А прибавив к этому русское чувство всемирности и человечности Россия тогда в полной мере выполнит свое высокое историческое назначение среди других народов»³⁵³.

Мы все время страдаем именно от поляризации, от «общего»!

Пока русская молодежь сражалась на фронте, а ее лидеры искали «русскую правду», эмигрантская элита проигрывала и вариант войны англо-французской коалиции против СССР. В апреле 1940 г. В. А. Маклаков писал: «1. Первый... простейший способ борьбы – это с самого начала опереться на существующие в СССР сепаратизмы. При переходе кавказской границы можно провозгласить борьбу за освобождение Грузии, Армении, Азербайджана и т. д. в надежде найти поддержку среди местного населения. При операциях на юге России можно поставить ставку на гг. Шульгина и К°, на украинские сепаратистские течения, созданные и вскормленные когда-то германским генеральным штабом ради торжества прусского милитаризма и пангерманизма.

2. Второй способ борьбы, на первый взгляд очень ненадежный и, пожалуй, смахивающий на рискованную авантюру, это ставка на

внутренние революционные процессы, которые пока что таятся под спудом, но могут быть в известных условиях вызваны наружу... В первом случае... союзники должны считаться со следующими весьма возможными последствиями.

При опоре на сепаратистов союзники самим методом войны ставят советскую власть в весьма выгодное положение. В глазах населения она перестает быть ответственной за бедствия войны, напротив, она окажется в положении защитницы единства русского государства, охранительницы интересов русского народа. Опора на щирых сепаратистов, несомненно, вызовет величайшее опасение среди широких масс народа, пробудит дремлющие националистические инстинкты, объединит власть и народ в деле защиты жизненных интересов русского народа... Но даже в случае успеха, который потребует неисчислимых жертв от союзников, последствием такой политики будет вероятная балканизация России, что явится для Европы, и особенно для Франции, источником великих опасностей и потрясений. В России проснутся острые националистические течения. Очень скоро начнутся междоусобные войны... Совсем в другом положении окажутся союзники, если они сразу отбросят идею раздела России, если они с самого начала борьбы провозгласят лозунг „борьба за свержение Сталина и коммунизма в России“»³⁵⁴.

А ЗАЧЕМ, ПОЗВОЛЮ ЗАДАТЬ ИРОНИЧНЫЙ ВОПРОС, НЕ ВСЕ СРАЗУ? РОССИЯ ВСЕГДА БУДЕТ НУЖНА МИРУ ПРОСЧИТЫВАЕМОМУ. ВОПРОС ТОЛЬКО В ОДНОМ: РЕЧЬ ИДЕТ О БУМАЖНОМ ТИГРЕ ИЛИ О... НАСТОЯЩЕМ?!

В марте 1939 г. в статье «Украинцы или сепаратисты?» А. Л. Казем-Бек писал: «Мы признаем права народа, населяющего нынешнюю Украину, древнюю Малую Русь, из которой выросла наша империя, как на права всех народов этой Империи. Но между „всеми“ народами ее и народом Украины есть существенная разница. Украина населена одной из трех ветвей великого восточного славянского мира. Из Малой Руси, ставшей Украиной России, пошло все, что составляет нашу сущность, нашу судьбу, нашу силу. **УКРАИНА НЕ ТОЛЬКО РАВНОПРАВНЫЙ, НО И РАВНООБЯЗАННЫЙ ЧЛЕН НАШЕЙ ИМПЕРСКОЙ СЕМЬИ.** Ее географическое положение, ее природные богатства, ее данные и возможности — необходимое сложение в сумме имперского могущества»³⁵⁵.

Эту тему развивал и князь Сергей Оболенский. В марте 1939 г. он писал следующее: «Идею империи и ее существование мы будем

защищать до конца. И при том теми средствами, какие потребуются. Но не для того, чтобы восстановить Валуевский циркуляр (не смей писать на украинском языке, которого „не было, нет и не может быть“ в 1863 г.) или заставлять служить в Тифлисе обедню по русски... Утверждая, что Украина есть Русь, мы в то же время должны доказать Украине, что не смотрим на нее как на колонию Москвы... мы должны показать грузинскому народу, что нет речи о превращении Грузии в Тифлисскую и Кутаисскую губернии. Психологическая атмосфера должна быть расчищена. Сделать это может только сильный, т. е., конечно, мы, народ-гегемон»³⁵⁶.

Все правильно, только доказательства могут растянуться на века — пока не возникнет новая историческая общность... И еще. О гегемоне. Над ним всегда игемон. И избранность зачастую влечет за собой жертвенность.

Сопоставляя Сталина с Гитлером, Н. Философов писал в феврале 1940 г. А. Л. Казем-Беку: «Сталин знает Гитлера. Гитлер знает Сталина. Каждый считает себя и умнее и хитрее. Кто из них окажется умнее и хитрее? Думаю, что Сталин, потому что в нем нет той истеричности, как у Гитлера. Гитлер менее способен сдерживать свои чувства и контролировать своим сознанием, поэтому у него будет больше просчетов. Мы все время настаиваем на „Майн кампф“ и на том, что Гитлер не отказался от похода на Восток, кем бы он ни прикидывался. Будет не совсем логично в то же время говорить, что Сталин давно отказался от мировой революции и держится только за власть. Мой взгляд по-прежнему: Сталин играет на двух лошадях и его генеральная линия до игры по банку вычерчивается по точкам, которые образуются в каждый данный момент от пересечения линии мирового пожара и линии национального бонапартизма. Причем я считаю, что, так как от мысли о мировом пожаре он не отказался, то второй козырь, козырь национального бонапартизма он держит про запас, на случай неудачи „красной лошади“. Он считает, что жизнь работает на него. И именно поэтому, как только в Европе начинает пахнуть бардачком — нахождение Сталина во главе страны для России становится более опасным. Или национальная революция или мировой бардак. Пока у власти Сталин — третьего выхода нет»³⁵⁷.

Эти звонкие размышления ответственного младоросса свидетельствуют, что не только у рядовых членов партии, но и у некоторых ее руководителей было плохо с логикой и умением оценки политической ситуации. Сама идея национальной революции, о ко-

торой так грезил младороссы, может считаться утопичной или мертворожденной уже по тому, что она была не нужна там, где у власти были «младороссы» с партийными билетами членов ВКП (б). Это не парадокс — это алогизм истории, которыми она полна.

И начавшийся отсчет «бардака» в Европе после провала в Испании, после Мюнхена отчетливо показывал, что время аллюра «красной лошади» прошло. Иное дело «славянский кентавр». Еще в 1934 г. «Младоросская искра» в одном из своих материалов о путях спасения родины от грядущего Интернационала по ее эксплуатации как бы мимоходом отмечала важность опоры на славянские народы, для которых «разгром России означал бы начало их собственного конца»³⁵⁸. Эта мысль была развита позднее в речи Сталина от 28 марта 1945 г.: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе с друг другом против нашего общего врага — немцев. Вся история жизни славян учит, что этот Союз нам необходим для защиты славянства... Как в первую, так и во вторую мировую войну больше всех пострадали славянские народы: Россия, Украина, белорусы, сербы, чехи, словаки, поляки. Разве в этой войне не то же самое? Разве Франция больше пострадала? Нет. Французы открыли фронт немцам. Немцы слегка оккупировали северную часть Франции, а южную даже не тронули. А Бельгия и Голландия сразу подняли лапки кверху и легли перед немцами. Англия отделалась небольшими разрушениями... Значит, больше всех страдали от немцев славяне... мы, славяне, должны быть готовы к тому, что немцы могут вновь подняться на ноги и выступить против славян. Поэтому мы, новые славянофилы-ленинцы, так настойчиво и призываем к союзу славянских народов. Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, т. к. знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу, для этого требуются соответствующие условия... В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства. Заключив союз, славянские страны могут оказывать друг другу хозяйственную и военную помощь. Мы можем это делать теперь с большим успехом»³⁵⁹.

Нам известно, что «соответствующие условия» были созданы для создания славянского блока на коммунистической основе. Однако он

«рассыпался», не выдержав «звукотрагическую бездарность» «слуг народа». Вопрос в другом: сможет ли он возникнуть вновь, но на иной основе? Может, но только в том случае, если Россия обретет былую мощь. Только какой она будет и на чем она будет построена? Если наше мировоззрение опять будет «грешить» смешением понятий типа «славянофил-ленинец», то очередной крах будет неизбежен.

Возвращаясь к младороссам и славянству, следует еще раз обратиться к Казем-Беку, который в 1939 г. писал: «Помимо чисто принципиальных соображений, мы не можем забывать, что славянские народы в Европе должны быть ограждены нами — и вовсе не из сентиментальности... от германского засилья. Западные и южные славяне так уж расселены, что они могут увеличивать „потенциал“ либо нашей империи, либо германской.

В настоящий момент под германским игмом томится — это выражение надо в данном случае понимать буквально — свыше тридцати миллионов славян разных национальностей, которые еще к началу текущего года не были подвластны немцам и жили в рамках своих национальных государств.

Надо быть лишенным не только всякого имперского, но и просто национального русского чувства, чтобы не понять, что с таким положением мириться не могут ни русское достоинство, ни русская честь, ни элементарные русские интересы»³⁶⁰.

Более того, сама борьба с Германией должна будет помочь обрести славянское единство в форме федерации «во всяком случае, культурной, — вероятно экономической — может быть государственно-политической... Из будущего единения славян возникнет великая мировая сила. Она нужна всему человечеству. Она позволит утвердить мир всего мира»³⁶¹.

В сущности, здесь то, о чем писал Леонтьев и напишет Сталин.

Высокие слова, благородные мысли, патриотизм стремлений не заслоняли и необходимости реформ в партии, в которой, как отмечал Философов, «строй мирного времени превратился в кашу. Эту кашу, во что бы то ни стало надо расхлебать»³⁶². Особенно плохо обстояли дела с начинавшей тухнуть «головой» партии. «Бардак, — отмечал Философов, — дошел до того, что даже на собраниях ответственных младороссов — этого отбора из отбора — нельзя открыто ни о чем высказываться, потому что совершенно не знаешь — кто друг, кто враг. Между словами и практикой получилось такое расхождение, которое совершенно подрывает веру в наши способности осуществ-

вить, что бы то ни было на деле, какие бы красивые проекты мы не писали на бумаге... Наша машина — Младоросская партия — идет сейчас плохо. Тем более необходимо пересмотреть монтаж отдельных частей и сделать ремонт. Иначе до Национальной революции на этой машине мы не доедем»³⁶³.

Были здесь и прямые виновники, например, одним из них, по мнению Философова являлся Кирилл Елита-Вильчковский. В своем письме к Казем-Беку он подчеркивал невозможность сотрудничества «с генеральным секретарем на тех условиях, на которых он только и понимает слово „сотрудничество“: стоять перед ним на задних лапах и рабски выполнять любое его желание. Человек, который, имея все возможности, за 10–15 лет не создал около тебя или около себя, как генерального секретаря — группы людей, которая действительно работала бы как генеральный секретариат — не может и не имеет права претендовать на то, на что он претендует до сих пор, на роль Сталина при живом Ленине (вот это лезть! Учиться надо! — В. К.)»³⁶⁴.

Говоря о внутривнутрипартийной ситуации, Философов обращал внимание своего начальника на увлечение младороссов «иллюзиями» о том, что «центр имеет связи с Россией, что и подготовка национальной революции пропагандой в России ведется и много других вещей в Партии живо, вещей, которые мы здесь уже считаем иллюзиями». Вся вина за сложившееся положение вещей возлагалась Философовым на генерального секретаря, ответственного за политическую подготовку младороссов³⁶⁵.

Итак, два медведя не могли ужиться в одной берлоге. И Философов, конечно, стремился исправить ситуацию, предложив свое решение. В своем письме к Александру Львовичу он низал следующие строчки: «За рубежами России надо переключаться на работу в размерах Младоросского движения. Этап партийности имел отрицательные стороны скорее из-за того, что сами младороссы не смогли подойти к работе и заданиям в широком масштабе Движения, а замкнулись в партийности. Даже более того — усилия работы внутренней направлены к тому, чтобы создавать орден и вместо формулы: орден на службе у Младоросской Партии и Младоросская Партия на службе у Младоросского Движения, получается обратная формула: и Движение и Партия стали не только как бы подсобными организациями, обслуживающими Орден, а как бы даже в глазах младороссов и партия и Движение стали „колониями, населенными низшей расой, обя-

занной обслуживать Орден и в ответ получать, если не презрение, то в лучшем случае снисходительно протянутые два пальца“.

То, что надо как-то переключить психологию младороссов из самозамыкания и самоуспокоения орденом на работу в рамках Движения, — это, безусловно, но, думаю, что это можно было бы сделать только путем постепенного внедрения этих мыслей с одной стороны, и постепенным же перестроением организации — с другой.

Орден — Партия — Движение — эту организационную сеть, по моему, нельзя разрывать упразднением среднего звена, потому что все равно в будущем нам, вероятно, придется еще раз возвращаться именно к периоду партийности, поскольку имеется несколько вариантов захвата власти в России Младоросским Движением (Бедная Россия, она всегда узнает последней, что с ней сделали или собираются совершить! — В. К.)»³⁶⁶.

И далее: «Мне кажется, что если около нас не образовалось за рубежами России именно Движения, то только потому, что наш руководящий состав слишком малочисленен и он просто не успевает вести, руководить, направлять и давать вовремя нужные указания на места. Мы не имеем возможности не только направлять наши же младоросские газеты в различных странах, но даже мы их не имеем возможности прочитывать, чтобы корректировать хотя бы задним числом и давать корректив на места, в редакции этих газет. Я не говорю уже о более мелких младоросских изданиях, которые вообще в Центре не читаются из-за недостатка времени. Вся наша партийная литература, кроме парижских изданий, идет почти самотеком. Отсутствие нужного числа руководящего состава и есть, по моему, главная причина нашего застоя и полного отсутствия около нас того кадра людей, который мог бы в своей совокупности дать именно Движение»³⁶⁷.

Соответственно предлагался проект, согласно которому все центральные органы Партии переименовывались в центральные органы Движения, членами которого автоматически становились сотрудники Младоросской Партии. При этом «сотрудник Движения давший добровольную подписку в подчинении партийной дисциплине — включается в кадры Младоросской Партии и становится младороссом»³⁶⁸.

Здесь можно долго дискутировать с младороссами, в головах у которых, по многим проблемам, по выражению одного из их лидеров, был, повторяю, полный «бардак». Важно другое: убеждение в том, что

Родина в опасности, подвигала их на ее защиту — одни, повинувшись призыву Казем-Бека, записывались в 1940 г. во французскую армию, другие видели свой долг в том, чтобы заявить себя ни европофобами, ни европофилами, а русскими. При этом многие из них видели долгожданный ветер перемен в том, чтобы «менять стулья»!

Н. Философов, вольно или невольно полемизируя с прекрасными строками Казем-Бека, писал 21 февраля 1940 г.: «Пусть коммунизм уже не тот, пусть в нем уже видны национальные переливы, пусть это уже новый „синтез“, — все это большого значения не имеет. „Или Русская национальная революция — или мировая завируха“ — вот что важно, потому что в мировом масштабе таким вот походным порядком может осуществиться только первый этап — разрушения, но никак не созидания — будь то коммунистического царства, будь то насаждение силой всему миру „нового советского синтеза“ через завируху, как этап к осуществлению... Поскольку в обоих случаях творческого этапа в мировом масштабе не предвидится, а все в этом случае сорвется на мировой завирухе и бардаке на многие лета, мы можем по-прежнему настаивать на своей старой формулировке: „Или Национальная революция или мировая завируха“. Третьего решения не дано. Наша ошибка последних лет именно в том, что искали третье решение»³⁶⁹.

Грандизность задачи не пугала младороссов, но все же заставляла их задумываться: выгодно ли Сталину в огне мировой войны разжечь мировую революцию? Довольно загадочна и фраза Н. Философова о неких «землях», которые останутся за Россией: что это — новые европейские владения советской империи? Совсем запутывает дело, выдвинутое им предположение о том, что «в случае победы союзников над...», далее следует зачеркнутое слово «Россией», замененное «Германией», «земли у нас могут отобрать». Здесь возможно несколько толкований: весьма вероятно речь шла о повторении революционной ситуации, созданной в 1917 г. Сам автор письма утверждал, что такой исход вполне реален: «дело лишь в том, что играет ли Сталин национальную карту или карту мирового пожара — тактика сегодняшнего дня в его положении, в том положении, в которое он сам себя поставил и поставил сознательно, — диктует ему действия, аналогичные действиям союзников в России в период нашей гражданской войны. Ловкость его именно в том, что он в любую минуту может повернуть и к национализму, и к мировой. Он далеко не такой головотяп, каким нам кажется с первого взгляда отсюда. Мне кажется, что не нужно очень уж сильно кричать о головотяпстве,

чтобы не быть похожими на зубров, обзывавших Сталина ишмаком».³⁷⁰

Безусловный интерес вызывает оценка Н. Философовым и внешнеполитической обстановки, анализ которой приводил его к следующим умозаключениям: «Победа над немцами без участия России — это мир за счет России. Значит, этого не должно быть ни в коем случае. Победа немцев над союзниками хотя бы и с помощью России — угроза для России. Значит, Россия должна будет сделать или крутой поворот, но еще не сейчас, а к концу войны. Тогда ей запоют все „алаверды“. Или выдержать равновесие борющихся сторон до состояния полного ослабления и тех и других. В этом случае где-то произойдет революция. Обе возможности перед Россией не закрыты. Оба козыря в руках Сталина. Опять та же тема белой и красной лошади. Чем будет выгодно сыграть, тем и сыграет».³⁷¹

Все эти размышления можно охарактеризовать любимым словечком их автора — «бардак» в голове. Единственное, что заслуживает внимание — это явная «зацикленность» на личности Сталина, как своеобразного творца той же национальной революции, о которой так долго мечтали младороссы. И здесь их вожди не могли соревноваться с «вождем всех народов», но признаться в этом им не хватало смелости. В то же время нельзя не отдать дань уважения их рассуждениям о поисках нового пути в Россию: «Для пересадки с эмигрантского поезда на поезд русский, нам нужно на какой-то момент синхронизация скоростей, иначе мы из эмиграции в Россию никогда не перепрыгнем. Перед самой войной, причем без всякой цели и смысла, у нас была сделана такая попытка синхронизации нашего зарубежного движения с текущей советской действительностью: видя в Молотове, Жданове и Андрееве преемников Сталина, лично с которыми уже нам лично придется сотрудничать, мы боялись в „Бодрости“ сказать хотя бы одно слово критики в отношении их. Война оборвала эту, немного бесцельную, лишний раз только шатнувшую кадры, попытку синхронизации... После этого мы шарахнулись в другую сторону и переборщили в нашей французской линии, отдавая, хотя бы и символически в распоряжение Даладье все кадры Младоросской Партии. Пути Младоросского Движения и путь советской России разошлись. Это расхождение для нас с каждым днем опаснее, потому что развязка приближается. Пока не было начала заvirухи, можно было и сомневаться в том, что что-то произойдет, что наступит перелом. Можно было считать, что это вопрос десятков лет. Но заvirуха началась. Есть начало — неизбежен и конец. А при кон-

це, без той же синхронизации мы в русскую действительность не включимся. Поэтому нам сейчас надо быть особенно осторожными, чтобы нас не посчитали в России за „прихвостней буржуазии“ и чтобы слово «младоросс» не стало таким же, как слово „белогвардеец“»³⁷².

Рассуждая о финской кампании Философов, замечал: «Сталин прошляпил, скажем, даже сголовотяпил, но раз война начата, она должна быть доведена до победы и мы за победу над финнами. Но приветствовать армию, несмотря на головотяпство Сталина, пробившую первую линию Маннергейма — мы в своей печати здесь не можем. Мы об этом и молчим. Но в то же время усиливаем ту часть формулы, которую говорить можно и мы кричим: головотяпы, шляпы, жопы. А у читателей впечатление: мы изменили сами себе: в мирное время о советской действительности ясные, яркие, светлые пятна, в военное время — только теньевые стороны»³⁷³.

Но здесь автор письма явно кокетничает своей советскостью — в младоросской печати было немало критических материалов, правда, в основном посвященных проблемам, связанным с деятельностью большевистского руководства.

В конечном итоге, корреспондент Казем-Бека приходил к мысли о том, что «мы победим только с Россией или вообще не победим. Рассчитывать на то, что за время войны мы приобретем здесь самостоятельно среди союзников достаточный вес для того, чтобы играть роль на мирной конференции и выручать Россию, если она засыпется, рассчитывать на это не приходится. Засыпется Россия, засыпемся с ней и мы. Важнее для нас не скомпрометировать себя в глазах русских националистов по ту сторону рубежа»³⁷⁴.

Интересно, кого считал Философов русскими националистами? Риторический вопрос. Можно утверждать, что речь шла о русском народе, защищавшем Россию, о «младороссах» с партийными билетами, обо всех, кому было дорого Отечество.

И в завершение скажу, что сами младороссы как бы проводили жизнь в своеобразном зале ожидания поезда в Россию, но уже без Сталина. В этом же скрывалась их инерционная сила, позволявшая сохранять себя длительное время. Однако вторая мировая война впрямую поставила перед ними проблему выбора пути. Она решалась в пользу «русскости», но этот термин мог толковаться по-разному.

Для одних, он выкристаллизовался в активное «оборончество» и защиту внешней политики СССР.

Для других, «русскость» в военных условиях определялась воз-

возможностью помочь той же Франции, вступив добровольцами в ее армию, для защиты от германской агрессии. Защищая Францию, они защищали Россию.

Для третьих, «русскость» диктовала необходимость защиты интересов Родины, веры в народ, в его великое будущее — «режимы уходят, нация остается».

Для четвертых, она проверялась в ходе борьбы с Красной армией в составе различных русских национально-освободительных формирований.

Для пятых, «русскость» требовала возвращения на Родину, даже если там и оставался Сталин.

Тем временем «национальная революция» откладывалась на неопределенное время — Гитлер наступал по всему фронту. Европейские младороссы теряли связи. Их мирная жизнь, нарушаемая лишь дискуссиями да интригами, уходила в прошлое. Младоросская партия растворялась в хаосе войны. Приходило время действий, время выбора. «Молодая Россия» как организация сошла с политической сцены, но ее идеи, размышления и сейчас представляют не только исторический интерес — они созвучны мыслям некоторых из тех, кто задумывается о судьбе и пути России.

* * *

Сам А. Л. Казем-Бек после нападения в 1940 г. Германии на Францию «вступил во французскую армию, но накануне отъезда в полк был арестован и привезен на стадион Роллан—Гаррос, а затем переправлен в лагерь Верне, где он встретился с десятками „младороссов“. Освобожденный в июле 1940 года после вмешательства своего друга, занимавшего пост в правительстве Виши, Казем-Бек покинул лагерь на носилках. Узнав, что немцы вызывают его в правительство Виши, Александр, как и многие его соотечественники, владельцы нансеновского паспорта, подготовил отъезд своей семьи в Соединенные Штаты. Отъезд стал еще более необходимым в июне 1941 года, когда Гитлер напал на СССР. Его семье понадобилось больше года для преодоления всех барьеров при получении разрешения на выезд из Франции... В октябре 1941 года они, наконец, прибыли в Нью-Йорк»³⁷⁵. В Америке на протяжении ряда лет Александр Львович сотрудничал в газете «Новая заря» (Сан-Франциско). В 1944 г. был приглашен в Йельский университет преподавать русский язык и литературу, а с 1946 г. — работал в Коннектикутском колледже в Нью-Лондоне. В 1954 г., после смерти Сталина, подал заявление о

предоставлении ему советского гражданства, которое получил в 1957 г. Вернувшись в СССР, получил работу в Московской Патриархии. Похоронен на кладбище Афонского подворья в с. Лукино под Москвой³⁷⁶.

Примечания

- ¹ *Рзаев А. К.* Мухаммед Али М. Казем-Бек. М., 1989.
- ² *Массин Мирей.* Истина — дочь времени. Александр Казем-Бек, русский эмигрант (1902–1977) // Звезда. № 10. 2000 г. С. 185–186.
- ³ Младоросская искра. 25 февраля 1933. № 27. С. 1.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Молодая Россия. Мюнхен. Июль. 1923. № 1. С. 1.
- ⁶ Там же. С. 2.
- ⁷ РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 18.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Ильин И. А.* Собр. соч. Дневник. Письма. Документы. (1903 – 1938). М., 1999. С. 512.
- ¹⁰ Справка. Центральный архив ФСБ России. 10/А–4584 от 19 декабря 2000 г.
- ¹¹ К молодой России... Сборник Младороссов. Paris, 1928. С. 59–61.
- ¹² Там же. С. 61, 62, 64.
- ¹³ ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 959. Л. 151–154.
- ¹⁴ Младоросская искра. 1 ноября 1931. № 7. С. 4.
- ¹⁵ РГВА. Д. 8. Л. 30–31.
- ¹⁶ К молодой России... Сборник Младороссов. С. 41.
- ¹⁷ РГВА. Д. 3а. Л. 7–8.
- ¹⁸ Там же. Д. 1. Л. 157.
- ¹⁹ Там же. Д. 3а. Л. 12.
- ²⁰ Младоросская искра. 1 декабря 1934. № 42. С. 2.
- ²¹ РГВА. Д. 18.
- ²² Там же. Д. 19. Л. 10–12.
- ²³ Там же. Л. 9.
- ²⁴ Там же. Д. 16. Л. 12 об.–13 об.
- ²⁵ Бодрость. 26 июня 1938. № 181. С. 3.
- ²⁶ Младоросская искра. 5 апреля 1933. № 28. С. 2.
- ²⁷ Бодрость. 11 августа 1935. № 41. С. 1.
- ²⁸ Младоросская искра. 20 сентября 1934. № 41. С. 2.
- ²⁹ Бодрость. 16 июня 1935. № 33. С. 3.
- ³⁰ Младоросская искра. 1 января 1934. № 35. С. 3.
- ³¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 922.
- ³² *Русев Р. Д.* Литературные газеты и журналы русской эмиграции в Болгарии (1921–1943) // Славяноведение. 2001. № 4. С. 87.
- ³³ Младоросская искра. 22 апреля 1934. № 37. С. 3–4.

- ³⁴ Там же. 1 декабря 1931. № 9. С. 3.
- ³⁵ Бодрость. 22 марта 1936. № 73. С. 4.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Младоросская искра. 5 января 1933. № 26, С. 4; 1 января 1934. № 35. С. 3.
- ³⁸ Бодрость. 22 марта 1936. № 73. С. 3.
- ³⁹ Там же. 5 марта 1939. № 216. С. 2.
- ⁴⁰ Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. М., 1999. С.109.
- ⁴¹ Там же. С.111.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Младоросская искра. 1 марта 1932. № 13. С. 3.
- ⁴⁴ Там же. 15 октября 1932. № 23.
- ⁴⁵ Там же. 12 июля 1932. № 20. С. 2.
- ⁴⁶ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. Материалы по истории сменовеховского движения. London, Ontario, Canada. 1973. С. 14.
- ⁴⁷ Младоросская искра. 20 апреля 1932. № 16. С. 2.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Арсеньев А.* У излучины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 142.
- ⁵⁰ Там же. С.143.
- ⁵¹ Там же. С. 148.
- ⁵² <http://nts.newmail.ru/docs/1935/rabota.htm> Национальный Союз Нового Поколения (1935). Работа члена Союза.
- ⁵³ Петрович Р. Младороссы. С. 6–7.
- ⁵⁴ Там же. С. 7.
- ⁵⁵ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 7.
- ⁵⁶ Там же. С. 7.
- ⁵⁷ Там же. С. 2.
- ⁵⁸ Младоросская искра. 5 августа 1934. № 40. С. 4.
- ⁵⁹ Там же. 5 апреля 1932. № 15. С. 3.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. 12 июля 1932. № 20. С. 3.
- ⁶² Бодрость. 22 марта 1936. № 73. С. 4.
- ⁶³ Младоросская искра. 1 февраля 1932. № 12. С. 4.
- ⁶⁴ Там же. 20 апреля 1932. № 16. С. 2.
- ⁶⁵ Там же. 5 апреля 1933. № 28. С.1.
- ⁶⁶ Бодрость. 26 января 1936. № 65. С. 2.
- ⁶⁷ Младоросская искра. 20 апреля 1932. № 16. С. 3.
- ⁶⁸ Там же. 25 мая 1934. № 38. С. 2–3.

- ⁶⁹ Там же. 5 апреля 1932. № 15. С. 3.
- ⁷⁰ « ... помочь другому разобраться я всегда готова...» Переписка Зинаиды Гишпиус с Анатолием Штейгером // Русская мысль. Париж. 4 мая 2000 г. № 4316.
- ⁷¹ Младоросская искра. 1 ноября 1932. № 24. С. 1.
- ⁷² Там же. 15 октября 1931. № 6. С. 1.
- ⁷³ Там же. 15 августа 1931. № 2. С. 1.
- ⁷⁴ Там же. 1 ноября 1932. № 24. С. 1.
- ⁷⁵ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934—1940. Сб. документов в 2-х книгах. Кн. 1. 1934—1937. М., 1998. С. 221.
- ⁷⁶ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934—1940. Сб. документов в 2-х книгах. Кн. 1. 1934—1937. — М., 1998. — С. 509.
- ⁷⁷ Там же. С. 510.
- ⁷⁸ Там же. С. 256.
- ⁷⁹ Там же. С. 253—255.
- ⁸⁰ Младоросская искра. 15 августа 1931. № 2. С. 1.
- ⁸¹ Там же. 1 ноября 1932. № 24. С. 1.
- ⁸² Там же. 15 октября. 1932. № 23. С. 4.
- ⁸³ Там же. 15 января. 1932 г. № 11. С. 1.
- ⁸⁴ Цит. по: Младоросская искра. 1 августа 1931. № 1. С. 4.
- ⁸⁵ *Пушкарев С. Г.* Воспоминания историка, 1905—1945. М., 1999. С. 91.
- ⁸⁶ Младоросская искра. 25 февраля 1934. № 36. С. 1.
- ⁸⁷ Там же. 20 сентября 1934. № 41. С. 2.
- ⁸⁸ Там же. 10 июня 1933. № 30. С. 4.
- ⁸⁹ Бодрость. 7 августа 1938. № 187. С. 3.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ *Кривошеина Н. А.* Четыре трети. С. 110—111.
- ⁹² Бодрость. 12 апреля 1938. № 172. С. 1.
- ⁹³ РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3а. Л. 43 об.
- ⁹⁴ Младоросская искра. 1 июля 1934. № 39. С. 4.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же. 1 февраля 1932. № 12. С. 4.
- ⁹⁷ Бодрость. 29 января 1939. № 211. С. 1.
- ⁹⁸ РГВА. Д. 8. Л. 86—87.
- ⁹⁹ Там же. Л. 51, 54.
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 1. Л. 4 об—5.
- ¹⁰¹ Бодрость. 12 июля 1936. № 89. С. 1.
- ¹⁰² Младоросская искра. 5 августа 1934. № 40. С. 4.

- ¹⁰³ Там же. С. 2.
- ¹⁰⁴ Там же. 1 ноября 1932. № 24. С. 3.
- ¹⁰⁵ Там же. 1 января 1934. № 35. С. 3.
- ¹⁰⁶ К молодой России. С. 46.
- ¹⁰⁷ РГВА. Л. 58.
- ¹⁰⁸ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 22, 24.
- ¹⁰⁹ Младоросская искра. 25 февраля 1933. № 27. С. 3.
- ¹¹⁰ Там же. 1 января 1934. № 35. С. 2.
- ¹¹¹ Бодрость. 19 февраля 1939. № 214. С. 1.
- ¹¹² Младоросская искра. 15 января 1931. № 11. С. 3.
- ¹¹³ Бодрость. 10 октября 1938. № 196. С. 3.
- ¹¹⁴ Там же. 3 апреля 1938. № 171. С. 2.
- ¹¹⁵ Цит. по: Младоросская искра. 1 декабря 1931. № 9. С. 2.
- ¹¹⁶ Там же. 15 января 1931. № 11. С. 3.
- ¹¹⁷ Там же. 10 мая 1933. № 29. С. 1.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Там же. 15 сентября 1931. № 4. С. 1.
- ¹²⁰ Там же. 1 октября 1931. № 5. С. 2.
- ¹²¹ Там же. 1 ноября 1932. № 24.
- ¹²² Там же. 10 мая 1933. № 29. С. 2.
- ¹²³ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 37.
- ¹²⁴ Цит. по: там же.
- ¹²⁵ Младоросская искра. 7 января 1938. № 176. С. 4.
- ¹²⁶ Там же. 8 августа 1931. № 1. С. 4.
- ¹²⁷ Там же. 15 августа 1931. № 2. С. 1.
- ¹²⁸ Там же. 15 января 1932. № 11. С. 2.
- ¹²⁹ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 37.
- ¹³⁰ Младоросская искра. 1 ноября 1932. № 24. С. 1.
- ¹³¹ *Петрович Р.* Младороссы. С. 38.
- ¹³² Бодрость. 19 января 1936. № 64. С. 2.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Младоросская искра. 25 мая 1934. № 39. С. 2.
- ¹³⁵ Чему свидетели мы были. Кн. 2. 1938–1940. М., 1998. С. 265.
- ¹³⁶ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 7–9.
- ¹³⁷ Бодрость. 20 февраля 1938. № 165. С. 1.
- ¹³⁸ http://www.hro.org/editions/karta/nr_2829/jewich_3.htm //
- Волков В. Фашизм в России. Что завтра?
- ¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Цит. по: Августин (Никитин), архим. Церковь плененная. Митрополит Никодим (1929-1978) и его эпоха (в воспоминаниях современников). Спб, 2008. С. 162.

¹⁴¹ Цит. по: там же.

¹⁴² Младоросская искра. 5 января 1933. № 26. С. 3.

¹⁴³ Там же. 5 апреля 1932. № 15. С. 3.

¹⁴⁴ РГВА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 185. Л. 26.

¹⁴⁵ Там же. Л. 25.

¹⁴⁶ Там же. Л. 5–6.

¹⁴⁷ Младоросская искра. 15 октября 1932. № 23. С. 3.

¹⁴⁸ Там же. 25 мая 1934. № 39. – С. 3.

¹⁴⁹ Августин (Никитин), архим. Церковь плененная. С. 579.

¹⁵⁰ Бодрость. 8 ноября 1936. № 106. С. 2.

¹⁵¹ <http://resist.gothic.ru/arhiv/benito4.html> // Муссолини Б.

Доктрина фашизма.

¹⁵² Бодрость. 10 марта 1935. № 19. С. 4.

¹⁵³ Младоросс. Май, 1931. Париж. № 8. С. 9.

¹⁵⁴ Младоросская искра. 25 мая 1934. № 38. С. 3.

¹⁵⁵ РГВА. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 171. Л. 465–474.

¹⁵⁶ Младоросская искра. 5 января 1933. № 26. С. 5.

¹⁵⁷ Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. 5. М., 1912–1913. С. 197.

¹⁵⁸ Там же. С. 208.

¹⁵⁹ РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 52–54.

¹⁶⁰ <http://elem2000.virtualave.net/Sbushe.htm>.

¹⁶¹ РГВА. Л. 54.

¹⁶² Младоросская искра. 12 июля 1932. № 20. С. 1.

¹⁶³ Там же. 1 сентября 1931. № 3. С. 1.

¹⁶⁴ Там же. 25 мая 1934. № 39. С. 1.

¹⁶⁵ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 9.

¹⁶⁶ Цит. по: там же. С. 9–10.

¹⁶⁷ Цит. по: там же. С. 10–11.

¹⁶⁸ Младоросская искра. 25 августа 1935. № 44. С. 2.

¹⁶⁹ Там же. 1 ноября 1932. № 24.

¹⁷⁰ Цит. по: Петрович Р. С. 12.

¹⁷¹ Бодрость. 7 августа 1938. № 187. С. 3.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 35.

¹⁷⁵ Россия и славянство. 15 марта 1933. № 218. С. 2.

- ¹⁷⁶ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 12.
- ¹⁷⁷ Цит. по: там же. С. 20–21.
- ¹⁷⁸ Младоросская искра. 1 февраля 1932. № 12. С. 2–3.
- ¹⁷⁹ Чему свидетели мы были. Кн. 1. 1934–1937. М., 1998. С. 256–257.
- ¹⁸⁰ Младоросская искра. 12 июля 1932. № 20. С. 3.
- ¹⁸¹ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 25.
- ¹⁸² Цит. по: там же.
- ¹⁸³ Бодрость. 25 июня 1939. № 231. С.2.
- ¹⁸⁴ Младоросская искра. 20 сентября 1934. № 41. С. 1.
- ¹⁸⁵ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 30.
- ¹⁸⁶ Цит. по: там же.
- ¹⁸⁷ Бодрость. 15 марта 1936. № 72. С. 3.
- ¹⁸⁸ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 33.
- ¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 53 об.
- ¹⁹⁰ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 37.
- ¹⁹¹ Цит. по: там же. С. 25–26.
- ¹⁹² Цит. по: там же.
- ¹⁹³ Бодрость. 22 марта 1936. № 73. С. 4.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 3.
- ¹⁹⁵ РГВА. Л. 8 и об.
- ¹⁹⁶ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 29.
- ¹⁹⁷ Ильин И. А. Собр. соч. Письма. Мемуары. (1939 – 1954). М., 1999. С.350.
- ¹⁹⁸ Там же.
- ¹⁹⁹ Там же. С.8.
- ²⁰⁰ Бодрость. 11 июня 1939. № 229. С. 1.
- ²⁰¹ Младоросская искра. 1 декабря 1934. № 42. С. 2.
- ²⁰² Бодрость. 2 января 1938. № 158. С.1.
- ²⁰³ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 12.
- ²⁰⁴ Младоросская искра. 1 января 1934. № 35. С. 2.
- ²⁰⁵ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 16.
- ²⁰⁶ Цит. по: там же.
- ²⁰⁷ Младоросская искра. 5 апреля 1933. № 28. С. 3.
- ²⁰⁸ Там же.
- ²⁰⁹ Там же. С. 4.
- ²¹⁰ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 19.
- ²¹¹ Цит. по: там же.
- ²¹² Цит. по: там же. С. 34.
- ²¹³ Младоросская искра. 25 февраля 1933. № 27. С. 2.

- ²¹⁴ К молодой России. С. 158.
- ²¹⁵ Там же. С. 149.
- ²¹⁶ Бодрость. 31 марта 1935. № 22. С. 1.
- ²¹⁷ Младоросская искра. 15 октября 1931. № 6. С. 2.
- ²¹⁸ Горлов С. А. Совершенно секретно. 1920–1933. М., 1999. С. 6.
- ²¹⁹ Там же. С. 21.
- ²²⁰ Там же. С. 32–33.
- ²²¹ Там же. С. 33.
- ²²² Там же. С. 67.
- ²²³ *Соболев Д.* Самолетостроительная концессия Юнкера в Филях и авиационная школа в Липецке. Из истории военно-технического сотрудничества // Россия и Германия в XX веке. Т. 2. Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. Под ред. Аймермахера К., Бордюгова Г., Фольперт А. М., 2010. С. 169.
- ²²⁴ *Горлов С. А.* Совершенно секретно. С. 69.
- ²²⁵ Там же. С. 88.
- ²²⁶ Там же. с. 91.
- ²²⁷ Там же. С. 132.
- ²²⁸ Там же. С. 143.
- ²²⁹ Там же. С. 221.
- ²³⁰ Там же. С. 292–293.
- ²³¹ Там же. С. 294.
- ²³² Там же. С. 303.
- ²³³ Там же. С. 312.
- ²³⁴ Там же. С. 313.
- ²³⁵ Там же. С. 318.
- ²³⁶ Младоросская искра. 15 ноября 1931. № 8. С. 1.
- ²³⁷ Россия и славянство. 7 января 1933. № 209. С. 3.
- ²³⁸ Бодрость. 2 июня 1935. № 31. С. 1.
- ²³⁹ Младоросская искра. 5 апреля 1932. № 15. С. 3.
- ²⁴⁰ Там же. С. 4.
- ²⁴¹ Там же. 1 октября 1931. № 5. С. 4.
- ²⁴² Там же. 20 августа 1932. № 21. С. 1.
- ²⁴³ Там же. 5 апреля 1932. № 15. С. 4.
- ²⁴⁴ Бодрость. 16 февраля 1936. № 68. С. 2.
- ²⁴⁵ За Русь святую!.. Лига русских офицеров и солдат запаса за границей. Белград. 1937. С. 11.
- ²⁴⁶ *Косик В.* Україна Німеччина у другій світовій війні. Париж, Нью-Йорк, Львів. 1993. С. 36.

- ²⁴⁷ Чему свидетели мы были. С. 52–53.
- ²⁴⁸ Там же. Кн. 2. С. 167.
- ²⁴⁹ Там же. С. 170–171.
- ²⁵⁰ Там же. С. 194.
- ²⁵¹ Там же. С. 195–196.
- ²⁵² Там же. Кн. 1. С. 301.
- ²⁵³ Там же. С. 509.
- ²⁵⁴ Бодрость. 22 января 1939. № 210. С. 1.
- ²⁵⁵ Младоросская искра. 20 апреля 1932. № 16. С. 4.
- ²⁵⁶ Россия и славянство. Март 1934. № 230. С. 2.
- ²⁵⁷ Чему свидетели мы были. С. 59.
- ²⁵⁸ Там же. С. 75.
- ²⁵⁹ Из беседы со Светланой Михайловной Толстой // Архив автора.
- ²⁶⁰ Бодрость. 5 марта 1939. № 216. С. 1.
- ²⁶¹ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 11.
- ²⁶² Цит. по: там же.
- ²⁶³ Младоросская искра. 25 сентября 1932. № 22. С. 1.
- ²⁶⁴ Бодрость. 19 января 1936. № 64. С. 3.
- ²⁶⁵ Младоросская искра. 25 мая 1934. № 38. С. 1.
- ²⁶⁶ Там же.
- ²⁶⁷ Чему свидетели мы были. Кн. 2. 1934–1937. С. 332.
- ²⁶⁸ Младоросская искра. 1 декабря 1931. № 9. С. 4.
- ²⁶⁹ Последние новости. 6 сентября 1930. № 3454. С. 5.
- ²⁷⁰ Младоросская искра. 1 марта 1932. № 13. С. 2.
- ²⁷¹ Там же. С. 3.
- ²⁷² Младоросс. Май 1930. № 3. С. 16.
- ²⁷³ РГВА. Д. 4.
- ²⁷⁴ Младоросская искра. 1 марта 1932. № 13. С. 1.
- ²⁷⁵ Там же. С. 3.
- ²⁷⁶ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 10.
- ²⁷⁷ Младоросская искра. 1 декабря 1931. № 9. С. 3.
- ²⁷⁸ Там же. 20 апреля 1932. № 16. С. 1.
- ²⁷⁹ Там же. 20 марта 1932. № 14. С. 3.
- ²⁸⁰ Там же. 20 апреля 1932. № 16. С. 3.
- ²⁸¹ Там же. 5 апреля 1932. № 15. С. 1.
- ²⁸² Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 32.
- ²⁸³ Там же.
- ²⁸⁴ Младоросская искра. 1 декабря 1934. № 42. С. 3.
- ²⁸⁵ Бодрость. 19 июля 1936. № 90. С. 2.

- ²⁸⁶ *Кривошеина Н. А.* Четыре трети. С.110.
- ²⁸⁷ Бодрость. 16 февраля 1936. № 68. С. 3.
- ²⁸⁸ Младоросская искра. 12 июля 1932. № 20. С. 1.
- ²⁸⁹ РГВА. Д. 6. Л. 8.
- ²⁹⁰ Младоросская искра. 1 декабря 1931. № 9. С. 1.
- ²⁹¹ Бодрость. 16 августа 1936. № 94. С. 3.
- ²⁹² Младоросская искра. 1 декабря 1931. № 9. С. 1.
- ²⁹³ Там же.
- ²⁹⁴ Там же. 1 октября 1931. — № 5. — С. 2.
- ²⁹⁵ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 39-40.
- ²⁹⁶ Цит. по: там же. С. 40.
- ²⁹⁷ РГВА. Д. 1. Л. 146.
- ²⁹⁸ *Петрович Р.* Младороссы. С. 39.
- ²⁹⁹ Бодрость. 30 августа 1936. № 95. С. 3.
- ³⁰⁰ Младоросская искра. 1 ноября 1931. № 7. С. 4.
- ³⁰¹ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 24.
- ³⁰² Младоросская искра. 15 сентября 1931. № 4. С.2.
- ³⁰³ Там же. 25 августа 1935. № 44. С. 1.
- ³⁰⁴ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 14.
- ³⁰⁵ Там же. С. 22.
- ³⁰⁶ Цит. по: там же. С. 14.
- ³⁰⁷ Бодрость. 10 ноября 1935. № 54. С. 1.
- ³⁰⁸ Там же.
- ³⁰⁹ Там же.
- ³¹⁰ Там же. 22 марта 1936. № 73. С. 4.
- ³¹¹ Там же. С. 1.
- ³¹² РГВА. Д. 6. Л. 8.
- ³¹³ Бодрость. 19 июля 1936. № 90. С.1.
- ³¹⁴ Младоросская искра. 20 августа 1932. № 21. С. 1.
- ³¹⁵ РГВА. Д. 1. Л. 80.
- ³¹⁶ Цит. по: Петрович Р. Младороссы. С. 35.
- ³¹⁷ Бодрость. 8 мая 1938. № 174. С. 2.
- ³¹⁸ Младоросс. Май 1931. № 8. С. 6.
- ³¹⁹ Младоросская искра. 10 июня 1933. № 30. С. 1.
- ³²⁰ Россия и славянство. Январь–февраль 1934. № 228. С. 1.
- ³²¹ Там же.
- ³²² *Гальской В. Л.* Ты в памяти моей таким остался // Джурич О.
Антология поэзии русского Белграда, Белград, 2002. С. 49.
- ³²³ Бодрость. 3 апреля 1938. № 171. С. 1.

- ³²⁴ Там же. 14 августа 1938. № 188. С. 1.
³²⁵ Там же. 21 августа 1938. № 189. С. 1.
³²⁶ Там же. 13 ноября 1938. № 200. С. 1.
³²⁷ Там же. 6 марта 1938. № 167. С. 1.
³²⁸ Там же. 12 апреля 1938. № 172. С 1–2.
³²⁹ РГВА. Д. 6. Л. 8 об.
³³⁰ Бодрость. 16 января 1938. № 160. С. 1.
³³¹ Там же. 13 февраля 1938. № 164. С. 1.
³³² Там же.
³³³ Там же. 20 февраля 1938. № 165. С. 1.
³³⁴ Там же. 27 августа 1939. С. 1.
³³⁵ РГВА. Л. 56 об. Очаговая политучеба. № 3. 15 июня 1938.
³³⁶ Бодрость. 5 февраля 1939. № 212. С. 1.
³³⁷ Там же. 18 июня 1939. № 230. С. 3.
³³⁸ Там же. 29 января 1939. № 211. С. 2.
³³⁹ Там же. 9 октября 1938. № 195. С. 1.
³⁴⁰ Там же. 12 ноября 1939. № 258. С. 1.
³⁴¹ Там же.
³⁴² Там же. 15 января 1939. № 209. С. 1.
³⁴³ Там же.
³⁴⁴ Там же. 26 июня 1938. № 181. С. 3.
³⁴⁵ Цит. по: Массип Мирей. Истина – дочь времени. С. 192.
³⁴⁶ Там же.
³⁴⁷ Бодрость. 10 сентября 1939. № 242. С. 2.
³⁴⁸ Там же. 8 октября 1939. № 246. – С. 2.
³⁴⁹ РГВА. Д. 1. Л. 78.
³⁵⁰ Там же. Л. 84–85. (21 февраля 1940 г.)
³⁵¹ Там же. Л. 80.
³⁵² Там же. Л. 81.
³⁵³ Там же. Л. 87–88.
³⁵⁴ Чему свидетели мы были. С. 365–366.
³⁵⁵ Бодрость. 5 марта 1939. № 216. С. 1.
³⁵⁶ Там же. 12 марта 1939. С. 2.
³⁵⁷ РГВА. Л. 80–81.
³⁵⁸ Младоросская искра. 1 января 1934. № 35. С. 2.
³⁵⁹ 1945 Шум времени 1953. Из дневника сталинского наркома
Мальшева В. А. // Независимая газета. 29 сентября 1999 г. С. 3.
³⁶⁰ Бодрость. 5 ноября 1939. № 250. С. 1.
³⁶¹ Там же. 1 февраля 1940. № 258. С. 2.

- ³⁶² РГВА. Л. 85.
- ³⁶³ Там же. Л. 78.
- ³⁶⁴ Там же. Л. 79.
- ³⁶⁵ Там же. Л. 84.
- ³⁶⁶ Там же. Л. 29.
- ³⁶⁷ Там же. Л. 30.
- ³⁶⁸ Там же.
- ³⁶⁹ Там же. Л. 80.
- ³⁷⁰ Там же.
- ³⁷¹ Там же.
- ³⁷² Там же.
- ³⁷³ Там же.
- ³⁷⁴ Там же.
- ³⁷⁵ *Массин Мирей*. Истина — дочь времени. С. 192–193.
- ³⁷⁶ Журнал Московской Патриархии. М., 1979, № 2. С. 26.

Именной указатель

А. Р. 131
Авалов П.М. 83
Алданов М. 168
Александр II 100
Александр III 158
Алексеев Н. 141
Али-Абас 16
Алонзо де 16
Андреев А.А. 179
Андрей Александрович 48
Антипов 41
Антонов А.С. 156
Араки С. 145
Артемьев М.М. см. Бренстед М.
Архаров Н.П. 128
Аштар 16

Баар 16
Бабушкин М.С. 28
Багров Д.Г. 115
Байкалов (А.В.?) 48
Баммат Г. 128
Бандера С.А. 119
Бараташвили Н. 129
Батый 123
Безматерных 16
Белинский В.Г. 46
Берберова Н.Н. 168
Бердяев Н. А. 4, 78, 81, 144
Бертран (А.Г.?) 111
Био 16
Блюхер В.К. 104, 157
Богданович 37
Бонапарт Н. 40, 73, 90
Боратынский Е.А. 12
Ботвинник М.М. 66
Бош дю 16

Бренстед М. 20, 26, 135, 136
Бутаков Г. 138

Вагнер В.Р. 164
Валуа Ж. 87
Василий Александрович 48
Виктория Федоровна 126
Вильямс Г. 122
Вирановский Б. 19
Виркау 16
Водопьянов М.В. 28
Войт 16
Волконский Ю. 42
Вонсяцкий А.А. 48, 83
Ворошилов К.Е. 72, 92, 104
Врангель П.Н. 39

Гаганидзе 16
Гальской В.Л. 154
Гамарник Я.Б. 104
Ганин А. 5
Георгиевич А. 162
Георгий Михайлович 53
Геринг Г. 109
Гессен С.И. 104
Гинденбург П., фон 113
Гинднер 16
Гиппиус З.Н. 44
Гитлер А. 77, 105, 109, 113, 114, 119, 120, 147, 165, 173, 181
Гоголь Н.В. 46, 131, 140
Гойер-Боот 16
Гончаров И.А. 33
Горгулов П.Т. 116, 117
Горлов С.А. 112
Городенский Д.А. 166
Горчаков М.К. 42, 55
Гримм И.Д. 16
Гринченко Л. 77
Громов М.М. 28

Гуль Р.Б. 168
Гульязизов 16

Дабужин З.А. 43
Даватц В.Х. 125
Давыдов Д. 168
Даладые Э. 179
Деникин А.И. 137
Джанкаев 16
Дзбановский 16
Дмитриевский (Дмитревский) С. В. 70, 95, 105
Дмитрий Александрович 15, 48
Дмитрий Павлович 22, 48, 58, 138, 142
Дорн Г. 43
Достоевский Ф.М. 19, 46, 98, 111, 131, 149, 171
Дроздовский М.Г. 39
Думер П. 116
Дураков 16
Дэн Е. В., фон 52, 53
Дэнни 16

Евдокимов Н.А. 28
Ежов Н.И. 104
Елита-Вильчковский 21, 27, 35, 70, 86, 102, 129, 130, 135, 143,
151, 158, 161, 176
Есенин С.А. 5
Ефремов 42

Жанна д'Арк 59
Жданов А.А. 104, 179
Жид А. 150

Зайцев К.И. 16
Захарченко-Шульц М. В. 39
Зект Г., фон 112, 113
Зеньковский С. 138
Зиновьев Г.Е. 68, 70
Златев П. 82
Знаменский 125

Иванов 16
Ивон 150
Игнатъев А.А. 140-142
Ильин И.А. 4, 16, 32, 43, 104, 127
Имерлишвили 16
Иоанн Грозный 128
Ишоев 16

Каганович Л. М. 69, 70, 104
Казем бек, хаджи 128
Казем-Бек А.К. (Касим-оглы М. М. А. Г.) 12
Казем-Бек А.Л. 6-8, 10, 12-16, 32, 33, 36, 37, 40, 42, 45, 48, 52, 55-57, 60, 61, 67, 70-74, 80, 83, 89, 90, 92, 95, 98, 101, 105, 107, 109, 123, 124, 127, 128, 131-133, 136, 139, 140-143, 149, 150, 152, 153, 157, 158, 160-163, 165-170, 172, 173, 173, 175, 176, 178, 180, 181
Казем-Бек Л. 12
Калинин М.И. 104
Каменев Л.Б. 68, 70
Каменев С.С. 104
Кампанелла Т. 89
Кашпель В.О. 126
Кар И. 93
Карацупа Н.Ф. 66
Карелели В. см. Цицишвили В.
Като 146
Като Т. 145
Керенский А.Ф. 49, 116, 134
Кира Кирилловна 53
Кирилл Владимирович 13, 46, 48-51, 127, 155, 156
Киссель 16
Коверда Б.С. 39
Козлов Л.Н. 13
Коллинз Х. 114
Коновалец Е.М. 119
Конради М.М. 39
Краснов П.Н. 167
Кривошеина Н.А. 32, 52, 139
Кришталь 16
Ксения Александровна 48

Кутепов А.П. 42

Лаваль П.

Лапчинский Д. 27

Ларионов А.В. 39

Лембик 16

Ленин В.И. 42, 75, 77, 99, 100, 109, 176

Леонтьев К.Н. 7, 53, 78, 84, 85, 91, 131, 175

Ливен Л.П. 15

Литвинов М.М. 104, 105, 113

Лихачев Б. 13

Лодыженский А.И. 104

Луначек 16

Людовик IX 59

Людовик XVIII 73

Лях-Невинский 16

Маггеридж М. 119

Магомет-хан Н. 128

Макиавелли Н. 90

Маклаков В.А. 47, 48, 120, 121, 171

Максимов 41

Малхолланд 16

Маннергейм К. Г. Э. 180

Марков Н.Е. 104

Маркопуло 16

Маркс 16

Маркс К. 42, 100

Махров П.С. 41

Мейендорф Ф. 15

Меллер ван дер Брук А. 84

Мельник А.А. 119

Мережковский Д.С. 132, 133

Мещерский А.П. 139

Миллер Е.К. 41, 71

Милюков П.Н. 136, 137, 153

Мишле Ж. 111

Миштовт 16

Молоков В.С. 28

Молотов В.М. 72, 104, 105, 179
Мономахов Д. 39
Мор Т. 89
Мордвинов А.Р. 60
Моррас Ш. 128
Мурзаев 16
Мусин-Пушкин Ю.Б. 15
Муссолини Б. 27, 51, 77, 80, 81, 128, 129, 142
Мухина В.И. 108

Никита Александрович 48
Николай II 46, 50
Николай Николаевич 13
Ницше Ф.В. 164
Новиков Н.И. 79
Нувой 16

Оболенский А.Н. 13
Оболенский С. 27, 97, 105, 147, 172
Олеша Ю.К. 60
Орвелл Дж. 25, 26
Орднони П. 52, 93, 94
Освальд 16

Паевский 17
Петерс 39
Петр I 65, 99, 100, 111,
Писаревский С.С. 141
Платон 89
Плаутин С.Н. 13
Полунин А.П. 39
Принцип Г. 116
Протопопов А.Д. 49
Пугачев Е.И. 156
Пуришкевич В.М. 104
Пуятин А. 31, 100
Пушкин А.С. 45, 160

Радек К.Б. 70, 112, 114

Радкович Г. Н. 39
Рассел Б. 81
Рейхель Н. 79
Рено Л. 134, 159
Рихтер С. Т. 66
Роар 16
Робеспьер М. 90, 168
Родзаевский К. В. 146
Родзянко М.В. 50
Розенберг 16
Роллан Р. 150
Романов 16
Романовский-Красинский В. 27
Романовы 47, 48, 49
Рончевский Р. П. 39, 40, 73, 102, 127, 138
Ростислав Александрович 48
Рютин М. Н. 68, 70

С. О. (Оболенский С.?) 163
Саблин Е. В. 47, 48, 121, 122
Семенов Ю. Ф. 141
Сергий, преп. 98
Ситроен А. 134
Скоблин Н. В. 71
Скоропадский П.П. 119, 121
Скрябин см. Молотов В.М.
Соловьев В.С. 78
Солоневич И.Л. 4
Сольский 39
Спиридович А.И. 30
Сталин И.В. 39, 47, 49, 61, 65, 66, 68-74, 76, 92, 97, 100, 101, 102, 105, 109, 110, 115, 116, 130, 140, 150, 151, 156-161, 167-169, 172-176, 178-181
Стаханов А.Г. 66
Степун Ф.А. 94,117
Стефанович П. 27
Столыпин П.А. 115
Стоянов И.А. 66
Струве П.Б. 4, 16, 42, 71, 109, 115, 124-126, 131, 132, 133, 152-154

Суворов А.В. 156
Сырцов С.И. 69

Тальберг Н.Д. 55
Тимашев Н.С. 103
Толстой И.И. 7, 15, 124-126
Толстой Л.Н. 126, 131
Толстой Н.И. 126, 150
Троцкий Л.Д. 49, 68, 73, 92, 105, 150, 160
Тургенев И.С. 33
Туркул А.В. 81
Тухачевский М.Н. 104, 113, 114, 156
Тыркова А.В. 48
Тэффи Н.А. 168

Ульянов см. Ленин В.И.
Уэллс Г. 88

Федор Александрович 48
Федотов Г.П. 167
Фейхтвангер Л. 150
Философов Н. 27, 150, 169, 170, 175, 176, 178-180
Фишер 113
Флери 42
Франк С. Л. 78

Хатаев С. 128
Хитлер см. Гитлер А.
Ходасевич В.Ф. 168
Хомяков А.П. 90, 98
Хрущев Н.С. 104,
Хугенберг А. 114

Цанков А. 66
Цицишвили В. 128, 129
Цуриков Н.А. 115

Чернавин Б.И. 117
Чернышевский Н.Г. 46

Чингизхан 61
Чкалов В.П. 66

Шахматов 115
Шебеко Н.Н. 141
Шкуро А.Г. 167
Шляйхер К., фон 113
Шпигельберг Н. 12
Штейгер А.С. 15, 44
Штрандман В.Н. 120, 121
Шульгин 171
Шульгин В.В. 43, 125
Шушкевич Р. 119

Энвер-паша И. 113

В. И. Косик

**«МОЛОДАЯ РОССИЯ»
Вариации на тему национализма
в маршах эпохи**

Редактор *О.В. Косик*
Верстка *М.В. Никитина*